

A decorative border with intricate floral and scrollwork patterns in a light gray color, framing the central text.

**Заголовок
КНИГИ**

Текст аннотации

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Бонус](#)
-
-

Глава 1

Ирина

Ещё с вечера знала, что кофе в доме нет. Знала, что без кофе не смогу, но тащиться вечером в магазин страсть как не хотелось. С тоской взглянула на пустую банку дорогущего кофе, стоящую на столе. Девяносто пять грамм ушли всего за неделю. Собираться на работу и выйти на весь день из дома без горячей кружки с кофе, для меня было смерти подобно. Поэтому наплевав на всякие приличия, сунула босые ноги в угги, накинула шубу и потопала в магазин, хвастая перед прохожими фланелевыми пижамными штанами. Благо, небольшой супермаркет находился рядом с домом, нужно было только перейти дорогу.

Ноги холодило, я торопилась, семена по хрустящему, выпавшему за ночь снежку. Через дорогу мне горел отчётливый и даже не мигающий зелёный. Я, начала переходить не глядя, обычно так не делаю, но встреча с бодрящим напитком, и желание не опоздать на работу, сделали своё подлое дело. Визг тормозов заставил всё же глянуть налево, именно слева на меня неслась огромная машина, чёрная, как могильная плита, которой меня накроют. Рассказывать это всё дольше, чем оно происходило на самом деле.

Я не впала в ступор, а шлифуя своими китайскими валенками желто-белые полоски, дала дёру, что было сил. Подыхать из-за банки кофе, хренушки! Ещё отчёт на работе недоделала, начальник будет гневаться. А дома, в раковине с вечера посуда, не мытая и в принципе бардак. Хозяйка квартиры будет недовольна, а мама огорчится, тем, что не привила мне любовь к идеальному порядку. Никакой всей жизни перед глазами, пока на меня неслась эта махина. А вот когда мы всё же разминулись, вся жизнь перед глазами пронеслась, когда на меня летел уже горе-водитель.

— Тебе жить надело убогая?! Так вздёрнись! Какого хуя ты под колёса кидаешься?! — здоровенный бугай схватил меня за шубу, тряс и на пару секунд я потеряла связь с землёй, отчётливо слыша, как в его ручищах рвётся моя мечта в кредит, который я ещё не выплатила, между прочим.

— Зе...зелёный...я на зелёный шла... — едва смогла прошептать, совсем как в кошмарном сне, когда на вас надвигается что-то страшное, а вы и слова сказать не можете, только губами шевелите.

— Что ты блеешь овца недорезанная?! Я ехал на зелёный! Дура! — он встряхнул меня ещё раз и в следующее мгновение, моя попа встретилась с холодным сугробом, а до моего лица, совсем чуть-чуть не долетали куски снега из-под его удаляющихся ботинок.

Никто за меня не заступился, хотя народа мимоидущего было немало, и не то, чтоб они спешили просто смотреть за неравным и несправедливым боем было куда интересней, чем стать его участником.

С трудом выбралась из сугроба, когда бугай на своей машине, с визгом двинулся дальше. Руки тряслись, ноги ватные едва шагали, фланель явно была не предназначена для встречи с сугробом, штаны промокли от снега до самых трусов. Но я стоически дошла до супермаркета, схватила с полки ближайшую банку с кофе и расплатившись, я добралась до дома.

Будучи в подъезде, я уже дала волю слезам. Они катились по щекам градом, я не успевала их смахивать. Как только оказалась в квартире, разрыдалась в голос. Норковая шуба, купленная мною в кредит, была испорчена. Лоснящиеся шкурки не выдержали натиска и просто разошлись, даже не по шву. Скорее всего, её уже не получится починить. Но рыдала я не из-за шубы, а из-за форменной несправедливости. Меня чуть не сбили, мне испортили шубу, оскорбили, унизили толкнув в сугроб, и никто не заступился. А виновник не понёс ровным счётом никаких убытков, разве что остановиться пришлось. Наверное, если бы сбил меня, вообще бы убил, за то, что его машина пострадала, хотя я не уверена, что такому танку, мои кости нанесли бы существенный вред. Тогда просто за сам факт соприкосновения с ней.

После случившегося мне был необходим не только горячий кофе, но и душ. Отогреть околевшую попу, смыть с себя весь груз произошедшего. После горячего душа, приготовила себе кофе, на свой страх и риск, булькнув в него пятьдесят грамм коньяка. Пила крепкий, бодряще — успокаивающий нервы напиток и мыла на всякий случай посуду, вместо посиделок за ноутбуком и просмотра соцсетей.

На голодный желудок, пятьдесят грамм было даже многовато, зато эффект хороший, я даже покрасилась. Хотя всё равно пришлось бы прятать под косметикой опухшие от слёз глаза. Но без коньяка в кофе, я бы обошлась тоналкой. К тому же даже без слёз достала из шкафа свой пуховик. Удачно мама уговорила его не выкидывать, мало ли на природу выбираться, не в норковой же шубке. Вот, теперь ещё ходить в нем придётся и явно не один год. Пока выплачу кредит за пострадавшую шубу, потом накоплю взнос на новую. Натянула шапку на самые брови, и оставив печальные мысли до самого вечера, вышла за дверь своей уютной квартирки.

Но пока шла до работы, активно зажёвывая жвачкой своё алкогольное безобразие, дабы шеф не унюхал, выговаривала про себя тому козлу спешащему, всё то, чего не сказала, когда надо было. И самое обидное, что слова сейчас находились смачные. Явно пробрали бы этого говнюка. Ещё номер машины надо было записать, стрясти ущерб за шубу. Хотя я понимала, что это нереально, что после драки кулаками не машут, но от мысли, что я всё ему высказала и номер машины записала, было легче на душе. Зная себя, я ещё долго буду пыхтеть, неделю, а может и две, и даже пореву ещё пару раз, но сделать-то уже ничего нельзя, и как назло, просто плюнуть тоже не получается.

Явилась на работу с небольшим опозданием, но всё были с утра на удивление заняты, и никто особо внимание не обратил на мой косяк. Какая-то нездоровая суета ворвалась в наш тихий мирок офисного планктона, медленно плавающего от одной кипы документов к другой. Никак начальство московское в нашу сторону лыжи наострило. Но в любом случае

отчёт мой, недоделанный, никто не требовал сею же секунду, но гневить начальство мне нельзя. Ещё кредит выплачивать за дырявую шубу. А по всему, села беспокойно за рабочий стол свой, быстро взялась за работу, не отвлекаясь даже на чай и уж тем более на кофе. На посредственного виновника моего утреннего унижения.

Два часа непрерывной работы и дело было сделано. Как раз в этот момент, в кабинет явно мимоходом, заглянул мой непосредственный начальник Аркадий Сергеевич.

— Ириша догоняй меня! — запыхавшись, велел мне начальник.

Я недолго думая, стартанула за ним. Забыв напрочь про отчёт. Даже в печать его не отправила. Догнала начальника уже в приёмной перед его кабинетом, в котором царило неестественно столпотворение сотрудников.

Даже не сразу в этой толпе заприметила того самого дальтоника, который мне сегодня чуть билет на тот свет не выписал. А вот он меня признал тут же. Хотя я была без шубы и не в пижамных штанах. Говорю же, не слепой он, а дальтоник. Путает цвета, и как ему права только выдали? Хотя, о чём это я? Такие права покупают наверняка. Торопыги, некогда им учиться водить, людей ж давить некому.

— Чё суицидная эта тут делает? — бугай, сделав всего шаг, растолкав моих коллег, бесцеремонно ткнул своим пальцем мне в солнечное сплетение, и уставился со своим вопросом на Аркадия Сергеевича.

От этого тыка, я чуть пошатнулась и сделала шаг назад, чтоб избавиться от этого хамского пальца.

— Иван Олегович, это Ирина, наша ведущая сотрудница. Ирочка отчёт готов? — заискивая перед бугаём, побелев как потолок, Аркадий Сергеевич уставился на меня, явно не понимая, что происходит.

— Не надо отчёт! — рявкнул этот Иван Олегович, по всей видимости, оно и было, то самое начальство московское.

— Манатки свои собирай, уволена Ирочка-дурочка. Мне нужны нормальные работники, а не овцы слепые. — прям перед коллегами, я попалась в роли жертвы для показательного изгнания.

И это при том, что самый ужасный косяк с моей стороны как работника, это опоздание максимальное на полчаса и то, тогда весь город затопило. Пешком идти пришлось, весь транспорт тогда стоял.

Развернулась я, и молча пошла в свой кабинет. Смысл что-то доказывать этому уроду? Да и работать здесь под таким вот самодуром?! Лучше я с голоду опухну. На душе было очень тревожно, я долго не могла сообразить, куда же скинуть свои вещички и боялась, что этот бугай явится в мой кабинет. Коробки как в фильмах у меня не было, зато нашла

большой жёлтый пакет из супермаркета. Без бережливости скидала в него всё своё барахлишко. Наскоро переодевшись обратно, села за рабочий компьютер и вспотевшими от волнения руками, запаролила чудо техники. Раз мой отчёт не нужен, раз я уволена, то и вот так вот! Вышла из кабинета, с пакетом наперевес, и завернув за угол, врезалась прямо в грудь этому хаму. Да что ж такое-то?! Про себя я даже материлась, что мне было уж совсем несвойственно.

— Как тебя там? Мне нужен отчёт. — уставился на меня своими наглыми глазищами и ходу не даёт.

— Отчёт в компьютере. Дайте пройти. — сделала пас влево, но он был проворный.

— Сначала отчёт мне распечатаешь, отдашь, потом пойдёшь. Давай бодренько, у меня времени нет, я тороплюсь. — я уже заметила.

Он схватил меня под руку и затащил обратно в кабинет, не особо заботливо усадил на стул и стал следить, стоя надо мной как надзиратель над преступником. Отдать отчёт была не проблема, проблемой стал пароль. Нет я его не забыла, но ввести пароль при этой падле, всё равно что подписать себе смертный приговор.

— Может вы за стол присядете? Вы меня нервируете. — попросила его не глядя.

— Нежная какая. А ты мне сегодня утром сколько нервов попортила? — хмыкнув, возмутился он.

— Нет ну это уже ни в какие ворота! — я вскочила с места, с другой стороны, ловко избежав очередной хватки этого негодяя, и начала торопливо выговаривать всё, что было недоговорено; — Я шла на зелёный! А вы мчались как на пожар! На красный! Потом ещё мне шубу испортили своими ручищами, про унижение и оскорбления я вообще молчу! А вишенкой на торте увольнение! Зато вы никак не пострадали и ваше пальто целёхонькое и в сугроб задницей вас не усадили и с работой у вас, как я погляжу всё шикарно! Вот и добывайте свой отчёт как хотите! Всего хорошего! Мудак! — мат, что про себя гоняла, вырвался наружу на таких эмоциях, а я с испуга, позабыв про свой пакет, выскочила из кабинета и дала конкретного дёра.

Бежала, петляя переулками, совсем не жалея о своём забытом пакете. В конечном счёте в нём не было ничего особо ценного.

Вернувшись домой, переступив порог квартиры, сползла на пол и опять разревелась. Успокоилась только ближе к вечеру. Нажарив много картошки, уселась со сковородкой прямо перед телеком. По первому каналу шла известная передача. Сегодня распинали очередную знаменитость, пострадавшую от руки другой знаменитости. Смотреть такие передачи я не любила, но сегодня был день исключения. Для того чтоб отвлечься от своих проблем, увлеклась чужими.

Расправившись с вредной для фигуры картошкой, налила себе горячего кофе с молоком и кучей сахара. Села обратно перед телеком, досматривать передачу, и периодически отгонять мысли о кредите, деньгах на съём квартиры и работе. Именно в этот момент, в дверь позвонили. Время на часах было ближе к десяти вечера. В такое время я никого не ждала. Но пошла узнать, кто там, возможно это соседка.

Хорошо, что в дверной глазок посмотрела, а то открыла бы этой холере, что сегодня меня словно преследует. Я могу так учудить, открыть дверь не глядя.

Иван

Чуть ежа не родил, когда под машину эта полоумная бросилась. Так и пролетела вся жизнь перед глазами, как понял, что сейчас размажу эту курицу по асфальту.

Только успел затормозить, как тут же выскочил с машины, бросился эту кретинку чумичную догонять. С психушки никак сбежала, уж больно прикид был больничной. Пижама на ней. Точняк с больницы.

— Тебе жить надело убогая?! Так вздёрнись! Какого хуя ты под колёса кидаешься?! — встряхнул её, может мозги на место встанут.

— Зе...зелёный...я на зелёный шла... — заикаясь, мямлила эта курица слепая.

— Что ты блеешь овца, недорезанная?! Я ехал на зелёный! Дура! — пристроил этот зоопарк в одном её лице в сугроб, таким дурочкам с переулочка только там и место.

Чуть до греха не довела. Ехал теперь на объект с проверкой, а перед глазами вся эта ситуация была по моим нервам. Аж руки тряслись. Сраный городишко с припадочными людишками. Надо быстро раскидаться с делами и валить от сюда, пока геморрой не приобрёл. Вдруг эта суицидная тут не одна такая.

Дура эта и её выходка из головы не выходила от слова совсем и это злило. Смотавшись сразу по двум объектам, без перерыва на обед, рванул в главный офис бумажки проверять. Не предупреждал никого, свалюсь как снег на голову. Именно так и выявляются всякого рода бреши. И кто только придумал эти проверки перед Новым годом, чёрт бы их побрал.

Уже зайдя в здание, понял, слушок прошёл, всё, все знают. Носятся как угорелые, там, где нагадили спешно подтирают, чтоб я не вляпался и по щам не прилетело. Как же это всё бесит. И дура эта из головы не выходит. Буду теперь мусолить эту ситуацию неделю, а то и две.

— Иван Олегович! Мы вас ждали. — ко мне бросился Аркаша.

Неплохой мужик, конечно, работник хороший, но больно приседает всегда передо мной. Бесит этот подхалимаж. Аж челюсти сводит.

— Я заметил. Сотрудников всех в кабинет. — буду проверять работу каждого по одному, а в кабинете собрать велел, чтоб не успели кучки свои прибрать, если нагадили там, где едят.

Хоть парочку уволить негодяев руки так и чесались.

— Хорошо! — Аркаша засуетился, побежал всех лично собирать.

Я же отправился в его кабинет. Каждый год сюда приезжаю и каждый год одно и то же. Гребанный год сурка. Хотя, вся эта суета успокаивала немного. В кабинет Аркадия стали стекаться работницы умственного труда — красотули. Глаз разбежался, в том году ни с кем развлекаться не стал, да и некогда было. В этом году неделю тут придётся маяться, потому и решил себе приглядеть лапушку. Пока перебирал, Аркаша вернулся. Всех собрал. И кого я вижу?! Аж глаз мой дёрнулся. Моську эту на всю жизнь запомню, будет теперь в кошмарах сниться. Недолго думая, шагнул в её сторону. Может эта больная дверью ошиблась? С психушкой управление перепутала, видимо. Решил сразу уточнить у Аркаши.

— Чё суицидная эта тут делает? — указал на неё, Аркадию.

А он нереально белый, словно кефир, и кислый такой же, начал мямлить, зля этим бляньем ещё больше.

— Иван Олегович, это Ирина, наша ведущая сотрудница. Ирочка отчёт готов? — бля!

Ведущий сотрудник. И куда нас приведёт этот сотрудник?! К обрыву, массово само — убились чтоб?!

— Не надо отчёт! Манатки свои собирай, уволена Ирочка — дурочка. Мне нужны нормальные работники, а не овцы слепые. — так же, как эта дура на светофор не смотрит, не стал подбирать слова.

А она, несмотря на свою выходку, развернулась молча и ушла. Не, не овца она, а ослиха молчаливая.

Только я ж на эмоциях сгруппировался, без её отчёта, проверка смысла не имеет. Немного пожурил работников, сообщил о грядущих переменах, а потом сам поторопился к этой Ирочке, добывать отчёт, пока она не свалила в закат.

За углом и встретились, на ловца и зверь бежит.

Она врзалась прямо в меня. Да что ж такое-то?! Сучий день какой-то!

— Как тебя там? Мне нужен отчёт. — нет имя её я запомнил, но не заслужила такой чести эта разиня.

— Отчёт в компьютере. Дайте пройти. — отбрила меня, совсем не бля даже и улизнуть хотела, улитка скользкая.

— Сначала отчёт мне распечатаешь, отдашь, потом пойдёшь. Давай бодренько, у меня времени нет, я тороплюсь. — поймал её под руку, чуя уже, напакостила перед уходом.

Вернул её в кабинет, усадил за стол. Ну так и думал. Отчёт в компьютере, а комп запаролила, хотя права такого не имела.

— Может вы за стол присядете? Вы меня нервируете. — не глядя, изрекла, явно тушуясь вводить при мне пароль.

Наверное, пароль в мою честь. Аж от любопытства зачесался весь. Кто я там? Мудак? Может что или ещё как? Интересно до жути, что эта чокнутая придумала. Как хороша её фантазия.

— Нежная какая. А ты мне сегодня утром сколько нервов испортила? — вполне спокойно спросил её.

Такой саботаж с паролем, меня смягчил. Хотя признаться, неожиданно от такой мямли. Я думал она тут сопли по кабинету размазывает, а оно вон оно что. Горит сарай, гори и хата! Интересная какая. Пока мыслишки свои гонял в голове, улитка улизнула.

— Нет ну это уже ни в какие ворота! Я шла на зе-лё-ный! А вы мчались как на пожар! На красный! Потом ещё мне шубу испортили своими ручищами, про унижение и оскорбления я вообще молчу! А вишенкой на торте увольнение! Зато вы никак не пострадали и ваше пальто целёхонькое и в сугроб задницей вас не усадили и с работой у вас, как я погляжу всё шикарно! Вот и добывайте свой отчёт как хотите! Всего хорошего! Мудак! — двигая к выходу, Ирочка высказалась наконец.

Голос прорезался. Высказала мне всё и на старт.

— Мудак. — повторяя за ней, её последнее слово, ввёл по буквам пароль.

Коротковато, надо минимум шесть знаков. Повторил два раза, неверный пароль, а вот три раза и доступ был открыт. Смешная какая. Распечатал отчёт, сразу его нашёл, в папке с подписью «гребанный отчёт».

Уже топая обратно к Аркаше в кабинет, понял, что улыбаюсь как дебильный. Подняла настроение эта чучундра. Даже увольнять её перехотелось.

Проверка затянулась, хотя и косяков особых не было.

Уже к вечеру, когда во мне плескалось литра два кофе и дико хотелось есть, осталось какая-то мелочёвка. Её решил отложить на завтра, радуясь, что и так быстро всё разгрёб, недели не понадобится. Пара дней ещё и не более. Выключил компьютер.

— Всё! Валим отсюда. — зевая и потягиваясь, обратился к всё ещё кефирному Аркаше, запустив двигатель машины, пока соберусь, она как раз прогреется.

Он встrepенулcя, явно чего-то просить собирается.

— Иван Олегович, я за Ирочку хотел с вами поговорить. Неужели нельзя обойтись без увольнения? Может премии лишить? Но уволить, да её даже в должности понизить нельзя, на её место просто-напросто сейчас сажать некого. Ирочка очень ответственный работник, за год работы, ни разу больничный даже не брала. Признаться, к тому же не очень понял, какая причина для увольнения? — мямлил, всё так же приседая передо мной не в прямом смысле, конечно, а в словах, в манере говорить.

Даже не стараясь и не пытаясь отстоять достойно свою точку зрения.

— Спишь с ней? — спросил его, не считая нужным, объяснять свои решения и отвечать на его невнятные вопросы.

— Нет! — Аркаша аж задохнулся от возмущения, впервые чётко и ясно отвечая, без присядки.

— Ну я так и думал. Ладно, не будем увольнять твою Ирочку. Работник она и вправду хороший. Отчёт отличный. А почему я её не помню? — спросил Аркашу так, словно он может знать, почему в моей памяти не отложились сведения о ведущем сотруднике фирмы.

— Эм. Так, Ирина к нам из УСа перешла в начале года. — спешно пояснил Аркадий.

— Ясно. Ладно! Отдыхать надо. Завтра остальное добьём. — поднялся с директорского кресла, подхватил своё целёхонькое пальто и пошёл в машину.

Пока одевался, всё не мог уловить, почему пальто целёхонькое? Откуда это словечко в моём мозгу зародилось? И только сев за руль, вспомнил сегодняшнее дурное утречко. Точняк! Суицидная что-то и вякала за шубу и про пальто моё целёхонькое.

А ещё, помнится за светофор втирала.

Потянулся к регистратору, в полной уверенности своей невиновности, но с огромным желанием убедиться в этом ещё раз.

Благо памяти хватило, запись сохранилась.

Красный!

Сука!

Блядь ну как?!

Как я мог ехать на красный?! Я же чётко помню, горел зелёный...нда.

Пересмотрел запись, вспомнил Ирину пламенную речь и понял суть всех её претензий.

— Действительно мудака... — сказал самому себе, глядя в зеркало.

Полчаса ушло на то, чтоб найти в малознакомом мне городе шкурный магазин.

Шуба в кредит. Кредит! Вроде зарплаты неплохие платим, да ещё ведущий сотрудник и кредит? Или у неё дома семеро по лавкам? Муж алкоголик. А есть ли муж? Не мог никак понять, почему шуба в кредит. А ещё, нахер мне это сдалось понимать?

— Добрый вечер. Меня зовут Екатерина, чем могу вам помочь? — с улыбкой, продавщица шкурок бросилась ко мне.

Оглядел её. Больно тощая и высокая. Ирина была ниже и формы имела поаппетитней.

— Вы нет. А ещё девочки есть?

Катюха оказалась сообразительной. С пониманием позвала ещё двух девочек. Одна из них больше всего подходила по габаритам.

— Светлана. — прочитав на бейджике имя, сделал свой выбор.

— Какая вас интересует модель? мех, цвет, длинна. — спросила тут же Катюха, отослав вторую девочку.

Пожал плечами вместо ответа.

Не смыслил в этих шубах ничего, кроме того, что девки за них готовы изображать фееричный оргазм и совать им во все щели можно, даже если им это не нравится вовсе.

Эта боевая акула торговли махом просекла что к чему. Таская за собой Светку, прикидывала к ней одну шубу за другой. А мне всё не нравится. Я прям там охреневал сам от себя.

Бля! Я шубу выбираю! Реально стою и выбираю, а не беру первое встречное подобие той, которую испортил с дуру.

— Вот эту. — изрядно устав, измотав девок, выбрал наконец-то то, что считал самым подходящим для Ирины.

Достойное не только в качестве извинений, но и ей явно больше будет к лицу, нежели то недоразумение кредитное.

И длина была ниже колена. Уж если её ещё раз задницей в сугроб усадят, то хоть задница прикрыта будет.

Расплатился, вернулся в машину и понял, не могу ждать до завтра. Уже поехал в тот

район, где чуть не придавил чучундру, набирая по пути Аркашу. Он долго ломался, не хотел давать адрес Иры. Но кто он, а кто я? Уже в начале десятого подъехал к нужному дому. Притормозил у подъезда.

Вроде всё ясно. Я косяк, я мудака. Вот шуба. Извините. Вы больше не уволены.

Вроде всё правильно, а как-то бредово и глупо. И даже двадцать минут сидения в тачке, не помогли подобрать нужных слов. И времени больше не было. К подъезду как раз шёл мужичек с собачкой. Подхватил сумку с шубой, выскочил из машины и пристроился вслед собачнику. Быть не посланным у дверей квартиры, шансов больше, чем у дверей подъезда.

И сомнений не было. Пошлёт.

Ирина

— Кто там? — спросила специально, сама же отлично видела в глазок кто там, но типа я не я и корова не моя.

В ответ же ждала логичного вопроса.

— Ирину могу я увидеть? — уверенно спросил Иван Олегович — павлин московский.

— Её нет. — сдуру ляпнула я, наступав себе тут же в лоб ладошкой.

Надо было говорить, что тут такие не живут. Ну и идиотка же я! Под стать этому идиотскому дню.

— А когда будет подскажите? — спросил он, а я зашуршала спешно мозгами, кумекая, не собирается ли он, ждать под дверью меня?!

— Нет! — громко и резко крикнула и мне показалось, что я слишком уж выдала себя эмоциями.

Нет можно было бы и потише сказать.

— Тогда передайте ей пакет. — в голосе Ивана уже слышались нотки раздражения.

Не любит отказов.

— Я не могу. — конечно, не могу.

Как я ему открою то? Да и чёрт с ним, с пакетом. Ценного в нём всё равно ничего не было. Зачем только такая величина его сюда притащила? Никак пароль нужен.

— Почему? — задал он с раздражением вполне логичный вопрос.

— Я не одета. — и ответ был логичен.

Вроде.

Но я сегодня слишком впечатлений много получила.

Я дура, откровенно говоря, и отсутствие логики мне не мешало её видеть.

— Так оденьтесь и заберите пакет! Что вы мне голову морочите? Я устал как собака и

есть хочу! — от грозной реплики сердечко моё ухнуло в пятки.

— Оставьте его у дверей. Я потом заберу. — попыталась выкрутиться, а на самом деле закрутилась ещё больше и глубже.

Иван хмыкнул, недолго помолчал, а потом произнёс;

— Ира откройте дверь! — догадался чёрт проницательный.

Конечно, чего б ему не догадаться?! Сама считай призналась, да ещё и в собственной трусости. А надо было сразу его отшить, обласкав прямо через дверь, и не сочинять сказки про белого бычка.

— Если вы явились за паролем, то зря! Я вам его не скажу! — крикнула настойчиво, словно этот крик способен был его прошибить.

Тип давно известный, совершенно непрошибаемый. — вот так я думала про него, но ровно пару секунд.

— Ваш пароль я и так знаю. Оригинально. Согласен с ним в данной ситуации на все сто процентов. И гребанный отчёт тоже меня порадовал. Хороший отчёт. Отличный даже. На внеочередную премию тянет. Ирина откройте, я ж извиняться пришёл. — вполне себе искренняя речь, прозвучала так чутко, и неожиданно от такого-то типа что я не смогла не открыть.

Да к чёрту чуткость! Когда премия замаячила внеочередная. Это ж пять тысяч целых. Можно часть кредита на шубу раньше закрыть. Повелась я на деньги и на то, что увольнение, по всей видимости, отменяется. Махнуть рукой даже не успела, взяла да открыла дверь.

— Наконец-то. Так в вашем подъезде псиной воняет. Я ж ей пропах весь! — Иван, ворча ввалился в мою квартирку, заняв разом полприхожей, отстранив меня ближе к кухне, и по-хозяйски начал возиться с замком закрывая дверь.

Только в таком небольшом пространстве, можно было оценить его реальные масштабы. Курвиметром за три дня не обкатаешь. Метр девяносто на сто. Плюс-минус. И чего он под дверью стоял? Мог бы вынести её вместе со стеной.

— Это соседи. У них три собаки. — проямлила я, бессовестно оценивая расстояние от его макушки до потолка.

А оценив, прикусила язык, чтоб не попросить его подпрыгнуть. Не то, чтоб жаль мне его темечко, скорее потолок шпаклевать и белить неохота.

— Ненормальные. — пропыхтел Иван, тут же выуживая из сумки что-то цветное, и протянул мне со словами; — Вот. Примерьте. Я надеюсь, подойдёт по размеру. — я глазам

своим не верила, но он распахнул передо мной шубку.

Очень шикарную шубку.

— Ой. — прикрыла рот рукой.

Тошно стало от нахлынувших разом чувств, разнообразных до безобразия.

— Не ойкай. Поворачивайся давай бодренько. Некогда мне тут с тобой возиться. Весь день, ничего не евши, а у тебя тут так картошкой жаренной вкусно пахнет, что слюной недолго захлебнуться. — вся неуверенная вежливость Ивана в мгновение сменилась на самоуверенное хамство и панибратство.

Хотела указать ему на это, да только шубка больно прелестная была. Мне такая даже в кредит не светила. Бодренько повернулась, махом вперилась в чудное меховое изделие.

— Повернись-ка. — тут же велел Иван.

— Ну как? — ушастая улыбка расплзлась на моём лице так, что щёки свело.

— Лучше, чем тот подстреленный бобёр. — со смехом признался Иван.

А я уже и Олегович не добавляю. Того гляди Ваней назову. Продажная ты личность Ирочка!

Пожурила себя для виду, сама же к зеркалу бросилась. Шубка... Вот это шубка... Перламутровая и ниже колена. Молодила меня лет на пять, стройнила и придавала статусный вид. А до этого, то, что в кредит было, точно бобёр подстреленный. Старил меня выходит, и глупо я в нем выглядела.

— В качестве извинений. Каюсь, на красный ехал. Видно, чаще на светофор смотреть нужно. — даже не оправдываясь, Иван вполне себе спокойно признал свою вину.

— Спасибо. А вы голодный? Я могу ещё картошки пожарить. — не стала распинаться перед ним особо за шубу.

Дают — бери.

Ему она по карману явно не ударила, а мою шубу он испортил, да и моральный вред немалый мне нанёс. Но и зла держать не могу, картошку предложила на радостях, совершенно не думая, что он же не откажется.

— Давай. — он махом скинул свои боты и пальто, а пристраивая его на вешалку, добавил;

— И давай на ты.

— Хорошо. Руки можно в ванной комнате помыть, а можно на кухне. — он кивнул, прошёл по-простому на кухню.

Я же полюбовалась собой, сняла нехотя шубку и упрятала ценную вещь в шкаф, на самую лучшую вешалку. Предвкушая зависть подруг, пошла довольная на кухню.

— Я тут похозяйничал немного. Ну чтоб ты особо не возилась. Кружочками порежь, я так люблю. — Иван выдал мне тарелку полную начищенной картошки.

Аккуратно, даже глазков в ней не было. Сколько ж я у зеркала крутилась? Мне казалось, что меньше минуты и минута чтоб в шкаф убрать. А тут руководство, с закатанными рукавами, стоит на моей кухне и картошку начищает. Бодренько.

— Я пойду новости гляну пока. А то на твоей кухне нам и не развернуться, только размножаться на такой. — ухмыльнувшись, Иван оставил меня, опешившую на кухне.

На часах как раз было уже ровно десять. Время новостей.

И вот, стою я и нарезаю картошку. Кружочками. Он так любит, видите ли.

Но квартира-то моя. И картошка моя. Режу её опять-таки тоже я, а ещё, мне её и жарить. Тут же перед глазами все его хамство пронеслось, несмотря на извинения, злость взяла. Кружочки быстро стали соломкой, самой тонкой, которую я только могла ножом нарезать. Совсем из головы вылетело, что можно было бы и на тёрке натереть. Да и вообще, можно было бы пюре картофельное сварить.

Но я его не люблю. А вот жареную картошку очень.

Тонкая соломка, быстро зазолотилась. Ещё даже новости не кончились, а я уже подала Ивану тарелку с вилкой.

— Злючка ехидная. — сказал, посмотрев в тарелку, и спросил; — Че коварная, думала я есть не стану? — Иван засмеялся, и не дождавшись моего ответа, принялся есть.

Признаться, не ждала я такой реакции.

— Приятного аппетита. — пожелала ему, чувствуя себя полной дурой.

— Спасибо, чаю мне ещё сделай. Чёрный, без сахара. — велел, не отрываясь от тарелки.

Судя по всему, ему и соломка картофельная неплохо заходит. Аж за ушами трещит. Хотелось треснуть его по этим ушам, но было б совсем странно, пожарить ему картошки и при этом чаю не налить.

Пошла наливать. На этот раз сделала, как просил. Чёрный без сахара. Принесла ему. Кто б сказал мне утром, что так мой день закончится. Что этот тип, будет сидеть на моём диване и уминать картошку, я б наверно умерла со смеху.

— А почему несладкий? — вдруг спросил меня Иван, отхлебнув из кружки напитков.

— Так ты ж сам просил, без сахара. — возразила я.

— Так я думал ты ехидна, всё наоборот делаешь. Сахар неси. — он опять смеялся, но чёрт!

Так заразительно, что и я посмеялась, уходя за сахарницей. Потом, пристроилась в кресле типа новости посмотреть, сама же, украдкой наблюдала за Иваном.

— Вот вредничала, лишний раз на кухню идти пришлось. А сделала бы сразу, как просил, кружочками, и новости бы посмотреть успела. — он взялся поучать меня, когда выпуск новостей закончился.

Мысль о том, что он интересный, сменилась на другую. Он хамло редкое и в этом совсем нет ничего интересного.

— Что в них хорошего? В новостях этих? Разве что прогноз погоды. А так одни неприятности показывают. — проворчала я в ответ, желая, чтоб он поскорей убрался.

— Ну я так и думал. — изрёк многозначительно Иван, и поднялся с дивана, оставив пустую посуду на журнальном столике; — Поеду я. Спасибо за ужин. Завтра жду вас на работе, Ирина. — он прошёл в прихожую, быстренько собрался и отчалил, без прощаний.

Закрыла за ним дверь, а сама подлетела к окну, выключив свет. Машина его стояла у подъезда. Вскоре и он сам, показался, сел в машину и уехал.

Я же, ещё раз надела шубу. На этот раз долго крутилась у зеркала и любовалась скорей собой в этой шубке, чем шубкой на себе, как было с тем бобром подстреленным. Спать улеглась уже за полночь, опять не помыв посуду.

И не спалось мне долго. Всю голову забила дурацкими мечтами. И главное, понимала же, что мечты дурацкие. Иван уж явно не герой моего романа. Но почему бы не помечтать, что герой? Вот и мечтала часа кряду.

А утром, настроение было таким хорошим, что даже причёску соорудила на голове и нарисовалась как на праздник. К новой шубке самое то. Только вот угги мои мало подходили под такую элегантность. Если Иван не обманул насчёт премии, то придётся сапожки поизящней купить, а сегодня и так сойдёт. ?

Вышла из подъезда, и сердечко сразу ёкнуло. Взгляд мой наткнулся на чёрную машину-

громадину Івана.

Иван

Не мог сказать, что Ирина была прямо моим идеалом женской красоты. Ростом низковатая и брюнетка к тому же, а мне всегда нравились блондинки. Но всё же Ира симпатичная, не тощая как нынче модно. Мягонькая — уютная. Явно жаренной картошкой любит себя побаловать.

И пока я ел ту самую картошку, пакостную соломку, но всё же вкусную, её грудь и бедра, что я успел оценить ещё на трёхметровой кухне, так и притягивали к себе мои ручки. Хоть и не мой она идеал красоты, но характер...

Характер у Иры интересный. Вкусный как та самая жареная картошка. И, что греха таить, нравятся мне такие ехидны. Честные они, что ли. Сами перед собой в первую очередь.

Решил, что, пожалуй, можно на недельку тут ради такой злочки задержаться. В моём кругу такие редкость. Больно уж хотелось разбавить ею череду идеальных, но глупых красоток — подделок. Которые говорят не то что думают, а главное, делают совсем не то, чего хотят они сами. А Ирина хоть и пыталась пакостить, но на меня-то поглядывала с интересом.

Раз уж и так планировал неделю тут провести, отец в курсе, возражать не станет. Да тем более и не узнает, что я тут гульки по бабам устроил вместо работы, уж об этом я позабочусь.

— Вы за мной? Или забыли вчера чего? — выйдя из своего подъезда, Ира подошла к машине, задавая свои вопросы в приоткрытое специально для неё окошко.

Шкурка шла ей сейчас ещё больше, чем вчера. То ли свет дневной так влиял, то ли макияж с причёской, не суть. А вот по какому поводу парад? Это, пожалуй, было очень интересно, не в мою ли честь?

— За тобой Ира. На ты же перешли вчера. Запрыгивай, бодренько. На работу поедем. — сказал ей и поднял стекло, чтоб отнекиваться не стала.

Но она не станет, я это и так знал. Ехидна. Не та порода, чтоб жеманничать, изображая недотрогу. Типа я не такая, я жду трамвая. Вон как в шубу вцепилась. Как говорится, без бэ. Другая бы стала корчить оскорблённую гордость, причём лишь для вида, глотая при этом слюну и прикрывая жадные глазёнки. Недолго бы ломалась, искренне считая, что зацепила этой своей мнимой не продажностью. И отмечая уже про себя победу, деля в уме шкуру ещё неубитого ею, как она считает лоха.

И таких охотниц на моём счету было немало. Только видно их сразу насквозь. На лбу крупными буквами написан план действий;

Первый пункт — НАЙТИ ЖЕРТВУ.

Второй пункт — РОДИТЬ ЗАЛОЖНИКА.

Трети пункт, он же финальный, когда с лоха взять уже нечего, его надо ДОБИТЬ.

А трахаться-то охота, приходится прикидываться таким вот лохом.

А с Ирой прикидываться не нужно. Нет, не то, чтобы она какая-то та самая не такая. Все бабы одинаковые. Просто такие, как Ирина, не прикидываются, не скрывают своих истинных целей лучше пристроиться на чужую шею и ехать пока шея везёт. Не прикидываются, а стало быть, честны и за лохов таких как я не держат. А лохом быть неприятно, даже в чьих-то мыслях.

— Просто вы, то есть ты, вчера, когда уходил, на вы ко мне. Я и подумала, что мы опять на вы. — взялась объясняться Ирочка, запрыгнув ко мне в машину.

— На работе будем на вы. А наедине нужно на ты. — выезжая со двора, пояснил Ире свою точку зрения.

— Нужно? Кому нужно? — удивлённо, с возмущением спросила она.

— Мне и тебе. Нам с тобой. — глянул на неё мельком, пыхтит как ёжик, злючка — в попе длинная колючка.

— С чего это вдруг? — с вызовом спросила она.

Ворчливая, заводится с пол-оборота. Как я успел вчера оценить, мужика то нет у неё, даже приходящего. Давно, видимо, попкой не подмахивала. Пара уколов добра и будет мурлыкать как кошечка. И чем скорее я их поставлю, тем ей же лучше.

— С того, что мне тут задержаться нужно, а ты единственная кого я знаю. Можно приятно провести время. Нам. С тобой. — посмотрел на неё уже пристально, дабы усилить непрозрачность намёка.

— Приятно провести время... — протянула она, явно что-то кумекая мозгами.

— Знакомство вышло у нас не идеальное, но мы можем это исправить, знакомясь поближе. — подталкивал её к правильному выбору, видя, что она явно сейчас принимает решение и сомневается.

Боится не потянуть меня, что ли?

— Поближе? — спросила с недоумением, то ли не проснулась ещё, то ли реально

тупила и не соображала, о чём я.

Или просто издевается. Ехидна же.

— Ты прикалываешься? — спросил её, с невесть откуда взявшейся на моём лице улыбкой.

Ну смешит она меня.

— Не понимаю, о чём ты. — с уверенностью ответила она.

Уверив меня тем самым, что всё она поняла. Ну а если действительно не поняла, до управления доедем, там растолкую попонятней что и куда, где и когда.

Подъехал к зданию, и Ира бодренько выскочила из машины, даже спасибо не сказала наглядячка. И к тому же всю дорогу молча ехали, под её сопение, которое не заглушала негромкая музыка.

— Ирина постойте. — крикнул ей закрыв машину, но догнал Пчёлку уже почти у её кабинета.

— Вы что-то хотели Иван Олегович? — спросила, резко развернувшись ко мне и делая акцент на моём отчестве.

Шубу расстегнула, а под ней злючка в платье. Платье — это хорошо. Платье — это быстрый доступ к телу.

— Да. Пройдёмте в ваш кабинет Ирина... — посмотрел на неё вопросительно.

— Николаевна. — ответила Ира, и шагнула в кабинет.

— Дурочку из себя строить долго собираешься? У меня времени с тобой возиться нет, через неделю в Москву вернуться должен. Давай время терять не будем? Чай не дети. Ты же мой намёк прекрасно поняла, чего кочевряжишься? — завёл сей разговор, как только мы оба вошли в кабинет и за нами дверь закрылась.

Ира и бровью не повела. Молча пристроила шкурку в шкаф и принялась разбирать свой пакет, который вчера оставила, когда улепётывала, матеря меня.

— Ну, видно, это вы Иван Олегович мой намёк не поняли. Не нужны мне такие разовые перепихоны. Я себя растрчивать не собираюсь. Или нормальные отношения, или всего хорошего. Но вам же некогда, да и ничего другого вы мне не предложите. Вы мужчина потребитель. От макушки и до кончиков пальцев ног. Мчите вперёд и цвета сигналов не различаете. Заиграете меня как кошка мышку и отчалите в столицу, ни о чём не вспоминая. Или, может, вы решили, что я вам за шубу чем-то обязана? Так сказать, примите Ирина мои

извинения, но с доплатой? Или как? — каждая её колкая фраза в мой адрес сопровождалась резким пристроением очередной вещицы из пакета.

Стакан с ручками, блокнот, кружка, чайник и так далее, всё это с грохотом приземлялось на свои места.

— Надо кофе попить. — подошёл к столу и схватил чайник.

— Кофе? Вы, вообще, слышали, что я вам сказала? — спросила с выдохом Ирина.

— Со зрением точно проблемы, точнее с вниманием. А со слухом всё в порядке. Где я воду набрать могу? — спросил её невозмутимо, а про себя-то маленько прихерел.

Какой в трещину кофе вообще?! Прижать её к столу и два укола добра сразу засандалить. А потом ещё контрольный в голову, а точнее в рот. Чтоб глупости злостные не мела.

— В столовой. Только кофе у меня нет. Так что ничего у вас не выйдет. — Ира, огорчённая тем, что я ей не ответил на её выпад, и при этом довольная тем, что у неё нет кофе села за стол, принимаясь за работу.

А скорее делая вид.

Поставил чайник обратно и вышел из кабинета. Направился в приёмную к Аркаше, добывать кофеёк. Теперь у меня ещё больше зудело в штанах и в мозгах. Ну надо же, какая хитрованка! Отшила меня так смачно, зная отлично, что я теперь на принцип пойду.

— Нина, доброе утро. — поздоровался с секретаршей Аркашиной.

Он похоже импотент. С Ирочкой не спит, секретарша ему в матери годится, а ему полтинник где-то. Бля...мне-то, вообще, какое дело, что у этого Аркаши в штанах?!

Тряхнул головой, отгоняя дебилские мысли.

А это всё злючая Пчела виновата, мозги запарила. Уже шарики за ролики заезжают.

— Доброе утро, Иван Олегович. Давайте ваше пальто. — Нина встала, забрала пальто у меня, прибрала его в шкаф.

Я же стоял и тупил. Зачем я тут вообще? Я же у Иры был.

— Аркадий Сергеевич вас уже ждёт, а я вам кофе сделаю. — секретарша бодренько направилась в скрытую от посторонних глаз кухню, невольно напомнив мне, для чего я тут.

— Я за ним и пришёл, мне две чашечки, пожалуйста. Со сливками, наверное, и с сахаром. — поплёлся за секретаршей с заказом, словно в ресторане или кофейне.

— Хорошо. К Аркадию Сергеевичу не пойдёте? — с улыбкой спросила женщина, берясь за готовку кофе.

— Нет пока. Я буду у Ирины Николаевны. — отчитался.

Что-то не здоровенькое происходит.

Через пару минут, зарулил в Иркин кабинет, с двумя чашками, бя ну лошара. Увольняйся Ваню, уходи из семейного дела, будешь шмыгать в кафешках с чашками. Вон как нехерово выходит, даже без подноса справился. Не пролил, и дверь открыл. Прирождённый принеси-подай.

— Бросай свои делишки. Садись за стол. Разговаривать будем. — выставил чашки на стол, выгреб из кармана пиджака сласти, что натырил у Нины, из вазочки.

— О чём мы разговаривать будем? — фыркнула колючка Ира, грозно в меня глазёнками стреляя.

Прям расстреляла всего, карими — разрывными, но всё же присела за стол.

Ирочка Пчёлка. Мама крапива, папа зизифус или кактус тоже подходит.

— Ты мне очень понравилась, что мне теперь поделать? — спросил её прямо.

— Что? — спросила Ира, замерев с чашкой в воздухе.

Ну что за день “что?”!

Что да что, уже трясёт от этого вопроса идиотского.

— Сама же что-то за нормальные отношения втирала. Забыла уже?! — резко спросил на эмоциях.

Ненавижу время терять, а тут прям как песок сквозь пальцы с этой Ирочкой.

— Мм. — удивлённо промычала она.

— Давай не мычи, членораздельно разговаривать начинай, у нас с тобой неделя всего. — поторопил её как мог.

— Какая неделя? Я же ясно сказала, неделя — это не про меня. Обратитесь в кадровый отдел, там Олеся Туманова работает, она вам подойдёт, у неё как раз каждую неделю новых тр... хм. Ухажёр! — давя смех, заявила Ирочка.

Бесявка мелкая!

— Да я тебя понял. Нормальные отношения же завязать нужно. Недели хватит? — говорил спокойно, про себя же орал бесконечное, громкое ааааа!

— А зачем их нам с вами завязывать? Я же птица явно не вашего полёта, летайте со своими, кем вы там себя считаете? Орлом? — с усмешкой спросила Ира.

Язвенная язва.

— А ты, дай-ка угадаю, курицей себя считаешь? — отбил её же подачей.

Задел.

— У вас всё? Или есть ко мне какие-то вопросы по моей работе? — шумно выдохнув, спросила Ира.

— Цветы какие любишь? — спросил её, поднимаясь со стула.

— Алые розы. — удивлённо ответила Ира, не успев сообразить, а когда сообразила, вспыхнула как спичка; — Что? Какие цветы? При чём тут цветы, вообще?! — было приятно, что не только меня бесит, но и сама ещё бесится.

— Чашечки Нине верни. — велел ей, и вышел из кабинета, сдерживая улыбку.

Ирина

Помечтала называется на свою голову.

Меня-то, не особо искушённую даму, понятное дело, заинтересовал Иван как мужчина. Всегда мне нравились такие неленивые, а подтянутые красавцы. Ещё бы к его стати манер и характер получше... Только чего я ему вдруг понадобилась, со своими секущимися кончиками волос и неидеальной кожей, фигуркой не ахти и чего греха таить с пакостным характером?! Бедный Ваня, куда ж ты вляпаться решил?

Я его и так и эдак отшивала, а ему всё неймётся.

Вот, вышла в конце рабочего дня, а он меня у машины ждёт с охапкой алых роз. Ну мимо пройти? Да по его самолюбию и самооценки это бы вряд ли ударило. И просто моя добрая душа на такое не способна, если по ней не потоптались до этого хорошенько. А Иван хоть и хамло редкое, но в душе моей не следил. Ничего плохого мне не сделал. Инцидент с пешеходным переходом и с шубой был исчерпан. Даже коллеги делали вид, что вчера всё разом оглохли ослепли, в тот момент, когда меня так унижительно уволил Иван Олегович. И делали сей вид явно не со своей подачи. Видимо кто-то хорошо намекнул нашим змейкам, что стоит прикусить языки. И я не сомневалась в том, что это сделал сам виновник.

А ко всему прочему, две главные кобры управления, сплетницы ядовитые, разносчицы этой пагубной болезни, перетирать кости всем и каждому, стояли аккурат на крыльце, напротив. И мерзко хихикали мне вслед, даже несмотря на то, что я в новой шикарной шубке.

Усть эти две пары ног от ушей, что может быть слаще? Я шагнула, без всяких сомнений, к Ивану и приняла букет. Тяжёлые розы, три десятка не меньше.

Сам же Иван, кажется, вздохнул с облегчением. Неужто розы держать устал? Хотя это навряд ли. Першерон, на нём поле вспахивать можно и лес в гору везти, и не устанет. А я ему нервы помотала, не привык к такому бедняга.

— Спасибо. — поблагодарила, глядя, куда попало, только не на самого Ивана.

— Запрыгивай. — он открыл мне дверь.

Какие чудные манеры. — пискнула я про себя, голосом Машеньки, забираясь в машину.

Утром, без тяжеленного букета в руках, это получилось ловчее.

— Я помогу. — отозвался позади Иван, и бесцеремонно затолкал в машину,

посредством своих рук и моей пятой точки.

Пока он обходил машину, я пыталась не стать цветом букета. А когда он уселся за руль, и вырулил со стоянки, начала судорожно соображать, как мне его отшить, да так, чтоб он точно отшил. Даже перекосившие лица офисных змеюк, меня не радовали.

— Я заказал столик в ресторане. Гагарин называется, была там? — не отвлекаясь от дороги, осторожно начал Иван.

— Нет. Слышала, но не была. — куда мне с кредитом, по ресторанам шастать.

— Вроде неплохой говорят. И кухня разная, а то я не знаю, что тебе больше нравится. Поужинаем, а дальше... знаю, чем можно нам с тобой заняться. Интересно будет. — я не отказалась вовремя, своим ответом дала Ивану повод думать, что я согласна на неделю с ним развлечься.

А он тут же и вернулся в свой обычный стиль общения, и без всякой таинственности, посмотрел на меня офигевшую, с явным горизонтальным интересом.

Я вся задрожала, от одной только мысли, что у меня с ним что-то может быть. Я не понимала до конца, что произошло, и с чего вдруг Ивану я сдалась. Я никогда не питала иллюзий по поводу себя. И мои мечты, были лишь здоровыми мечтами, которым не суждено было сбыться. Мужчин всегда выбирала попроще, по себе, что ли. Кроме нервного напряжения, где-то глубоко внутри, я испытала другое чувство. Это чувство меня нервировало. Возбуждения мне только не хватало во всей этой ситуации. Теперь я не знала, как поступить. Отшить его прямо сейчас, или же позже в ресторане, или вовсе промолчать и дать шанс. Подумав немного, я решила, что не стоит ему сейчас говорить что-то определённое, чтобы не расстраивать его лишний раз. А то ещё глаз с меня задёргается, а он потом по судам затаскает. Этот может.

Мысль об этом, опять склонила чашу весов не в пользу Ивана, только сказать ему об этом, было жутко неудобно. Цветы тяжело лежали на моих руках, лишая голоса.

— Надо домой заехать. — прокашлявшись, заявила несмело.

— Ты хорошо выглядишь Пчёлка. Не поедем мы домой, столик ждёт. Есть охота. — уверенно заявил Иван, а точнее, просто отрезал.

— Я хотела цветы завезти. Они замёрзнут в машине. А почему Пчёлка? — спешно пояснила свою просьбу, дабы скорей утолить своё любопытство.

— Цветы с собой возмёмшь, в ресторане их в воду поставят. А Пчёлка? Ты милая такая, как Пчёлка Майя. — смеясь, пояснил Иван.

— Мм. — с сомнением промычала невнятно.

Такой бугай и милая Пчёлка Майя рядом не пролетала. Наверняка этой Пчёлке есть другое пояснение. Любопытство я своё не утолила, а только ещё любопытней стало. Может у него аллергия на пчёл? Или на мёд, а пчёлы его производят.

Всю оставшуюся дорогу до ресторана, я не могла расслабиться и отпустить эту мысль. Эту, и ещё с десятков других мыслей, которые на самом деле были неозвученными вопросами для Ивана.

Уже за столиком в ресторане, за просмотром меню, в голову мою пришла отличная идея, как отшить неугомонного Ивана.

— Я буду вот этот царский бургер. — ткнула пальцем в меню, когда к нам подошла девушка за заказом.

Заказала только его, огромный бутерброд, с тремя котлетами и кучей всего ещё.

Буду есть его не стесняясь, вся устряпаюсь как поросёнок, платье даже ради этого не пожалею. Иван наверняка к такому не привык, затошнит его от моих манер, и возможно, он меня даже домой не подвезёт. Я так была довольна собой, что даже развеселилась.

— А мне, капрезе, медальоны из говядины. И чай на ваш выбор, только не зелёный. — Иван сделал заказ и отдал меню официантке.

— Девушка что будете пить? — обратилась она ко мне.

— Воды простой. — Иван вино не предлагал, да и сам он за рулём и пить не собирался.

— Может ты хочешь выпить? — тут же встрял он, словно читая мои мысли.

— Нет. Я буду солидарна, пить в одиночку не стану. — спешно отказалась.

Споить меня он вроде не пытался изначально, но так, на всякий случай решила поостеречься.

Официантка нас оставила, и Иван сразу приступил к главной теме вечера, чуть не подумала повестке дня.

— И так, каких отношений ты хочешь? Расскажи мне. — серьёзно посмотрев на меня, попросил он.

— Ну...серьёзных. Как и любая другая девушка. — обрисовала кратко и в общих чертах.

— Замуж, дети? — уточнил Иван.

— Естественно. А как иначе? — спросила его, действительно не понимая, как может

быть иначе.

— Ну ты же понимаешь, что так не бывает. — с усмешкой произнёс Иван.

— Нет. Я вас не понимаю. — несносный тип, этот Иван.

Опять завёл свою шарманку, похоже, собирается втирать мне свою логику и жизненную позицию.

— Ну ты же не девочка? Сколько у тебя мужиков было? Один? Три? По твоей логике, ты должна быть разведёнкой это как минимум. — парировал Иван.

— Почему это я должна? Я же не предлагаю сразу жениться на мне, но и ваша неделя, всё равно что кость собаке. Вы предложили я отказалась, но вы же не унимаетесь. Я не знаю, как до вас ещё донести, что вашей командировочной любовницей я не стану. — пока всё это говорила, приходилось не слабо сдерживаться, всё-таки вокруг были люди.

— Перестань злиться Пчёлка. — со смехом сказал Иван.

— Я не злюсь. — соврала спокойно и непринуждённо.

— Злишься. Ты выкать сразу начинаешь. — довольный Иван, улыбался во все свои тридцать два зуба.

— Просто я не успела перестроиться на неформальное общение. — отбила его пронизательность.

Так себе отговорка, конечно, но признавать, что я в бешенстве, даже если он это и так понимает, я не собиралась.

— А ещё ты меня не слушаешь или не слышишь. Я тебе ещё утром говорил, нравишься ты мне. Готов попробовать эти твои серьёзные отношения. Только у меня всего пять дней осталось, если сегодняшний день не считать. Потом я в Москву вернусь, и хотелось бы с тобой туда вернуться. Я серьёзно. — с его лица и правда сошла улыбка.

— В Москву? Я не могу в Москву. У меня тут кредит и мама. — от внезапно нахлынувшего волнения я начала нести полную чушь.

Почему кредит вдруг встал на первое место перед мамой?

— Кредит твой не проблема, с мамой посерьёзней всё, но я не думаю, что мама твоя против будет. Наверняка она желает для тебя лучшей жизни, нежели съёмная квартирка чуть больше кроличьей клетки и кредита за подстреленного бобра. Да и жених я видный, непьяный слесарь Вася. И потом, к маме в гости можно ездить, я не тиран какой, дома запирать тебя не собираюсь, а если у нас с тобой всё сложится, то и маме твоей место в

Москве найдём, чтоб ты не моталась туда-сюда. — он всё это так серьёзно и быстро говорил, не подбирая слова, что я опешила сначала.

Не верилось, что такой вот действительно видный жених, и сидит меня уговаривает, суля земные блага. Но потом, краем глаза заметила, как он смотрит на мою грудь, прям сквозь платье, словно одежды на мне совсем и нет. Скунс похотливый. Распушил тут хвост, а у самого на уме одно. Затащит в койку меня, а потом помашет ручкой, пишите на Москву хрен знает кому.

В уме скрутила огромную дулю и сунула ему под нос. А сама изобразила смущение, прикусила якобы в сомнении губу.

— Так что скажешь Пчёлка? — с нетерпением Иван обратился ко мне, так и не дождавшись от меня внятного ответа.

— А где наш заказ? Что-то долго не несут. — глазами поискала нашу официантку, она как раз несла к нам поднос с напитками.

— Ваш заказ будет готов через пять минут. — предупредила девушка, выставляя на стол чашки и чайник с чаем, и мою воду.

— Ну? — когда девушка отошла, Иван опять обратился ко мне за ответом, подперев, устало голову.

— Баранки гну. — не выдержала, съязвила; — Ты словно корову на рынке покупаешь, как я могу тебе сейчас ответ дать? Мне время нужно, подумать, присмотреться. — улизнула от ответа, развешивая мысленно на уши Ивана длинную лапшу.

Тут и думать нечего, надо разбежаться нам, как попе и муравейнику. Такая встреча, не принесёт ни одной из сторон, никакой радости.

— Присмотрись Пчёлка. — смеясь, разрешил Иван.

Ещё пару минут мы сидели молча, в ожидании заказа. Я глядела на сцену, изображая дюжий интерес к джазовой певице.

А когда принесли нашу еду, я сразу же вцепилась в бургер, проигнорировав пару одноразовых перчаток. По рукам тёк сок, начинка вываливалась из булок, и кусала я намного большие куски, чем могла бы прожевать без ущерба своему внешнему виду. За всем этим безобразием наблюдал Иван. Кажется, у него даже аппетит пропал, потому как он, не успев толком поесть, отложил в сторону приборы.

— Дай-ка угадаю. Ты это специально замутила? Думала я посмотрю, как ты устряпалась и отвалю? Так, ты ошиблась Пчёлка, я тебя теперь ещё больше хочу. — с ехидной улыбкой заявил Иван, как только я отложила в сторону то, что в меня уже не

лезло.

— Что? — спросила на автомате, не успев толком осознать смысл его фразы, утирая при этом салфеткой перепачканное в соусе лицо.

— Ты на этот гамбургер так рот широко открывала. Смекаешь, о чём я? — он ещё и бровями поиграл, вдобавок к этому пошлому намёку.

Ах Пчёлка, Пчёлка.

По цветку гуляет пчёлка,

В пчёлке спрятана иголка.

И тому, кто ловит пчёл,

Пчёлка делает укол.

Я, укулов не боюсь,

Если надо уколуюсь.

Цветочки на Пчёлку повлияли как надо. На то она и Пчёлка. А я поначалу думал, что придётся ещё бегать за ней с этими розами. Но нет, сама подошла, рученьки свои протянула, взяла букетик. Я аж вздохнул с облегчением. Впервые, казалось, так напрягаюсь из-за бабы, если первой не считать, но там понятно почему. А тут прям удивительно. Благодарность даже прожужжала Пчёлка, ошалело стреляя, глазами куда попало, в меня только не попало.

Открыл ей дверь, а то знаю уже, какая юркая Ирочка, отвлекусь, стартанет сразу же. Она под весом букета, пыхла, забираясь в салон, шуба длинная мешала ей. Решив помочь, подтолкнул Ирину, сетуя про себя, что зима нынче, хорошо бы лето было. Попишну Ирину потискать через тонкое платье поудачней будет, чем через толстый мех.

В ресторане, почти с ходу начал развешивать длинную лапшу на аккуратные Ирины ушки. Тут же раскраснелась Ирочка от волнения. Похоже, хорошо зашла лапша про Москву. Я ещё пару куплетов спел ей, за маму и прочие блага, заслушалась Пчёлка, губку в сомнении прикусила.

Потом бургер принесли, и когда Ира начала есть, я просто был убит. Как она его ела! Ааааа! Впервые видел такое, и это было чертовски возбуждающе. Даже интерес к еде пропал. В голове замелькали пошлые картинки, на самой скромной из которых была клубника со сливками на голом Иреном теле.

— Дай-ка угадаю. Ты это специально замутила? Думала я посмотрю, как ты устряпалась и отвалю? Так, ты ошиблась Пчёлка, я тебя теперь ещё больше хочу. — раскусил же её ещё на стадии заказа, слили Ирку её же ехидные глазёнки.

— Что? — в недоумении спросила Пчела, утирая перепачканную мордашку.

— Ты на этот гамбургер так рот широко открывала. Смекаешь, о чём я? — пошлятина

так и пёрла из меня.

Ещё Пчёлка поартачится, превращусь в маньяка сексуального.

— Не понимаю, о чём ты Ваня? — манерно взяв в руку стакан с водой, Ира залпом его осушила.

А от этого Ваня из её раскрасневшихся пухлых губ, в груди что-то защекотало. И от этой щекотки непонятной, но кажется знакомой, стало тревожно. Ну нахер! Не надо мне такой гадости в моём теле. Аж передёрнуло всего.

— Девушка можно счёт! — махнул рукой официантке, она тут же юркнула к бару.

— Ты же ничего не съел. — вдруг возмутилась Ира, глядя на мои почти нетронутые тарелки.

Не сдержался, рассмеялся.

— Что? Я сказала что-то смешное? — спросила Ирина, не понимая моего смеха.

— Смешно да. Морозишься от меня, а сама вон заботливая какая. За питание моё переживаешь.

Поняв свой косяк, Ира фыркнула, и встав из-за стола, отправилась в дамскую комнату.

Долго там тусовалась, я уже и расплатиться успел. Букет и вещи из гардероба забрать. Если бы не шуба её в моих руках, то решил бы, что она в окно от меня улизнула.

Вышла ко мне уже совсем другая Ира. По платью её узнал, и то не сразу. На макушке выросла идиотская бабинка вместо шикарных локонов и от приятного макияжа лишь серый оттенок под глазами, похожий на синяки от усталости. В общем, угробила Ира весь свой марафет-шмарофет. Видать, решила, что угробит тем самым мою потенцию. Да я и сам был бы рад, заколебался чет я с ней уже. Девочки-первооткрывательницы мира похоти и разврата и те поговорчивей будут чем эта Пчела ядовитая.

Не стал ей говорить, что зря она старалась и что всё равно стоит у меня на неё, а тем более после того поедания бургера. А то испугается ещё и в машину ко мне не сядет.

— Спасибо за ужин. — Ириша эту благодарность выдавила из себя с трудом, одевая шкурку.

Видимо, задело Пчёлку, моё молчаливое отсутствие реакции, на её поистине наивные ухищрения.

— Цветы. — вручил ей опять букет и направился на выход, открывая Ире двери.

Джентльмен!

— Ты меня домой подвезёшь? Или мне такси тогда нужно вызвать. — спросила Ира, переминаясь с ноги на ногу у машины, пока я нашаривал ключи в кармане.

— Нет я тебя тут брошу. В мою машину с гнёздами на голове нельзя, а то ещё увидит кто и подумает, что я с тобой. — засмеялся, от Иркиной, тут же скривившейся мордашки.

— Очень смешно. — она покачала головой вроде как передразнивая меня, и села в уже открытую мной машину.

— Вредных привычек у меня кстати нет. — уже по пути к Ире домой, ляпнул я ни с того ни с сего, и только потом подумал, а оно было кстати?

— Похвально. А у меня их куча целая. — довольная свой находчивостью заявила Ирочка.

Забавно, но она совсем не старалась мне понравиться и как-то угодить, и нравилась мне тем самым только больше.

— Каких это? — я не заметил, чтоб Ира курила или пила, почему только напрягся сейчас неясно.

Что мне за дело до её привычек?

На мне эта дрянь никак не отразится, не успеет. Уж всяко разно, не собираюсь я отводить на Иру, более пяти дней, пусть она мне хоть трижды нравится. Ей вон серьёзных отношений подавай, а я для них не создан, ещё лет десять как минимум. А через десять лет Ирка будет уже не очень. И так не идеальная красотка, брюнетка к тому же, а мне всегда голубоглазые блондинки нравились. Нет. Точно нет.

— Кофе много пью, я неряха, транжира, и вообще, у меня скверный характер. — вредные привычки Ира высасывала из пальца, последних два пункта к привычкам даже отнести было нельзя.

— Мне подходит. Денег у меня много, транжирь на здоровье. Убираться в моём доме не нужно, есть домработница. И кофемашина имеется, кнопку только нажать. Хотя кофе я не одобряю, на ночь его пить всё же вредно, но ты и так вредная. Тебе можно. — засмеялся, а Пчёлка зарычала и затрясла кулачками в воздухе.

Эко её вштырило. Уже б сдалась давно, получили бы удовольствие да разбежались. Нет же! Упрямая, хочет бодаться.

— Ну что мне сделать, чтоб ты отстал от меня?! — почти взмолилась Ира, опять дырки

во мне простреливая глазёнками.

— Так, отжаться мне. Я тебе целый день об этом толкую. — сказал со смехом, ну вроде как шутка, но вдруг Ира буквально поймёт и больше время терять не будем.

Ан нет. Ириша и как шутку это не восприняла и на буквальное не согласная. Понял я это, когда мне в лицо со свистом и характерным шлепком цветочки прилетели. Смачно так букетом Ира зарядила по роже и макушке досталось моей. И смешно и сука за рулём же я матушку твою за ногу!

За первым ударом последовал ещё один, выставил спешно руку, дабы оградиться от цветочной атаки, а сам с дороги съехать пытаюсь. Уже вон, чуть не сбил одну на свою голову, цветами впервые по морде лица получаю.

Весь букет эта истеричка об меня распидорасила, пока я на обочину пытался съехать.

— Отстань от меня! Сволочь! Хамло трамвайное! Ненавижу! Кобелиная морда! — и ещё много чего горячего летело в мой адрес из Иркиного рта, вместе с ударами.

Как мог, рукой оборонялся, но левый глаз не уберёг. Прилетело ему, я сразу стал одноглазым. Ну теперь точно с тебя не слезу, пока моральный вред не возместишь Пчела бешеная. Притормозил, выскочил из машины, освободившись от хлётких ударов, сразу тридцать одной палкой. Потирая, пострадавший, слезящийся глаз двинулся за ней.

— Иди сюда моя шальная! Императрица мать твою! — открыв дверь, рывком выдернул Ирочку из машины.

Мне бы её мордашкой в сугроб затолкать, а я повалил её на снег самим собой. Вместе на кучу рухнули. Придавил. Дрыгалась Ира, но молчала, задыхалась от внезапной и бурной истерики. Глаз сука слезится открыть не могу, темно вокруг, но мы в свете фонаря и фар.

Сам отдышался, подавив полностью Иркино сопротивление.

— Сама злока напросилась. Иди сюда зараза кусачая. — схватил её под шею и добрался до пухлых губ, подтягивая к себе.

Ирка замычала, кулачки глухим градом забили в мою спину, пока я старался нежно, медленно, но, верно, прокладывать языком путь в её сладкий ротик. Поддалась, знал, что поддастся. Удары прекратились, поцелуй стал взаимным. Губы у неё нежные, горячие и сладкие. Языком провожу по ним, а внутри опять это херовая щекотка. Перекатился на спину, чтоб Ира не мёрзла на снегу ведь да и тяжёлый я. Кто б догадался, что посреди города обочина резкой горкой вниз идёт. А туда ещё и снег сваливают.

Это был самый экстремальный поцелуй в моей жизни.

Сначала было неожиданно, потом смешно и только у Иры дома, на кухне, пришло

осознание, что всё могло закончиться намного плачевней.

Стукнись Ира веском, а не лбом о глыбу льда, и всё! Покуйте в ящик молодую красивую.

— Ай! Подуй, подуй! — трепыхаясь ручонками, запищала Ира, когда залил ей ссадину на лбу зелёной.

Подул, сдерживая смех.

— Шишак знатный у тебя, а потом синяк на пол-лица расплывётся. — со знанием дела оценил ущерб.

Всё-таки парнем я был бедовым. Ссадины такие повидал и на своей морде лица, и на лицах друзей. Правда те были получены в драках, а не о снежные валуны с кусками льда под сладостный поцелуй.

Оглянулся на секунду, зелёнку в аптечку бросить, поворачиваюсь, бля! Секунда и мы уже плывём.

Ирка наматывала сопли на кулак сначала молча, сил набиралась, в лёгкие воздуха побольше, а потом ка-а-к разревелась!

Нет ну я, конечно, знаю все эти бабские уловки. Слезу пустить, как поссать сходить. Поэтому меня такое не трогало никогда.

Но тут видно было что другое. Искренне, по-детски, что ли. Сам от себя не ожидал, присел перед ней на корточки, задницей печку с места выселяю и давай слёзки утирать.

Слёзки блядь! Не сопли-слюни-нюни, а слёзки! Откуда слова-то такие в моей голове взялись?!

— Ну ты чего расписюнилась-то? Кончай реветь, сейчас в аптеку за бодягой сгоняю, намажем на ночь хорошенько, всё пройдёт. Дня три и как новенькая будешь. — ободрил как мог.

— Три дня?! Как я с таким лицом на работу буду ходить? Я и так не красавица, а тут ещё шишак как рог носорога и синяк на пол-лица! — обиженно возмутилась Пчёлка.

— Ты меня тоже вон как разукрасила. — поднялся, посмотрел в зеркало, что за углом висело в прихожей.

Левый глаз опух, но вроде целый и даже видит, только слезится всё время и красный — наркоманский. И хотя розы выбирал без шипов, с десятков царапин моя морда излучала.

— Можно сказать, что мы в аварию попали. — заключил я.

— Нет. Увольняй меня к чёрту, а с такой зелёной блямбой на лбу я не покажусь в управлении. — мужественно, с придыханием произнесла Ира, встав у зеркала рядом со мной.

Пару секунд мы пялились на наши рожи, а потом не стовариваясь, рассмеялись как дети.

Ирина

— Ладно. Хорошо хохотать, иди ложись, а то вдруг сотрясение. Где у тебя спальня? — Иван огляделся.

— Так, нет спальни. Однушка же. — призналась я.

— А где ты спишь-то? — на лице Вани появилось искреннее удивление.

— На диване. — кажется, я его шокировала и опухший Ванин глаз задёргался.

Ну вот! Довела мужика до тика, а он меня до бешенства, так что мы квиты с ним.

— Как это на диване? — переспросил он, и словно не веря мне, завернул в закуток, где была только ванная комната, совмещённая с туалетом.

— Ну так, очень удобно на нём спать, там такая ямка уютная есть, я в ней утопаю и сладко сплю. — начала с улыбкой и весельем рекламировать свой, а точнее, хозяйский диван, который из всех диванов, на которых мне довелось поспать, был самый удобный.

— Ямка. — протянул задумчиво Ваня и начал одеваться.

Я стояла у кухонного проёма, сложив руки на груди. Стало вдруг грустно. Не хотела, чтобы Ваня уходил. То гнала его всячески, даже не выдержала и букет об него уничтожила, а теперь смотрела, как он угрюмо одевается и даже слёзы на глазах навернулись. Не потому, что уходит, правда, а потому какая у него реакция на мой, а хозяйский диван с ямкой. Словно это я тот самый диван, такой вот вроде уютный, но это ж блин диван, а не кровать.

— Ключи от квартиры давай. — обувшись, заявил Ваня.

— Мм. Зачем тебе? — не поняла его совсем.

— За бодягой поеду, а ты в ямку и на бочок. Спать. А то, правда, сотрясение может быть, а это не шутки. Ты и так психическая, тебе сотрясение никак нельзя. — начав серьёзно, Иван скатился опять до шуточек, хвастая тридцатью двумя зубами.

— Там нижний замок заедает, надо ключом потереть, пока он не провернётся. — сунула ему ключи.

Бодяга мне очень была нужна. Про увольнение, я, конечно, погорячилась, и надеялась, что с помощью этого средства, буду выглядеть херово, но получше, чем сейчас.

— Разберёмся. А ты в ямку, и чтоб спала уже, когда вернусь. — требовательно приказал Иван, и что удивительно, я не могла возразить.

— А как же ушиб? Его же намазать нужно. — это уже был скорей интерес с моей стороны, нежели возражение.

— Я намажу. Даже не сомневайся. — Ваня щёлкнул меня по носу и вышел за дверь.

Я ещё постояла какое-то время у закрытой двери, и пошла в ванную комнату. На глаза попались ножницы у раковины. Я даже не сомневалась, распустила свой пучок волос и начесав прядь, обрезала волосы. С чёлкой я ходила года два назад. Она мне шла, но возни с ней было много. А теперь, похоже, выбора нет. Подравняла кончики и оценив результат, забралась в ванну под прохладный душ.

Хотела смыть с себя все впечатления, но только наоборот предалась воспоминаниям, под быстрые удары падающих сверху капель воды.

Когда вышла наконец из себя, и начала лупить Ивана розами, совсем не думала о последствиях. Только надеялась, что он наконец-то оставит меня в покое, пусть даже и выкинет за этот беспредел из своей машины. А вместо этого... поцелуй. От воспоминаний в груди разлилось волнение. Наверное, если бы этот поцелуй был грубым и со злостью, я бы ещё между ног Ивану заехала, укусила бы. Или не знаю, лицо бы расцарапала, или ещё что-то.

Но поцелуй был нежным. Подкупающим, не подавляющим всякое сопротивление, а зарождающим желание ответить взаимностью. Это было на самом деле удивительно. И страшно. Страшно, потому что я начала сдаваться после этого поцелуя.

Он словно смыл всё против, оставив после себя только все за.

Я ещё недолго постояла так под душем, предаваясь смешным и приятным воспоминаниям, исключая из памяти встречу со снежным отвалом. Потом на отвали, чисто механически потёрлась мочалкой, щедро забулькав её гелем для душа. Смыла с себя ароматную пену, не переставая улыбаться, так как гель для душа у меня был самый что ни на есть пчелиный. С ароматом мёда и пчелиным маточным молочком.

Никогда не спала в пижамах, они вечно перекручиваются во сне и это жутко неудобно. В пижаме я обычно хожу по дому, но сегодня пришлось сделать исключение. Упрятав свою тушку во фланелевую клетку, я разложила диван, застелила его и спряталась под одеялом. Заснуть я бы наверно не смогла, даже под снотворной таблеткой. Без конца, только и прислушивалась к звукам. За окном, в подъезде, и ждала, когда в замочной скважине провернётся ключ.

Полежать вот так в бездейственном ожидании, мне довелось недолго, даже глаза к темноте не успели привыкнуть. За окном раздалось громкое урчание мотора, потом писк сигнализации. Сердце моё загуляло. Я быстренько приняла самую естественную, и

непринуждённую позу для сна, поправив несколько раз одеяло, и начала притворяться. Типа я сплю.

Только когда входная дверь открылась и в квартиру тихонько зашёл Ваня, моё сердце отстукивало так, что слышно было наверняка и Ване тоже. Он тихо прошагал в комнату, подсвечивая себе, по всей видимости, телефоном. Зашуршал пакетиком, что его разозлило, он громко засопел. Потом из коробочки достал мазь и присел на диван, рядом со мной типа спящей.

— Это чё такое? Ты на хрена? Не ну ты ду... Дульсинея ты Пчела. — светя мне в лицо чем-то ярким, Иван разразился громким недовольством над моей головой.

— Не поняла. — пришлось открыть глаза, и даже изображать только что потревоженный сон, у меня не получилось.

— Мозг-то, видать, пострадал всё же. Смотри чё. — Иван сунул мне тюбик под нос.

— Ну мазь. Это не бодяга. — скосив глаза к тюбику, только успела прочитать первую букву Э.

— Аптекарьша сказала, что нельзя тебе бодягу на твою ссадину. — Иван поднялся с дивана и пошарил по стене, в поисках выключателя.

Найдя его, громко треснул по нему. Я немного растерялась, мне была непонятна его реакция.

— Мм. Не поняла, чего ты злишься-то? — спросила его, усаживаясь повыше, и он сел обратно на диван, так близко, что смогла уловить цвет его глаз.

Тёмные, зелёные. Впервые такие видела. Из далека они казались мне карими.

— Чёлку на кой х...хрен ты отрезала?! Я тебе куда это мазать буду? На волосья твои?! — Иван опять сунул мне под нос тюбик с надписью эплан, а потом качнулся резко вперёд, забирая шумно ноздрями воздух, ещё спросил; — И чем ты так пахнешь? Торт медовый хомячила, пока я в аптеку мотался? Есть чё поесть, а то с тобой ей-богу Ира, от истощения помру. Одни нервы сплошные. — он резко поднялся и со словами; — Ну ты с чёлкой придумай чего, а я пойду поем пока. На кухню приходи, я тебя там помажу, раз уж один хрен не спишь. — вышел из комнаты.

Пока я выбиралась из-под одеяла, рыскала по комнате в поисках заколки, из кухни доносились странные звуки. Нет, для кухни звуки были самые нормальные, но не для Ивана. Он гремел посудой, кажется, яйца разбивал и что-то резал. Хотя...картошку он начистил быстро и профессионально, а главное, до этого, он быстро её нашёл. Видимо немного в курсе, как живут обычные люди и готовит ему не только повар ресторана или домработница.

Заколола чёлку невидимкой и пошла на кухню.

Мой слух меня не обманул, яичницу Иван жарил. Но что такого в яичнице? Ничего особенного. Поразили меня куски хлеба, которые Ваня, щедро смазывал майонезом, выдавливая его из дойпака. Присела молча на табуретку. От комментария удержалась, но глупая улыбка всё же вылезла на моё лицо. Иван, весь такой солидный, стоит в фартуке и готовит себе студенческий ужин. Ещё медовый тортик вспомнился. Хотелось рассмеяться, но я сдержалась. А то обидится мужик.

— Ага. Сейчас руки помою, займусь тобой. Голова не болит? Не тошнит? — Ваня, закончив с бутербродами, обратил внимание на меня.

— Нет. Не болит и не тошнит. Разве что ссадина только ноет немного и всё. — ответила, по-детски, пряча ноги под табурет.

— Хорошо. — Ваня одобрительно подмигнул мне и принялся намыывать руки.

Так, их отмывал, словно он хирург не меньше. А я всё это время только нервы мотала самой себе, непонятым волнением.

— Мазь хорошая, на вот почитай. — Иван шагнул ко мне, и сунул в руки инструкцию, сам принялся намазывать мою шишку.

Отвлекающий Ванин манёвр, вообще, не сработал. Какой читать? Когда он так близко, ещё и касается меня. Буквы просто расплывались, и даже если удавалось прочесть слово целиком, смысл его терялся в воспоминаниях о поцелуе в сугробе у дороги.

— Всё! На прибере, с собой взять не забудь. — в мои руки, к инструкции прилетела коробочка и тюбик.

— Куда взять? — спросила его, пытаюсь прибрать всё в упаковку, своими неслушающимися руками.

— А я не сказал, что ли? — Иван, прищурился, посмотрел хитро на меня.

— Нет. — сухо ответила и проглотила воздух.

— Так, в санаторий с утра поедем. Я уже договорился. Подлечим твою голову и мой глаз, и кстати, на вот. Закапай мне. А то я сам не могу. Глаз закрывается. — Иван сунул мне флакон капель, достав его и кармана брюк.

Мы поменялись с ним местами. Он сел на табурет и так запрокинул голову, что пришлось подойти к нему вплотную. Уже через секунду оказалась между Ваниных ног, а он обхватил мои ноги руками. Что скрывать, это было чертовски приятно.

— Глаза открой. — попросила его, наострив пипетку над левым глазом.

— Говорю ж, не могу. Сама открывай, твоих рук дело, вот и пошевеливайся бодренько, я же голодный. И злой. — на последнем заявлении мои ноги были ощутимо сжаты крепкими ручищами.

Иван

— Такс. Готовься я открываю. — не сразу понял, о чем это Ира — Пчела медовая, ножки отвлекали, как и радостная мысль о том, что она не брыкается, и не фыркает от моих прикосновений.

И вот головой вроде она ударилась и это даже заметно, а глюки я ловлю. Ирка пахла медом. Терпеть мед не могу, в детстве отец для фотки заставил кусать мерзкие, медовые соты, и, как назло, кадр не получался, челюсть от сласти сводило. Но то, как пахла эта Пчелка, только пробуждало аппетиты.

Ира пальчиками раскрыла мой несчастный левый и туда брызнула холодная струя. Весь флакон мне в глаз выдавила. Пакость.

— Я ж тебе не весь тюбик мази на лицо выдавил, и пижаму твою не обляпал. Ты что наделала? — негодовал, больше оттого, что ноги Ирочки пришлось отпустить, чтоб харю утереть.

— Ой я случайно. Можно феном высушить. Снимай рубашку. — сказав последнее, Ирочка покраснела и робко отступила.

— Ага. Счаззз! Чай мне сделай, а это дай сюда. — забрал у нее капли, проверил, ну точно, весь флакончик мне выплеснула и не только глаз залила, но и рубашку.

— С сахаром? — уточнила Ира, делая шаг к столу с чайником.

— Да. Слушай, а у тебя купальник есть? — притулился спиной к холодильнику, и поняв, что тот никуда не собирается, расслабился.

— Есть. А тебе зачем? — смешная Ирочка еще и шутки шутить изволила.

— Поносить взять хочу, а ты, что подумала? — спросил ее, а сам пялился на попу в клетку.

— Я подумала, что в санатории есть бассейн. — соображает.

— Есть, так что, возьми купальник. — попросил ее настоятельно, очень хотелось на Ирочку в купальнике посмотреть, хотя я уже и не сомневался, что погляжу на нее и без всего.

— Это сложно. — ответила она, хмуря бровки и ставя передо мной кружку с чаем и то, что я себе накашеварил.

— Почему? — спросил ее, откусывая кусок хлеба с майонезом.

Рядом с простой как валенок Ирочкой, сам становился простым, еще немного и за лапшой заварной побегу, и исключительно в ларек. Бич-пакет из ларька всегда казался вкусней, чем из магазина.

— Потому что на улице декабрь и последний раз я видела купальник месяца три назад. Он давно почил где-то в глубинах моего шкафа под тоннами шмотья. — паясничая, объяснилась Ирка.

Детский сад — штаны на лямках. Но это-то и цепляло. С Иркой можно сидеть в грязной рубаше, с опухшим глазом на трехметровой кухне и с аппетитом уминать студенческой поры хавчик. Совсем не торопясь затащить ее на кол. Успеется.

— Точно! Я и забыл, ты ж неряха, ты ж предупреждала. — не сдержался, подколот Ирку и получил палец под ребро, отчего расхохотался.

— Не балуйся за едой! А то подавишься! — тоном матушки отчитала Ирочка и ушла с кухни, по всей видимости, добывать купальник.

Пока меня не отвлекали ее ножки, быстро и с огромным аппетитом все съел, даже посуду помыл за собой, и отправился на поиски Пчелки. Искать ее труда не составило. Среди горы тряпья, торчала из шкафа только половина ее. Та самая, которая девяносто после шестидесяти, только у Ирки было явно побольше, но, ну очень притягательная половина. Я даже начал облизываться. В людоеда, что ли, превращаюсь?

— Нашла! — громкий крик счастливой находки, раздался из недр деревянного.

Я загадал про себя цвет. Черный. У Ирки точно черный купальник. Ан нет, не черный.

Из шкафа показалась Пчелка, с ярко-желтым купальником. Не хватало на нем только черных полосок.

— Молодец. — похвалил ее старания, хотя бардак она знатный развела.

Страсть как хотелось схватить Ирку и прямо там на этих шмотках взять, а потом, увезти с собой в гостиницу. Но я даже целоваться к ней перед уходом не полез. Вовремя смекнул, начну целовать, не дам ей ни собратся, ни выспаться, а потом из гостиницы мы никуда не отчалим, ни в какой санаторий. Успеется.

В номере, быстро собрал свои вещи, сюда я больше возвращаться не собирался. После санатория махну домой.

И хотя, Ире я велел быть готовой к восьми утра, сам, с семи часов уже торчал в машине, усыпанной лепестками роз. И гипнотизируя то дверь подъезда, то окна, в которых горел

свет, нервно отстукивал собачий вальс. Так, целый час и просидел — преданный песик блядь, а ровно в восемь, из подъезда вылетела Пчелка. Сумку на себе перла, словно на год собралась.

— Ты меня не расслышала, что ли? Мы до воскресения едем. До того, которое на этой неделе, а не в следующем году. — спросил ее, забирая из рук тяжелую сумку.

— Ничего ты не понимаешь. Это вам мужикам, трусы с носками бросил в пакетик и нормально, у нас все иначе. — не жеманничая, заявила Ира, запрыгивая в машину.

Флакончик два в одном бля. И просто с ней и тут же ахренеть как сложно. Или сложно уже не будет?

Пристроил сумку в багажник и поторопился в машину.

— Как самочувствие? — спросил ее, сев за руль.

— Все хорошо. Шишка за ночь сошла, даже синяк не расплылся. А у тебя как? Глаз вроде не красный. — Ирочка сунулась к моему глазу, оценивая его состояние, а я не будь дураком, сцапал ее.

Ирка не вырывалась, только ближе придвинулась. Надо было давно ее стукнуть хорошенько, глядишь, уже бы кувыркались. Хотя и поцелуи с Ирой, будоражили. Уже и забыл, что так бывает, когда не только член отзывается, но и все тело трепещет, что ли. Хер знает короче, как это состояние описать, не умею я этого, да и забыл давно. И это злило. Отчего? Оно мне надо, вообще, понимать и описывать? Хорошо и ладно.

— Доброе утро. — оторвался от Иры первый.

— Доброе. — Ирка улыбнулась, глазами уже не расстреливает и не сверлит меня, ласковым взглядом пробежалась по мне и уселась на свое место.

— Только обещай, никогда не бить больше меня цветами. — потянулся назад, ебанулся я наверно, но не смог мимо цветочного проехать.

— Обещаю. — смеясь, Ира приняла букет все тех же алых роз, и мы тронулись в путь.

— А мм. Мне нужно на работу звонить? Меня не потеряют? — Ира встрепенулась, уже на выезде из города.

— Нет. Я все уладил. Ты типа на больничном до понедельника.

— Чем мы будем заниматься? Что это за санаторий вообще? Электра? Или Заря? — зашебетала Ириша, я аж поморщился.

Неразговорчивой злючкой мне она больше нравится.

— Ни то и ни другое.

— А какое? — копируя мой нервный тон, спросила Ира.

— Родник. — выбрал тот, что поближе к Москве.

— Родник?! Да до него полдня ехать, на электричке быстрее. — Ирочкина бурная реакция быстро сошла на нет, ей даже не требовалось моих объяснений, она вся ушла в телефон, изучать программу санатория Родник.

Через двадцать минут только голос подала.

— Там есть лошади, и горки, а еще есть кинотеатр и боулинг. Я не умею на лошадях кататься, зато в боулинг хорошо играю. А ты? А с горок покатаемся? Там вагрушки есть. — господи, забирал у подъезда девушку двадцати пяти лет, а сейчас ребенок сидит передо мной.

— Ир, пять дней целых. Все переделаем, не по одному разу. И на лошади кататься научишься, и в боулинг не раз проиграешь. — засмеялся, а Пчела, как-то подозрительно отложила цветы на заднее.

Во! Надо над ней подтрунивать иногда. Злючкой она мне больше улыбалась. Злючку проще будет домой отправить в воскресенье, и уехать не оглядываясь в Москву.

На машине, добрались в санаторий к полудню. Успели заселиться и пообедать. Разошлись с Ирой по номерам, чтоб встретиться через час в бассейне.

Я даже задремал в ожидании назначенного времени. Разбудил меня стук в дверь.

— Ты идешь? Я чет боюсь одна идти, пошли вместе. — Ира стояла передо мной в милом платье, с пакетом в руках.

Белое в черную ласточку.

Всегда было пофиг на бабские тряпки.

Че за хрень?! Уже засек пол ее гардероба, и эта явно лишняя информация оседала в моих мозгах, выселяя оттуда воспоминания о разных, фееричных моментах. Пару порнух из своей бурной жизни точно забыл.

Зато теперь помню Иркину пижаму, даже те штаны, в которых в сугроб ее усадил и вот, теперь еще эти идиотские ласточки.

— Пошли. — прихватил плавки, и как телок на веревочке поплелся за Ирой.

Даже за телефон не вспомнил. Напрочь забыл, что для отца я еще на работе.

Иркин зад, за которым я помелся, довел меня до каменного стояка. Теперь стоял душе, пытаюсь как-то его унять. В санатории, как назло, было глухо, рядом не одной мужской задницы, на которую бы глянул и отпустило бы меня. Пришлось выйти к бассейну прям так, быстро нырнув в прохладную воду.

Глаз мой зоркий, охочий за Иркиной пятой точкой, сразу засек ее желтенькую под водой.

Ирка плавать не умела, или боялась. Тусовалась на мелкоте, прыгая от бортика до разделителя дорожек из буйков. Уловил момент, когда она доплыла до ленты и схватилась за нее, утопил буйки и Ирочка ушла под воду вместе с ними.

Ирка тонет, я спасатель.

Подплыл к ней довольно быстро, но она уже откашливалась у бортика. Сама спаслась зараза. Зря притопил ее только.

— Ты в порядке? — спросил ее, делая вид что ни при чем, но понимая, шутка была явно неудачной, стремной можно сказать.

Ира кивнула растерянно и повисла на мне, обхватив руками и ногами. Реакция моя на нее и так не прошла, а сейчас и вовсе придавил ее к стене. И если бы не тетка надзирательница за столом, так бы и наставил Ирочке уколов. Она вон, и сама уже не против.

— Молодые люди. Ведите себя прилично. Вы, вообще-то, в лечебном заведении находитесь. Тут люди отдыхают и лечатся. — Тортила в белом халатике прервала гулким замечанием наш с Ирккой, по-другому и не назвать, оральный секс.

Потому как на поцелуй это было вообще не похоже, и кто кого трахал языком тоже было непонятно.

Ира смущенно отпустила меня, я оттолкнулся от бортика и ушел под воду, чтоб хоть немного пар спустить, поплыл на другой конец двадцати пятиметрового бассейна. Хотел до вечера дотянуть, чтоб до утра не отвлекаться от Иры, на всякие полдни, ужины и прочую ерундистику.

Ирина

Белый и чистый снег искрился на солнышке, словно драгоценность. Даже жаль было по нему ходить. В городе такого снега не увидишь.

— Идем? Конюшня там. До полдника у нас целых два часа, думаю успеешь постичь азы конных прогулок. — Ваня подтолкнул меня в нужную нам сторону.

— Сесть бы на нее. На эту лошадь. — слабо себе представляла, как, вообще, можно забраться на двухметровую холку коня.

— Да сядешь. Там ничего сложного. Если что я подсажу. — Ваня шлепнул меня по попе в доказательство своего обещания.

Сразу вспомнилось, как он помогал забраться мне в машину.

Мы молча шли до конюшни, пока Ваня вдруг резко не остановился.

— Обалдеть! Смотри какая ель! — он даже присвистнул, и схватив меня за руку, потащил с тропинки в снег.

— Ель как ель. Голубая. — красивое дерево, конечно, но лошади мне сейчас были интересней.

— Ты сто процентов не лежала еще ни разу под елью. — я не успела даже понять Ванину фразу, и охнуть не успела.

Он просто подсек мои ноги и вот, я уже лежу в снегу под елью. Хотя нет, не так. Я лежала под Иваном, а вместе с ним мы уже лежали под елью.

— И не целовалась... — добавил он, и поцеловал нежно.

Не тот это был разврат, что мы устроили с ним в бассейне. И это безнадежно подкупало меня. От таких, как Иван, не ждешь какой-то романтики. Да он и сам, не скрывая, изначально сводил все к постели. Только делал теперь все наоборот. Хоть я и сдалась, дала зеленый свет, понимая в принципе, к чему это может привести, но он не торопил событие. После бассейна, в котором чуть вода от нашей страсти не испарилась, но точно вскипела, не затащил меня в койку.

Ваня, быстро и напрочь ломал все мои шаблоны в моей голове этой решительной нежностью. Даже уже и не знала, чего от него ожидать.

— Ну что ты тут разлеглась?! — оторвавшись от моих губ, с возмущением спросил Ваня.

— Я? — я даже опешила от неожиданности.

— Ну не я же! Нас прогулка конная ждет, а ты тут пристала ко мне со своими поцелуями. — он поднялся и пошел в сторону конюшни, даже не помог мне подняться.

Пока я пыталась выбраться из сугроба, в меня прилетел снежок.

— Ах ты! — я задохнулась от возмущения, в попытке подняться, начала быстро сгребать снег.

Ванин смех раскатился по парку и меня заразил. Представила еще как я со стороны смотрюсь. Клуша в снегу, декабрьское блюдо ё моё.

До конюшни я добралась вся в снегу. Мало того, что Ваня меня в сугроб завалил, так еще и снежками обкидал, а мои до него не долетали просто.

— Здравствуйте. Меня зовут Денис. Это Фердинанд, он спокойный подойдет для тех, кто не имеет опыта. — молодой человек повел нас вдоль загонов, подбирать для нас коней.

Фердинанд был низенький, но крепкий конь шоколадного цвета, с шикарной гривой и челкой, фыркал и был довольно разговорчив, томно моргая. Денис дал ему морковку, и мы пошли дальше.

— Этот ей тогда. — Ваня приобнял меня со спины, словно ревниво.

Я и так разомлела от происходящего, не банально пошлого, а чего-то более серьезного, а тут еще в Ване просыпался Отелло. Сердечко зашло в восторге. Да меня сроду никто так ревниво к себе не прижимал.

— Вы так я понимаю опыт имеете? — Денис обратился к Ивану.

— Ага. — как-то по-хамски он ему ответил, не сдержалась, толкнула его локтем, за что была сдавлена более крепкими объятиями — а-ля «не перечь мне женщина».

— Тогда вам Звездочка подойдет. — я не сдержала смеха.

— Звездочка?! — удивленно-возмущенно переспросил Ваня.

— Очень ретивая кобылка. Раз вы опытный наездник, значит, вы с ней справитесь. — мы дошли до загона со Звездочкой.

Она была высокой, белой в серых пятнах и намного выше Фердинанда. При этом еще и гордо задирала голову, словно нас тут нет вовсе. Ване понравилась.

После короткого инструктажа и Ваниного обещания следить за мной, меня усадили на Фердинанда. Это оказалось намного проще, чем я себе представляла. Мы отправились на прогулку. Звездочке явно хотелось поскакать, как и более опытному Ивану, но он сдерживал кобылу и самого себя, то кружа вокруг меня, то притормаживая в ожидании. Меня же устраивал мой меланхоличный конь, очень напоминающий мне ослика Иа.

Сделав круг и вернувшись к конюшне, я еще долго не могла расстаться с Фердинандом.

— Пошли, а то опоздаем на полдник, завтра еще придем. — уводя меня из конюшни, пообещал Иван, явно уставший от неспешной прогулки.

— Пока красавчик. — потрепала коня напоследок.

— Ты не будешь доедать? — Ваня потянулся за остатками вафельной трубочки со сгущенным молоком, которую я так и не смогла осилить из-за ее размеров, изначально, она была с полкилограмма точно.

— Тебя проще убить, чем прокормить. — протянула ему тарелку с улыбкой, запоздало подумав, что он может и обидеться.

— Я большой мужик, я не могу наесться одним листочком салата как вы барышни. — ответил Ваня, ничуть не обидевшись, забирая трубочку, оставляя мне тарелку.

— Чем дальше займемся? — отставив сиротливую посудину в вафельных крошках, нырнула в красочную программку, выискивая что поинтересней.

— Кино там посмотри, с другой стороны. — Ваня щелкнул пальцами по программке.

Я перевернула цветную бумажку, расписание фильмов.

— Сейчас будут показывать Кавказскую пленницу. — неудивительно было, что тут крутят популярный советский кинофильм.

В санатории, некогда советском, несмотря на вполне современный ремонт, что-то оставалось неизменным. Надзирательницы в белых халатах, сок из треугольных колб и фильм Кавказская пленница по средам, Бриллиантовая рука по четвергам, по пятницам Гараж и так далее. Интересно, а что делать тем, кто прибывает в санатории больше одной недели?

— Сто лет не смотрел. Пойдем? — вмиг справившись со сладостью, спросил Ваня.

Кажется, он наконец-то наелся и был теперь доволен. Разве что не мурлыкал.

— Пойдем. А потом, может, на ватрушках покатаемся? — почему-то, хотелось переделать сегодня сразу все, не было уверенности, что завтра мы куда-то выберемся.

— Нет, сегодня не пойдем. Завтра. — уверенно заявил Ваня, а я не стала спорить.

Завтра, значит завтра.

По дороге к кинозалу, остановилась у зеркала.

— А ты не мог сказать мне, что у меня нос в сгущенке? — спросила Ваню, доставая пачку с влажными салфетками.

— Эй! Не трогай! Я это на десерт оставил. — он схватил меня за руки, не дав достать салфетку.

— Каннибализм, вообще-то, вне закона... — сказала чуть раньше, чем он лизнул мой нос.

— Жаль. Я бы тебя полил сгущенкой и съел. — смеясь, признался Ваня, утирая мой мокрый от его языка кончик носа, и подталкивая меня дальше, на путь к кинозалу.

— Прожорливое брюшко. — толкнула его локтем в бок, без определенной цели, обалдев от этого позитива.

Мы дошли с Ваней до кинозала, и он потащил меня на самый последний ряд, несмотря на маленький кинозал и практически отсутствующих зрителей. Кроме нас с ним, в зале сидела еще одна парочка пенсионеров и какой-то парень.

На удивление, мы с Ваней, действительно смотрели комедию. Вместе смеялись, а он держал меня за руку. Сам взялся за нее, наши пальцы переплелись и держались мы так все полтора часа, крепко, горячо.

Романтика, да и только. И еще ощущение неловкости, которое только усиливалось при приближении вечера. Хотя, мы оба уже знали, чем этот вечер закончится, и оба этого ждали.

После ужина, мы пошли гулять с Ваней по парку.

— Расскажи что-то о себе. — попросил Ваня, обнимая меня за талию, и мягко толкая вперед.

— Нет, я так не могу. Ты спрашивай, что ни будь, а я буду отвечать. — хотелось, если уж и рассказывать о себе, то действительно то, что ему интересно, а то начну с первых своих воспоминаний о бумажной кукле и закончу рассказом о том, как повезла труп кота в ветеринарную клинику, буду ни сном ни духом, о том, что он уже полдня, как почил.

— Мм. Кто твои родители? — Ваня, недолго думая начал с истоков.

— Папы у меня нет и не было, а мама у меня детский врач. Педиатр. — ни о чем не думая, сказала все как есть.

— Как это папы не было? Без папы тебя бы не было. — споря, заявил Ваня.

— Ну я не так выразилась. Он, конечно, есть, но я понятия не имею кто он. Мама эту тему обсуждать не желает. А твои родители? — перевела стрелки на Ваню, так же, как и моя мама, не желая обсуждать факт моего рождения.

— Мама была учительницей, а папа, как и я, бизнесмен. — была резнуло слух.

Но я не решилась уточнять, почему мама «была», боясь услышать, не о том, что она теперь домохозяйка.

— Мама погибла. Самолет разбился, в котором она с отпуска домой возвращалась. Может слышала? Три года назад, ай, наверняка и не помнишь. В общем, проехали. — Ваня поджал губы.

— Соболезную. — я немного притормозила, чтоб посмотреть ему в глаза, выражая сочувствие, но Ваня подтолкнул меня вперед, давая понять, что ему это не нужно.

— Поэтому я на машине и мотаюсь. Боюсь летать с тех пор. Паника начинается, как только на ступеньку трапа ступаю. А ты боишься летать? — честно признавшись в своем страхе, спросил Ваня.

— Я никогда не летала. Не знаю.

Постепенно, за беседой, чем дальше уходили от здания санатория, по освещенным круглыми фонарями дорожкам, рассеивалось это гнетущее ощущение от упоминания о Ваниной потери.

Ваня спрашивал меня о чем-то уже не существенном, а потом, дополнял мой ответ на его вопрос, рассказом о себе на эту же тему. Так, мы незаметно вернулись в Родник, и дошли до Ваниного номера.

Иван

Определённо, со мной происходила какая-то нездоровая херня. Ну захотеть Пчелу прям в бассейне, при посторонних, да при Тортиле, это было как раз нормально. Реакция на почти обнаженное женское тело у меня была самая правильная. А вот в конюшне... С какого толстого конца, я хотел парнишке конюху в челюсть надавать?! Вот это-то и было самой большой загадкой для меня. Еще в кинозале, потащил Ирку на задний ряд с целью пошалить, но мы реально смотрели кино, и я ее за руку держал, без всяких поползновений на то, что у нее в трусах. И про маму с Пчелой неожиданно поделился, да ещё свой страх о полётах ей на блюде подал. Смог оправдать этот поступок тем фактом, что с Пчелой наши дороги скоро разойдутся. Вроде как, когда попутчику выкладываешь всё про себя, потому что, знаешь, он всего лишь попутчик и больше вы не увидите.

Мы дошли до моего номера вместе. Ира сама шла даже не за мной, а рядом, и просить не пришлось. Скинув верхнюю одежду, прошли к кровати. Ира просто села на неё, глядя на меня в ожидании. Пошло и банально, но из песни этой слов не выкинуть. Осталось только начать, то самое желанное, зачем мы тут оба оказались. Я присел рядом и провел рукой по её шее, топя свои пальцы в ее густых волосах на затылке, притянув Ирку к себе.

Не скажу, что она была какой-то особенной. Обычная девушка. Кожа нежная как у многих. Шея красивая, но таких я видел немало и даже красивей видел и ласкал не раз. Только с Иркой было что-то не так. Я не хотел использовать на ней привычные шаблоны по соблазнению и однообразному траху. И признаться, это звиздец, как раздражало.

Я целовал её губы, не в силах от них оторваться и стащить наконец- то платье, белое в чёрную ласточку, которое засело в голове вместе со всей Иркой в нём, похлеще её аппетитной задницы в жёлтых труселях купальника.

Я хотел её поиметь не больше и не меньше всех других баб, которые у меня были до неё. Член колом стоял. Стягивай с неё платье мудака! — проговаривал сам себе в уме, а вместо это повалил её на кровать с поцелуями, как на снег у той голубой ёлки.

Ирка не выдержала этого мудизма с моей стороны, и сама отпрянув на пару секунд, сняла платье через голову.

Тут ко мне наконец-то вернулись мои яйца похотливого самца, а не того мудилы с непонятным нытьём в голове, которого я до сегодня и не знал вовсе. В раз справившись с лифчиком, не отвлекаясь на созерцание пышной груди, не томя ни себя ни и так томную и разомлевшую от поцелуев Пчёлку, тут же стянул колготки сразу с кружевными.

Провёл от её шеи по груди горячей ладонью, спустился до живота, потом ниже. Коснулся большим пальцем набухшего клитора, Ирка на это действие выгнулась и закусил губу. Между ног у неё было сочно. Она давно растеклась по кровати с закрытыми глазами и

ждала моих действий.

Почему-то подумалось, что Ирка в постели пусть и мокренькая уже от желания, но брёвно. Хотя целовалась и терлась об меня в бассейне очень даже страстно. Но это её молчаливое возлежание не оставляло мне шансов думать иначе.

Раздеваться пришлось самому. Быстро скинул с себя всё тряпье, достал презервативов целую ленту. Я, конечно, не секс гигант, но минимум от трёх гандонов планировал сегодня избавиться. Всё было молча, в тишине и это раздражало, но и говорить обыкновенную пошлятину сейчас не мог, поэтому раскатав презерватив по стояку, перевёл телефон в режим полёта и врубил музыку.

Лег сверху на желанную Ирочку, между ног, которые она, не сопротивляясь, развела передо мной, так и не открыв при этом своих глаз. Что надо сказать било по самолюбию. А все тело буквально взвыло от волны возбуждения, требуя дикого и быстрого траха, от желания не торопиться, не осталось и следа. Я словно сошёл на пару дней со своих рельсов, врезавшись в принципиальный и взбалмошный тупик с надписью Ирина. А сейчас вернулся на них и покатился по-своему, давно накатанному кругу. Когда прикоснулся языком к её шее, Ира тихо застонала.

Я всё ещё сдерживал себя. Ласкал её тело, желая выяснить самые чувствительные точки. Кусал её за мочку уха, лизал, посасывал, целовал, запоминая те места, на которых стон срывался с её губ. Она извивалась подо мной, начала гладить спину своими ножками, хвататься руками за мои плечи, затылок, волосы, прижимая к своему телу мою голову.

Неожиданно для самого себя, снова вернулся к её губам, встретившись на пару секунд с её блестящими — карими. Коснулся нежным поцелуем её губ. Её горячий, влажный язык был мне очень нужен. Вот если и было что-то особенного в Ирке, так это её рот и язык. С ней мне хотелось целоваться.

Не прерывая поцелуя, подхватил её под поясницу, и вошел в неё. Она выгнулась и ахнула, подаваясь вперед. Дыхание на раз перехватило, пришлось оторваться от Иркиных губ.

А она оказалась очень страстной и, если бы брёвна были такими, как Ира, их бы пришлось усыплять, ибо скакали бы как бешеные по лесорубке. Недолго она подо мной стонала. Уперлась руками в мои плечи, и заставила меня лечь на спину.

Как царица на троне, восседала на мне и трахала меня, ритмично покачивая бёдрами, в которые я впился руками. Она, приоткрыв рот, часто дышала, постанывала и наконец-то неотрывно смотрела на меня сверху вниз в прямом и переносном смысле. Это было так прекрасно, но даже это было с десятками других, и тем не менее было чертовски в кайф.

Неожиданно, Ирины руки коснулись моих. Она с трудом отцепила мои пальцы от своих бёдер, потому что я просто отупел, глаза на неё, и не мог понять, чего от меня хочет эта

незнакомая мне страстная брюнетка. А она хотела действий. Пристроила мои ладони на свою грудь, которой я даже не любовался до этого. Пришлось ещё пару секунд вспоминать, чего делать надо. Словно я превратился в то самое бревно, в которое записал Иришку.

Буратино блядь.

Тряхнул головой, скинул с себя Иру и поставил её на четвереньки, пристраиваясь сзади.

Вошёл вновь в неё, в горяченькую. Ира же и тут проявила самостоятельность. Задрал попу выше попку, прогнулась и легла покрасневшимся личиком, на скомканное одеяло. Я входил и выходил из неё снова и снова, так быстро, как только мог. И каждый мой толчок в неё, вырывался стоном из её губ. Наверное, её ответы на моё присутствие в ней, будоражили не только меня, но и весь этаж санатория и его пределы за окном. И я не был уверен, что сейчас к нам не заявится та самая Тортила из бассейна.

Когда кончал, сам издал протяжный стон, упираясь в неё до самого упора, показалось, что сердце остановится от собственного кайфа и ощущения ее оргазма.

После, мы оба молчали, тяжело дыша, развалившись уже поперек кровати.

Бурная и страстная ночь сменилась нежным и ласкающим утром. Наши языки сплетались, вновь и вновь. Губы у Ирки были ярко-красные, мордашка сонная, волосы растрепанные, потому что легла после душа с мокрыми, и они высохли как попало. На ее лбу еще виднелась ссадина, но мазь, про которую мы напрочь забыли, помогла избежать синяка и долгоиграющей шишки.

— Надо вставать, а то прошьлявим завтрак. — с трудом оторвался от Пчелки — Шальной Императрицы, поднялся с кровати и сунулся в сумку, дабы найти боксеры.

— Ахринеть! Вот это размер! — Ира поползла в мою сторону по кровати, пялясь на мой член так, словно вчера с ним не встречалась, добавив при этом; — Давай его померим? — вопрос — ее предложение, звучало вполне серьезно.

— Ты бы его еще взвесить предложила. — сдерживая смех, быстро спрятал хозяйство в найденных боксерах.

— Давай! Только дома, у меня весы есть кухонные, маленькие, там в граммах. — совершенно серьезно заявила Ира, а я не мог понять, она прикалывается или это серьезно.

— Ну ты чокнутая. — тут уже по заключению не выдержал и рассмеялся, повалив Ирку на кровать.

На завтрак мы безбожно опоздали, благо можно было, оказывается, купить еду отдельно, помимо путевки.

К вечеру пятницы, откуда-то набежала херова куча народа. Бабы, мужики непонятные и много горластых детей. А это уже не пара парочек, еле шаркающих ногами пенсионеров, снующих с процедуры на процедуру.

— И как мы будем кататься? — с тоской спросила Ирка, глядя на один тюбинг, который мне удалось урвать.

— Ну точно не по очереди. Давай! Придави меня Пчела! — плюхнулся в ямку обтянутой чехлом камеры, похлопав по ногам, пригласил Иришку к себе на коленки.

— Оп! — Пчела поняла меня буквально и плюхнулась сверху так, что реально придавила.

— Поберегись! — двинул пятками, толкаясь со снежной, почти природной горки.

Придавить несмышленного малолетнего радости не было, а родители какие-то пришибленные, не особо-то за ними смотрели.

— Ааа. — Иришка орала и хохотала одновременно, так что уши закладывало.

И скорость вместе, мы набрали не маленькую, нас ещё и закрутило прилично, скатились так, что похлеще американских горок будет, завалившись под конец в снежную кучу.

Вчера мы катались с ней наперегонки, но сегодня, из-за наехавшего на выходные народа, пришлось кататься командой, что мне даже больше понравилось. Но излишек людишек тем не менее раздражал. Уже не хотелось выходить из номера, слишком много вокруг было отвлекающих от Ирки моментов и очереди.

Чтоб покататься на лошадях, пришлось прождать целый час, пока освободятся и немного отдохнут Звездочка и Фердинанд. Так, и их чуть из-под носа не увели. Какой-то хмырь со страшной пергидролевой телкой и жеваным башмаком вместо губ, влезли перед нами, еле отбил копытных.

К ужину настроение было поганей некуда, только Ирке было всё не почём. Сияла как шмат серебра.

— Чем мы займемся после ужина? — мурлыча, спросила Ира.

Помогли Ирке мои уколы, совсем кошечкой ласковой стала, разве что хвостик с усами не растут.

— Кино можно посмотреть, на моём ноутбуке. — вообще, планировал Ирку в баню затащить, но прошляпил удачное время, надо было вчера, сейчас же как представил, сколько там народа толчётся, аж передёрнуло.

Хотелось поскорей убраться, и утра воскресения я ждал уже с нетерпением. Даже

Иркин рот не отвлекал от мыслей поскорей отчалить и не поднимал особо мне настроение, хотя член реагировал как надо. В убытке было только мое душевное спокойствие.

— А что за кино? — с интересом спросила Пчёлка, по смешному выковыривая морковку из рагу.

С такой только в ресторан и ходить. Хорошо хоть тарелки не вылизывает.

Иркина непосредственность и умиляла, и бесила. Флакончик два в одном бля.

— Ужасы! — огрызнулся, но на Ирку, словно на гуся вода, сидит, балдеет, Матильда облизанная.

— Резня бензопилой? — посмеиваясь, спросила она, выбрав на край тарелки почти всю морковь, и принимаясь наконец-то за само рагу.

— Курорт блин! Про зомбаков, самое-то сейчас смотреть. — огляделся, словно в улей зомбячий попал, все чет жужжат и в тарелках ковыряются, а дети носятся между столов, словно в задницу стреляные зомби.

Отчаянно захотелось в бар с Максом, где нет вот этого всего. Только расслабляющая обстановка, синьки немного и друг, а баб потом можно подцепить, ненадолго на дискотеку заехав.

— Ты мизантроп, что ли? — застыв с вилкой в воздухе, спросила Ирка.

— Что за тварь такая? — понятия не имел кем меня там нарекла Пчела, но явно чем-то не очень хорошим.

— Ну это как в анекдоте.

— Мизантроп, среди нас есть мизантроп?!

— О да! Есть! Я мизантроп, что случилось?

— Тут человеку плохо, наслаждайтесь. — с невозмутимым видом, пояснила Ирина.

— Бред. — обидно было, хотя мне-то, что за дело?

Плевать чего она там думает обо мне.

— Еще и холерик. Адская смесь. — язвительно добавила Пчела.

— Не нравится не ешь! — встал из-за стола и покинул столовку.

Ирина

Обиделся Ваня, на констатацию факта, а я теперь чувствовала свою вину. Даже рагу, которое так старательно избавила от ненавистой мне варёной моркови, стало безразлично.

Но я не побежала за ним рассыпаясь в извинениях, толку-то? Ване нужно время побыть одному. Я ещё поначалу удивлялась, такому своеобразному выбору отдыха для такого человека, как он. Ведь солидный и обеспеченный Иван Олегович Реутов никак не вязался с санаторием Родник. Минимум шашлыки у шикарного особняка, в котором он наверняка и обитает и максимум шумная вечеринка среди длинноногих красоток, на какой ни будь дорожкой яхте в океане, или ещё какой курорт. Теперь же всё стало ясно. Тихий санаторий его устраивал, лишь потому, что тут до вчерашнего дня было мало людей.

Они его бесили и раздражали и, хотя, я старалась этого не замечать, его негатив рвался наружу. У него пропал аппетит, он стал резким, нервным и я его тоже, кажется, неслабо так подбешивала. Вот и сижу теперь одна, со своим обезморковленным рагу, наблюдаю за детками, которые, к слову тоже Ваню нервировали. Осознание этого, подтолкнуло к пониманию того, что мы с ним разные и совсем не подходим друг другу. Больше, чем этот санаторий нам ничего хорошего не светит.

Я люблю людей. Шумные компании и жизнерадостных детей, а Ваню это всё раздражает. В лучшем случае он просто будет отдельно, а я отдельно, встречаться мы будем только в спальне, и о шумной шикарной свадьбе, и о детях можно не мечтать. В худшем, Иван просто запрет меня дома, и заставить жить так, как это интересно ему. Без шумных посиделок с друзьями, носящихся с визгом по дому детей. Да и работать не пустит, и к маме не пустит, как обещал. Слишком собственник и слишком ревнив к тому же. И маму мою терпеть не станет ни в гостях, ни как-то иначе.

Мне бы задуматься, прекратить всё пока непоздно, но я же встала и пошла к нему в номер. Триста пятый. Стояла у дверей, и радовалась как дура, что номера у нас хоть и разные, но всё же тусовалась я у Ивана, и вроде его это не раздражало. Не понимала еще, что разные номера, это не Ванина интеллигентность, или желание личного пространства, а просто-напросто это был хитрый ход с его стороны.

Тем было печальнее осознавать спустя время, что всё, что будет дальше, не просто потому что мы не сошлись характерами, а потому, что он, это распланировал.

Провести со мной неделю и уехать не попрощавшись, таким был его план.

Я постучала.

— Ещё парочка оскорблений? — резко открыв дверь, возмущённо спросил Ваня.

Он был явно из душа. Вкусно пах гелем с ароматом морского бриза, гладко выбрит и к тому же в махровом халате. Намывался, пока я в одиночку сидела брошенной в столовой.

— Прости. — мило улыбнулась ему стоя на пороге.

— Да ладно. Заходи. — Ваня схватил меня за руку и затащил в свой номер.

— Кино будем смотреть? — спросила его, усаживаясь на кровать поудобней.

— На самом деле, я хотел тебе кое в чём признаться. — робко начал Ваня, достав какой-то баллон из холодильника.

— В чём? — мне стало немного не по себе, потому что я понятия не имела что там в его руках.

— У меня есть небольшая слабость. Я люблю лизать. — прямо в лоб, он сказал это с таким лицом...

С лицом маньяка. Глаза нездорово блестели и немного навывкате, и такая улыбочка на лице гаденькая. Я нервно рассмеялась. Ещё вспомнился недавний случай со сгущёнкой. Точно! Он же лизнул меня в нос. Тогда посчитала это забавной шуткой.

— Ты меня пугаешь... — сказала сквозь смех, в надежде, что это все же шутка такая.

— Да брось ты. Раздевайся милая, я по твоей вине не поел, будешь моей тарелкой. — с этими словами, он развернул мне баллон, это оказались взбитые сливки. Откуда он их только достал?

Я опешила, не зная, что и сказать. Ни словечка не шло на язык.

— Тебе понравится. — шепнул Ваня на ухо, склонившись ко мне.

Маньячина.

— Я не уверена, меня ещё не вылизывали... — замешкавшись, попыталась как-то избежать этой участи быть тарелкой, но Ваня был проворней.

Стянул с меня разом платье и лифчик, не дав встать. Повалил спиной на кровать, стянул всё остальное, оставляя меня абсолютно голой, принялся трясти баллон, плотоядно меня разглядывая.

— Знаешь, мне тогда в душ нужно. — я снова попыталась встать.

— Не нужно. — Ваня, мягко, но настойчиво уложил меня горячей ладонью обратно, он

ловко, большим пальцем руки, откинул крышку баллона, и скинул халат, под которым был только голый и возбужденный Ваня.

Мне ещё не верилось. Этот мужик, брутал, лизун. Лизун!

— Кхм. Холодно. — пискнула и моментально покрылась гусиной кожей, когда на моё тело с характерным звуком легла холодная белая полоска взбитых сливок, от пупка, до шеи.

— Так надо. Мм. — коротко пояснил Ваня, припал ртом, толи к сливкам, то ли к моему животу, и стонал сейчас блаженно, похлеще, чем от утреннего минета.

Не спору, было приятно. Контраст холодного и горячего, стоны некогда сильного и независимого мужчины, сейчас такого слабого и беззащитного у моего живота, все это было классно. Я даже расслабилась, пока не поняла, Ваня словно в транс, одержим своими действиями и сливки ему не нужны, они, видно, для меня были отвлекающим манёвром. Он просто маниакально лизал меня. Не целовал и не прикусывал, а просто лизал. Как собака. При этом ещё и постанывал. На несколько минут я напряглась. Нужно было время, чтобы как-то свыкнуться с происходящим. Убедить себя, что Ваня — не каннибал и его фетиш закончится лишь шикарным сексом, а не расчленённой мной.

В итоге я потешила себя тем, что это невероятное доверие с Ваниной стороны и просто расслабилась, получая удовольствие без всяких подозрений, а Ваня это заметил.

— Да...вот так...я тебя не обижу...не бойся, это странно, но согласись, тебе же приятно? — Ваня отвлёкся, почувствовав моё расслабление, и приподнялся к моим губам, нашептывая эти слова, прижимая меня к себе.

— Д-да... — не сразу ответила, задумавшись на десяток секунд над ответом.

— Я знал, что могу тебе довериться. — радость в голосе Вани тоже усыпляла моё недоверие к происходящему, и поцелуй опять же, нежный.

Их до этого момента было много, но сейчас он был особенным. Словно мы с Ваней одно целое, родное и неделимое.

В субботу в санаторий приехали еще отдыхающие. Сидеть в обед парой было непозволительной роскошью даже для Ивана. К нам подсела семейная пара с двумя детьми. Мама Светлана, отец семейства Дмитрий и два сына, Виталий лет трех, и Алексей лет семи. Ваня, естественно, пытался сохранять спокойствие, но маленький мальчик Витя, не хотел есть суп, делать по нему шлеп-шлеп ложкой, было ему интересней. Но что такое шлеп-шлеп? Это, естественно, брызги супа в разные стороны.

— Витя! Прекрати сейчас же! Дай сюда. — мама Вити выхватила из его маленькой руки ложку, но было поздно.

Ваня утерся и, не скрывая своей брезгливости и презрения, покинул столовую, так толком и не поев.

— Это из-за нас да? — с огорчением спросила девушка, утирая салфеткой детей по очереди, а отцу семейства было все равно, он не вылезал из телефона.

— Нет, это из-за него. — мило улыбнулась, сведя все до смешной ситуации не более.

— А вы катались с горки? Не слишком крутая? С детьми можно? — спросила Света, переводя тему.

— Я не знаю. У меня нет детей. Но вчера на горке были дети. — призналась ей.

Света отвлеклась на Витю, а я прям приуныла, неспешной ковыряя свой обед. Ванин характер в сторону окружающих, был словно палка в колесе наших отношений. После обеда не пошла я к Ване. Планов у нас не было, не успели договориться. Оделась у себя в номере, которой пустовал, выполняя только роль моего шкафа.

Вышла на улицу, позвонила маме. Немного поболтав с ней, решила прогуляться по парку. Подумать о нас с Ваней. Может то, что я себе надумала, намечтала, вообще, самообман? Ваня за все это время, больше ни разу не поднимал тему переезда к нему в Москву. Мы вообще, не говорили про возвращение домой. Все мои мысли о будущем с ним, питались его отношением ко мне, действия, а ни слова, которым я бы и не поверила особо. Но кто сказал, что лапшой на ушах могут быть только слова?

Да и не было больше этих слов. Только поступки и невозможность оторваться друг от друга, желая изучить каждую клеточку и нежелание выбираться из кровати.

Я еще много чего перетерла в мозгу, успела немного подмерзнуть, хотела вернуться в санаторий, но меня догнал Ваня.

— Ирка! Бананов в уши натолкала? — с этим вопросом он полез под шапку, сунул даже палец в мое ухо, проверяя нет ли в нем желтенького фрукта.

— Нет. — выдохнув, призналась ему.

— Я тебя зову, зову, а ты не слышишь тетеря глухая! — возмущался Ваня, и тяжело дышал, видимо, бежал за мной издалека, а я вся в своих мыслях и правда его не слышала.

— Я просто задумалась. Где ты санки слимонил? — спросила Ваню, увидев сначала веревку в его руке, а потом советские санки за его спиной.

— Что за словечки Пчела? Не слимонил я, а попросил покататься. Садись давай. — Ваня дернул санки, подождал пока я усядусь.

— Только небыстро, а то я свалюсь. — попросила Ваню, попа моя с детских санок выросла еще лет пятнадцать назад.

— А я так понял, что ты любишь побыстрее. — пошленько ухмыльнувшись, поддел меня, за что получил снежок в спину.

Хотела по довольной ухмылке попасть, но успел увернуться приткий мужик.

Ваня назло разогнался как можно быстрее. Я смеялась и от страха упасть, все крепче цеплялась за края санок. Из-под полозьев в лицо летел снег, от которого я еще и жмурилась. Ну и как водиться, на повороте, с санками я рассталась. Свалилась, покатываясь на утоптанном снегу от хохота.

— Растяпа! — Ваня, улыбаясь, вернулся за мной, он пытался меня поднять, но я так обхохотывалась, что не могла ему помочь, а силенок у Вани не хватило.

Второй день мужик плохо ест.

— Ну вставай давай! Что ты тут, вон вся в снегу вывалилась как маленькая. — Ванина очередная попытка меня поднять, закончилась тем, что он плюхнулся сначала рядом, а потом на меня перекатился.

— Ты меня придавил. — констатировала я, когда отсмеялась.

Ваня смотрел на меня, я на него.

Серьезно.

Пронзительно. Не знаю, о чем Ваня думал в этот момент, но явно о чем-то серьезном. Я даже не смела отвести взгляда, или вставить еще хоть слово. Мне казалось, сейчас он скажет что-то важное, то самое глубокое, о чувствах ко мне. Ведь они были эти чувства, их нельзя было не заметить.

— Вставай а? — попросил Ваня, после недолгой вдумчиво-молчаливой паузы и созерцания моей, как он говорил моськи.

— Встаю. — а сама под ним лежу, как я встану-то.

Так, и пролежали с ним еще минуту, молча, пялясь друг на друга. Два идиота, ни бе, ни ме, ни кукареку.

Иван

Что же это творится-то?! Я словно крышкой поехал. Взял и признался Пчеле в своей мании. Никогда. Никому.

Сливки же приготовил, что мешало, как обычно, устроить сливочную прелюдию? Бабы под сливки и не разбирают мой фетиш. Нет же, сказал. Еще и довольный стою, весь такой честный маньяк блядь! Ирка испугалась, да я бы сам испугался, рожа у меня была больно хищная и наверняка решила она, что я ее сожру сейчас. Напряглась конкретно. Я ж уже предвкушать начал, что оближу всю Ирку с ног до головы без дурацких тошнотных сливок. Немного, правда, настоять пришлось, а то слинять Пчелка хотела.

Но я не дал. Сама виновата. С хера ли она такая чудная, что мой язык меня не слушается? Вот и заставил ее немного разгребать.

А Ирка от холодных сливок еще такими пупырьками крупными покрылась. Кайф.

Только к кайфу еще всякой хрени кучка как водится прилагается. В субботу совсем накрыло меня. Все и все бесят, а Ирка милаха бляха муха! И в груди эта щекотка идиотская. Смотрю на нее и начинается щекотун блядь!

Надо было сваливать скорей. Я даже сумку собрал. Хотел Ирку найти. Попрощаться. Но в номере ее не было, вышел из санатория, спер санки как в бреду. Плохо стояли. Детские ж наверняка, а мне все равно. Вот как клин оказывается, входит, надо срочно линять, чтоб без труда от него избавиться. Иду по парку, почти бегу, Ирку высматриваю, а у самого сердце из груди рвется, как я ей скажу то блядь что сваливаю? А про то, что валить нужно как заезженная пластинка в голове, в разных вариантах повторяется.

Куда Ирке такой как я? Мизантроп как она сказала, я с ней несогласен, конечно, но вот суп в лицо ей хорошо заходит, а мне такой радости не нужно. Да и на такой, как Ира жениться нужно, она ж и детей поди захочет, а мне это хомут еще лет десять как не улыбается.

Увидел ее из далека, шагала медленно и ни хрена не слышала. Догнал. Вроде вот, говори что хотел, а она с этими санками пристала. Пришлось катать ее. Свалилась, меня еще уронила. Валяшка прям.

Лежу на ней. Пялюсь на неё, а она на меня. И словно язык проглотил. Не могу ей сказать и все тут. Словно ребенка на хуй пошлю, а не взрослой бабе рукой помашу.

— Вставай а? — попросил ее, не в силах прощаться сейчас и вот так.

— Встаю. — говорит, а сама не шевелится.

Еще минуточку ее разглядывал. На кой черт только мне это надо то?! Разглядывать ее.

— И как не стыдно вам?! На пять минут отошли с ребенком в туалет. Ладно бы дети, а то взрослые люди! Бессовестные! — запыхавшаяся женщина с краснощеким ребенком, хапнула санки, по всей видимости, ее детеныша и крича что-то гневное, я не особо разбирал, усадила пацана на санки, плюнула в нашу сторону и покатила отпрыска в другую.

— Ваня, Ваня. Слимонил-таки санки. И как? Не стыдно тебе? — качая головой, оттряхивая снег с шубы, с иронией спросила Ирка.

— Смотри! Снегирь! — отвлек ее, она повернулась в поисках снегиря глазами, а я по-детски толкнул ее в сугроб.

Вот так Ирка на меня влияет. Охота ей секреты рассказывать свои, санки для нее воровать, топить ее в бассейне, чтоб спасти, и в сугробы заваливать. И еще много желаний глупых на ее счет в голове моей дурной бродило.

— Ах! — Ирка возмущенно выдохнула, неуклюже и очень смешно шлепнувшись, в рыхлую, снежную кучу.

Я немного понаблюдал, как она выбирается и дал деру. Вот так провалилась первая попытка уехать домой.

— Я же догоню тебя! Стой гад! — раздражил Пчелу, она гневно кричала мне вслед, догоняя и забрасывая снежками.

Правда, они как обычно до меня не долетали. Так, и бегал от нее, пока Ирка не выдохлась и не плюхнулась сама в ближайший сугроб. Смешная такая. Чучундра чучундрой, шапка съехала, щеки красные, запыхалась, волосы как у ведьмы в разные стороны из-под шапки торчат, даже вон сопля под носом заблестела, а она ее так смешно варежкой утерла.

— Быстро ты сдалась Пчелка. — подошел к ней, и плюхнулся рядом.

Ирка делала вид, что я ей уже неинтересен, но в неожиданный момент, в морду мне снежок таки прилетел.

— Это нарыв! — пока я рожу утирал, она уже успела отбежать.

Догнал я ее влет, закинул на плечо хохочущую заразу и потащил в номер.

Уже пройдя мимо Иркиного номера, понял, надо возвращаться, а то в моем-то номере сумка собрана, а у меня уже стоит и вроде как не до прощаний пока.

— Че ты меня в гости не приглашаешь? Идем к тебе, а то зря, выходит, два номера занимаем. — потянул Ирку за руку обратно к ее номеру.

— Пошли, я же не против. — согласилась она, улыбаясь почти смущенно.

— Эм. Мне кое-что нужно, забыл, я сейчас. — уже зайдя в Иркин номер, не получилось наброситься на нее со всей страстью, презервативов-то с собой не было.

— Хорошо, возьми ключ, я пойду в душ. — улыбаясь, Ирка протянула мне ключ от номера.

— Зачем мне ключ? Ты же в номере. — я ее не понял, тупею на глазах.

— Я буду в душе. И дверь запирать не стану... в ванную комнату... — Ира игриво закусила губу и тут до меня дошло, о чем это она.

— Хорошо. — согласился с ней, не удержавшись от очередного поцелуя.

Потом Ира скинула шубу и юркнула за дверь ванной комнаты. Я пошел к себе, уже осознавая, уехать из этого санатория мне будет пиздец как сложно.

Вернувшись в Ирин номер, скинул быстро одежду и зашел в ванную комнату. Ирка уже грелась под горячей водой, за прозрачной шторкой, переступая с ноги на ногу. Сердце грохотало в груди, и опять эта щекотка дурацкая, бесящая, отчего только неясно. Что в ней плохого? Я сам этого не знал, но яро ей сопротивлялся и не хотел я этого чувствовать.

Забрался за шторку в душ, прижимая Ирку животом к стене.

— Ждала меня? — задал самый идиотский вопрос, несильно сжимая руками ее шикарную грудь.

— Конечно, ждала. — со смехом ответила Ирка.

Хохотушка она, это я уже давно понял.

— Молодец какая. — похвалил ее, борясь с желанием сжать все ее тело своими крепкими руками.

Вместо этого просто прошелся ладонями вдоль ее тела. И языком собрал горячие капли воды с ее шеи, откинув мокрые Иркины волосы в сторону.

Она шумно дышала и плевалась водой, что попадала ей в рот, и при этом терлась об меня своей попкой. Только я не торопился, несмотря на то, что за это время так и не смог насытиться сексом с Ирккой, решил подразнить ее.

Ее стон ласкал мой слух, когда мои же пальцы проникли внутрь нее. Начал медленно ласкать ее, дразнить зная, Ирка медленно не любит, а она прогибалась им навстречу желая больше, глубже.

Я прошелся языком по ее щеке балдея от ее тихих, приглушенных водой стонов, захватил мочку ее ушка. Ирка выгнулась сильнее, прижимаясь ко мне всем телом, даже ногой меня своей по ноге погладить умудрилась, а я это заметил. Я все-все замечал, терзая губами ее ушко, и продолжая двигать пальцами внутри нее, вырезал в своей памяти каждый ее стон, каждое движение, вздрагивание, желание быть ближе к телу. Все! Даже то, что ее мокрые волосы опускаются ниже лопаток, а когда они сухие, выше.

Ира откинула голову назад, правда, ненадолго, вода попала ей на лицо, она, фыркнув, как кошка, тут же рассмеялась. Сдерживаться уже сил не осталось. Сменил пальцы на член.

Ирка довольно застонала, прогибаясь и прижимаясь лбом к стене. Я опять пристал к ее уху, не давало оно мне покоя это ушко. Прикусывая мочку, лаская его языком, стал двигаться. Сразу быстро и глубоко проникая в неё с каждым новым толчком, так ей нравится, и я черт возьми это знаю, хотя мне всегда до звезды было че там бабам нравится. Двигался в ней резко, не останавливаясь, придерживая ее одной рукой под живот. Капли воды стали не просто горячими, обжигающими. И воздуха не хватало, и он стал горячим, душным. Все поплыло перед глазами в яркой вспышке одновременного оргазма. Ирка чуть не сползла вниз, я удержал, прижав ее к себе. Сейчас, я и сам был не против полежать и охладиться.

Мы выбрались из душа, тяжело дыша, развалились поперек кровати. Капли воды на Иркином теле там и манили, облизать ее всю, с ног до головы.

Отдышавшись, Ира перекатилась на мою грудь. Сейчас она была еще сексуальней и желанней, чем обычно. Темные мокрые волосы, бледная кожа, блестящие глаза и алые губы, как розы в вазе на столе.

Ирке хотелось продолжения «банкета». Она начала медленно покусывать мочку уха, на что мой член реагировал твердым согласием. Я прикрыл глаза, уплывая в мир невероятного блаженства, еще не зная, что скоро стану заложником этого мира. Мира, в который проводить меня сможет только Ирка.

Она ласкала шею, грудь, медленно спускаясь вниз. Все вроде как обычно, но я получал от этих ее действий невероятное возбуждение. А когда она спустилась до паха и коснулась кончиком языка до члена обхватив его рукой, не сдержал стоны. Минет Ирка делала охрененный и делала его с жаждой, ласкала языком при этом не забывая про меня самого. Поглаживала рукой мой живот, сжимала пальцами не только мой член, но и бедра. Впервые мне давали понять, что я весь интересен, а не только то, что у меня ниже пояса. И впервые я так стонал, сжимая руками не голову девушки, а одеяло.

Это был прям настоящий марафон, который не очень хорошо закончился ближе к ужину.

Ирка так на мне скакала, что резинка не выдержала, а я был не в себе, как и она, чтоб вовремя это заметить. Только после того, как кончил и освободил Иру увидел.

— Черт! Дуй-ка быстро в душ. — продемонстрировал ей остатки не выдержавшего нашей страсти гандона, Ирка как всегда засмеялась, подскочив с кровати, юркнула за дверь ванной комнаты.

Хорошо, что она меня до этого подоила несколько раз, но меньше всего сейчас хотел для Ирки проблем.

Потом был ужин. На этот раз с нами сидели две пары пенсионеров, поэтому удалось нормально поесть. После ужина Ирка продула мне в боулинг, и мы вернулись в ее номер. Сил ни на что уже не было, мы просто легли спать. И я вымотанный заснул, даже несмотря на уже точно неминуемое приближение прощания.

Ирина

Засыпала в крепких Ваниных объятьях, а утром проснулась одна. Странно, завтрак я проспала, и Ваня меня не разбудил. Я быстро умылась, оделась, и дошла до его номера, но его там не было. На звонки он тоже не отвечал. Может решил сходить на процедуры?

— А могу я узнать, где Иван Олегович из трехсот пятого? — сердце мое билось как бешеное, когда я обратилась с этим вопросом к администратору.

— Эм. Минутку. А, Реутов с трехсот пятого? Так, он утром выселился. А вы с трехсот первого правильно? — улыбающаяся девушка понятия не имела, что только что мне сказала.

Да и до меня не сразу дошло, хотя руки заметно задрожали.

— Да. — быстро ответила ей, в надежде, что для меня есть хоть записка, может у Вани что-то срочное.

— Для вас на время выселения после четырнадцати ноль-ноль, заказано и оплачено такси. Так что успейте собраться. — она ответила мне, все так же мило улыбнувшись, почти лишив надежды.

Но я сейчас еще потешила себя тем, что записка возможно есть в номере просто я ее не заметила.

— Да. Спасибо. А я могу на лошади еще покататься? — не верилось, хотела оттянуть момент, когда все точно выяснится.

— Да. До двух часов всё проплачено и включено.

— Спасибо. — поблагодарила работницу санатория и вернулась в номер.

Не глядя в поисках записки, я оделась.

Я замерла. Внутри и немного снаружи. Реакции стали заторможенными. Одевшись потеплей, пошла в конюшню. Денис молча выдал мне Фердинанда и помог забраться на него. Меня отпустили одну, я оказалось хорошей ученицей. Конь громко фыркнул и забил копытом, трясая головой. Наверно ему впервые хотелось проскакать галопом в тон моему сердцу, но он, словно чувствуя что я в ступоре, медленно побрёл по тропинке.

Он вёз меня по моей памяти. По дороге то и дело всплывали кадры. У той ели Ваня повалил меня в снег и целовал. За тем поворотом я свалилась с санок. И ещё много, где мне встречалась счастливая пара, которая с каждым воспоминанием имела ко мне всё меньшее и

меньшее отношение.

Вернувшись в номер продрогшая, я отогревалась и собирала вещи. Каждый взгляд на телефон отдавался тревогой в груди. Но я не смела больше звонить. Я замерла в ожидании чего-то неизвестного, хотя и дураку было бы уже всё ясно.

До двух часов я сиротливо проторчала в фойе со своей сумкой, сжимая в руке телефон. Порываясь то позвонить Ивану, то удалить его номер телефона из памяти. Обрывала каждый порыв тем, что и то, и то будет неправильным.

А когда села в такси, и таксист повез меня домой, я долго терла лоб, но в итоге все же расплакалась.

— Что-то случилось у вас девушка? — водитель притормозил даже.

— Вы не обращайтесь, пожалуйста, внимания. Просто мне нужно. — пересилив себя, просила.

Водитель оказался понятливый. Даже сделал музыку погромче, вновь трогаясь с места. Слезы катились градом до самого дома, а в онемевшей руке лежал телефон.

Зайдя в квартиру, не раздеваясь, я рухнула лицом в диван с ямкой и громко разревелась.

На работу я шла с таким лицом, словно не в санатории отдыхала, а пахала где-то в угольном забое, не видя света и не дыша чистым воздухом. Я не звонила больше Ване, и он не перезванивал мне. Это конец. С этой мыслью я и зашла в свой кабинет и сердце в радости словно ожило, забились по-настоящему с жаждой жизни. Кинулась к букету на столе. От чего-то решила, что это что-то значит и обязательно что-то хорошее.

Трясущимися руками взяла конверт, торчащий из букета алых роз.

Ноги подкашивались и пришлось сесть, когда прочитала.

«Спасибо за самую прекрасную командировку.»

Наступив на горло собственной гордости, абсолютно не зная, что скажу, потянулась в сумку за телефоном. Как в бреду, нажимала несколько десятков раз вызов номера Ивана, и всё занято и занято. И так, пока до меня не дошло, что мой номер просто в черном списке его телефона. В груди что-то щекотало. Так, противно. Как изжога, только тут не помогут лекарства.

Я была опустошена. До самого Нового года ходила как неживая, словно кукла автомат. Посещала маму, делая вид что всё хорошо. Пыталась запихивать в себя еду и как-то жить. Не плакала больше, видимо, в глубине души, я была готова к такому повороту. Звоночки поступали и до всего этого. Но и не вспоминать не могла. Сны постоянно снились. Всё о чём я наивно мечтала, сбывалось в них. В этом был плюс, я хорошо спала. Даже слишком. С

каждым днём всё трудней было поднять голову от подушки. Новогодние праздники прошли в ожидании чуда и редко прерывающегося сна. Я уже в эти дни заподозрила неладное. Невозможно же спать с десяти вечера до обеда, а потом после обеда дремать ещё часик полтора и валиться с ног в те же десять вечера.

Не было тошноты, и про задержку я поняла совсем внезапно. Лежала в ванной в уже остывшей воде, бездумно блуждая взглядом по стене и полкам с предметами, пока не запнулась об упаковку с прокладками.

Так быстро я еще не собиралась никогда.

Вернувшись домой, рискнув, нарушила инструкцию сделав тест сразу же. Несмотря на день, а не утро, две яркие полоски замелькали перед глазами. И опять началась ломка. Несмотря на низкий поступок Ивана, я так и не смогла удалить его номер из телефона и ближе к вечеру снова нажала кнопку вызова.

Ничего нового я не услышала. Все те же гудки «занято». Я закусила губу, чтоб та предательски не дрожала и сдержала подступившие слезы. У меня не было сомнений рожать мне или нет. После Ваниной выходки, вообще, на мужиков смотреть не могла, отбил охоту. А мне двадцать пятый год как никак. Хочу ребёнка.

Жизнь заиграла новыми красками. Такими же яркими как эти две полоски на белом куске лакмусовой бумажки.

— А ты чего в пуховике? Где твоя шубка шикарная? Долго ты, кстати, прятать от меня будешь своего кавалера? Такой подарок шикарный подарил, наверняка серьезно к тебе относится, можно и с мамой познакомить. — пришла к маме сдаваться, а она, того не ведая, мне душу травит.

— Мама вот я тебе тут принесла, сможешь как-то зашить? — не отвечая на ее вопросы, сразу шубой ее своей заняла.

— Это как так? Как ты умудрилась? Это — вот за такие деньжищи тебе гнилье подсунули? Ты посмотри, а! Даже не по шву! Я зашить-то зашью, но видно же будет. — мамино возмущение не знало границ, куда ей сейчас о ребенке говорить?

План мой был хорош только в уме, а на деле полный отстой.

— Ну ты зашей как-нибудь, я шарфиком прикрою. Я уже пробовала, нормально. — с утра распрощалась с той шикарной шубой.

Примерила ее у зеркала напоследок и со словами не жили богато нечего и начинать, снесла в комиссионку. Даже на продажу не выставили, директриса магазина дочке своей хапнула, в подарок на восемнадцатилетие. А я акрыла тут же кредит и витаминов себе хороших купила. Остатки на ребенка отложила. На кроватку, коляску, должно хватить. Хоть

какая-то польза от папаши будет.

— А с той то шубой что? — спросила мама, уходя на кухню к плите.

— Я ее продала. Мама, у меня новости есть. В общем, бабушкой ты скоро станешь. — прошла за мамой, не дожидаясь очередных расспросов о шубе, сообщила новость.

— Ира! Ты совсем, что ли?! — она всплеснула руками и села за стол.

— Видимо да. — мамина реакция была вполне ожидаема.

— А этот? Слинял? — на мамин вопрос просто кивнула.

— Ты идиотка! У тебя такой шанс был, а ты же бестолочь все испортила! Кому ты теперь брюхатая нужна будешь?! Да тебя и с ребенком ни один приличный мужик не примет. Так и будешь, как я маяться. Сколько я тебя учила, учила и все без толку. — под конец плевательной тирады мама скрылась лицом в ладошках и расплакалась.

— Мама, ну ты же не жалеешь, что у тебя я есть? Ну перестань. — подошла к маме, обняла ее со спины.

— Да! Не жалею, но что я тебе дать смогла? Ты мне помогаешь, живешь на съемных квартирах, не такой судьбы я тебе желала доченька. Твое право, конечно, но тяжело тебе с детем будет без мужика. — всхлипывая на каждом слове, мама утирала полотенцем слезы, я же свои едва сдерживала, разревемся вдвоем, это надолго.

— Мне и не нужен мужик. Я и сама справлюсь. Работа есть, жилье есть. Что еще нужно? — в моем понимании все было не шикарно, конечно, но и не бедственно.

— Много ты понимаешь. Это ты сейчас так говоришь, когда тебе на хвост наступили. И кстати, про жилье, договаривайся с хозяйкой квартиры, примет она тебя с детём или нет. А то погонит еще, когда у тебя живот попрет. — мама утерла слезы, успокоилась, опять подошла к плите, помешивая рагу.

— Я уже ей сказала, она не против. За обои только предупредила, что в случае чего, переклеивать буду я. — еще пакет детских вещей мне приперла, про них маме говорить не стала, слишком уж трепетно она к теме поношенных вещей относится.

— О да! Обои — это да. Ты обои с периодичностью раз в месяц уничтожала. Сначала просто рвала, потом вместо альбома использовала. Ежиков не помнишь? Бежевые такие обои с коричневыми ежиками? — от маминых слез и следа не осталось, я подперла щеку рукой, любила слушать ее рассказы про мое детство, а сейчас особенно интересно было.

— Нет. Не помню.

— Ты чай будешь? Кофе тебе не стоит пить. Химия одна. Лучше чай или кофе натуральный, только не вари, а заваривай, так кофеина меньше будет. Так вот, ежики. Ах! Так мне эти обои нравились, я ж их для тебя клеила, но ты писюха мелкая их невзлюбила. Уперла из сумочки моей помаду красную, кстати, вот помаду совсем не жалко было. И как изрисовала все понизу, где могла достать. Два годика тебе было тогда. — мама довольно улыбнулась, заваривая для меня чай.

Так и просидела у нее до позднего вечера, мама при мне заштопала на старой, но рабочей Чайке моего бобра.

— Пирожки возьми. Я в понедельник позвоню Яцкевич Майе, договорюсь с ней, она тебя примет. — имя маминой однокурсницы-врача гинеколога резануло слух.

Пчёлка Майя.

— Хорошо мам. Спасибо! — одевшись, собрала пакеты в кучу и начала открывать дверь.

— А шубу не носи пока. Короткая она у тебя, весь хвост наружу, застудишь, потом рожать-то нечем будет. Хоть бы девочка была. — в маминых глазах снова заблестели слезы.

— Почему девочка?

— Потому что себя-то вспомни, хорошо тебе жилось в неполной семье? А если это пацан будет? Ты, как его растить собираешься? Чему научишь? Ой все иди! — мама махнула рукой, расцеловала меня по-быстрому и выставила за дверь.

Явно избавилась от меня, чтоб лишнего не наговорить. Но даже если бы наговорила, я бы не обиделась на нее.

Иван

Еще же в субботу понял, что тяжело уезжать будет, а как сказать Ирке, что нам не по пути? Этого я не представлял, но не собирался менять своего решения. Проснулся рано утром, за окном еще темно было, но Ирка так крепко спала, даже от включенного светильника над кроватью не поморщилась.

Блядь! И я ж над ней минут сорок точно сидел-разглядывал, запоминал походу и сердечко уже в этот момент протест устроило. Такой дебош в груди моей закатило, аж голову повело и все равно уехал. Наивно думая, что все пройдет. Сказать только так и не смог.

Как представил, что бужу ее, она мне мило улыбается вся такая заспанная, глазенки свои щурит, потягивается, доброго утречка мне желает и тут я ее посылаю. Отворот-поворот. От Ирки на такое можно было ждать только две реакции и какую бы выдала мне она, зависело оттого, что она там себе придумала в голове своей. А я зассал! Причем из-за двух тех вариантов. Вдруг там у нас с ней в ее мыслях внуки пошли? Тогда слезы будут. А Иркины слезы на меня херово действуют. Ну а если она на моей шее в Москву въехать хотела, то скандал закатит, обложит хуями и даже букетом второй раз отхерачит.

Это был мой самый идиотский поступок за всю мою жизнь. Взять и уехать молча, да потом ещё заблокировать Пчёлку. Это тогда, когда она проснулась, не нашла меня начала звонить, а я же чуть под фуру не улетел, развернуться, вернуться хотел.

Навешал лапши на уши Пчеле, но она как бы сама ее трескала и ни сопротивлялась. Так, для виду побрыкалась немного, а в целом хорошо же время провели. Когда бы Ирка ещё так отдохнула? Поди и отпуск в городе проводит. Согласен, цинично поступил. Да херово поступил короче. Но блядь! Как иначе? Ну забрал бы я её с собой, неделю, да даже две недели трахались бы с ней как кролики, а потом бы меня отпустило и что? Ирка не Мила, её на месяц-другой не задвинешь, таскаясь по другим цыпочкам. Да и отцу бы Ирка понравилась, спелся бы он с ней тут и к гадалке не ходи. А там женись и размножайся, а оно мне надо? Нет, не надо.

Сердце верило, что если и стоит становиться семейным человеком, то Ирка та самая, для семьи и разум то был с сердцем согласен, вот только по срокам они не сходились. Кровавому сейчас подавай — разворачивайся мудака пока непоздно, аж в ушах долбится! А серому веществу это нахер сейчас не нужно, и даже довод, что такой удачи может не улыбнуться более ему был не указ. А я послушный раб своих мозгов. Педаль до отказа и похер на плохую дорогу. Так ввалил, словно от зомбака какого удираю.

Даже возвращение домой не принесло особой радости. Постарался уйти с головой в работу, но мыслями то и дело возвращался к Ирке. Даже промелькнула идиотская мысль

вернуться за ней, но потом отменил ее, как представил, куда она меня пошлет... Да и точку я поставил, мой выбор был, мое решение, чего теперь, как девица метаться? Только не получалось иначе.

Новогодняя суета, праздничные дни, все как в тумане. Словно я не тут вовсе, а все еще в том санатории Родник. Вот-вот Ирку в сугроб закину, и она будет хохотать громко и без стеснений и наигранности как Мила. И не потому, что надо вот тут посмеяться, а потому что действительно смешно.

И уже зима подходила к концу, а меня все плющило, уже скрыть не мог как мне херово без Ирки.

— Где шапка Брагина?! Кому и от кого, ты мать твою за ногу, отчет предоставляешь? Переделывай! — наорал на очередную тупень, едва сдерживался, чтоб не уволить.

А все Ирка виновата и ее отчет без единой ошибочки. Все запятые и все точки у нее были на месте. Не то что у этой Маргариты— курицы невнимательной, целая шапка пропала. В глаза Брагина долбилась, когда отчет составляла. Элементарную вещь пропустила.

— Я могу идти Иван Олегович? — вопросительно пискнула горе-работница, подобрав со стола свою похабщину.

— Тот факт, что мы бумагу производим Брагина, не означает, что ее портить можно, как душе твоей угодно. Иди. — глаза б мои тебя не видели— это я уже про себя добавил.

Брагина свалила, но отцу на глаза попала коза. Он явился в мой кабинет, сразу же после ее ухода.

— Уу. Опять бушуешь? Это уже третья за неделю, которую ты до слез довёл. Ну и кто она? Поглядеть хочу на зазнобу твою. — с противнейшей усмешкой начал отец как только дверь за собой прикрыл.

— Не понимаю, о чем ты. Работников надо нормальных набирать, а не дур тупорылых, да еще по знакомствам. — отвел от себя стрелки.

Любит папа пристроить одну другу доченьку своего очередного закадычного и плевать ему было, что у доченьки этой профессия другая не по специальности, отсюда и шапки в отчетах пропадают и прочие недоразумения.

— Да-да-да. Рассказывай это дружку своему Максиму, а меня не проведешь. Ты сынок как из командировки, из Краснокамска вернулся, так на всех Полкана и спускаешь. Работой завалился, даже Макс на тебя жаловался уже, забыл про друга. Про селёдок своих тоже смотрю не вспоминаешь. Давай колись. — все так же посмеиваясь, отец уселся за стол рядом, поближе ко мне, сканировать сейчас начнет, теперь точно не проведешь его.

— Пап ну ты это, раскусил. Молодец, конечно, но не трави короче душу. Всё! — уткнулся мордой в монитор, но отца-то это хрен остановит.

Тот еще садист, любитель поковыряться в больном.

— А что такое? Отворот поворот дала да? — с удовольствием спросил отец.

— Нет. — карандаш со злости сломал, умеет папа на живое надавить, да так, что скрючишься весь и хер назад раскрючишься потом.

— Блядь! Вот вечно ты... Я думал там так, уеду забудется, а оно ни хрена! — вскочил аж с места и выпить бы, да алкоголя не имею привычки в офисе держать, а сейчас так вообще опасно.

— А в чём проблема-то? Вези её сюда. Или она замужняя дама с тремя детьми? — отец уже в голос расхохотался, Шапокляк херова в брюках.

— Хорошо шуковать пап. — глянул на него серьезно, заранее зная, что на него не действует.

Пока батя шутки соизволит шутить, тут хоть головой о стены бейся, а Петросян его не отпустит.

— Я не понял, ты объясни нормально, а то я уже подумываю тебя от людей изолировать, ты и так вспыльчив непомерно, а сейчас и подавно в Цербера превратился. Ты, кстати, от бешенства привитый у меня? Не помнишь? — я на это только тяжко вздохнул.

— Это я ей отворот поворот дал, да так дал, что хрен я её назад теперь верну. Как увидит меня, так и на хуй пошлёт, потом ещё догонит и ещё раз пошлёт. — что уж скрывать, признался отцу как есть, пусть издевается, так и надо мне.

— Глупость какая. — фыркнул папа.

— Там характер... — ох какой характер... самый мой любимый характер.

— Ещё б. Другая б в твою душу и не запала. Ну ты, конечно, идиот, но решать тебе. — вздыхая, и поднимаясь со стула, заключил отец.

— Спасибо за поддержку. — кинул ему вслед, радуясь, что он все же уходит со своим излюбленным пакетиком соли.

— Обращайся, дуракам бесплатно. — отец махнул мне, открывая дверь.

— Пап, в этом году я туда не поеду. Макса отправляй. — закинул сразу удочку, пусть свыкнется с этой мыслью, а в декабре ему легче будет не меня отправить, а Макса.

— Ладно. Разберемся. — уже с грустью сказал и вышел за дверь.

Папа хоть и не отказался от моего заявления, но это ровным счетом ничегошеньки не значило. Захочет и сошлет меня напрямиком к Пчелке. А как я там покажусь? А вдруг я приеду, а она уже с другим? Нет, лучше просто забыть, отсидеться в окопе, а еще лучше позвонить Миле.

Даже телефон в руку взял, а набрать Милу так и не смог. Нет. Не сегодня. Позвоню ей в пятницу. Вечером. Проведу выходные с ней, может, тогда отпустит. Надо было давно так сделать, только останавливала от этого мысль, что не отпустит. Не полегчает. Но уже поздно что-то менять, надо только как-то из этой херни выгрести начинать потихоньку.

Июнь

Надо было вставать и ехать домой, а я лежал и пялился в потолок под доносящийся из ванной комнаты шум воды. Натяжной потолок, глянцевый. В нём так хорошо моя рожа отражалась, которая мне самому была противна.

Уже лето на дворе, а я не там, где хочу быть. Делаю не то, что хочу и не с той. С Милой блядь! А хочу с Ирккой! Как ни пытался забыть её, не шла зараза с головы. Так и спит в ней, милаха растрепанная.

— Слушай милый. Может махнём на море? Сейчас такие путёвки выгодные предлагают. — Мила выперлась из ванны, а мне ещё сильнее домой захотелось, но при этом совершенно не было сил подняться.

Так, херово, словно с меня всю жизненную энергию высосали. Не живу я вовсе, а существую. Жизнь свою я там ославил, в санатории Родник.

— Нет. — ответил твердо.

— Хм. — Мила картинно надула свои на удивление натуральные губы.

Но даже их натуральность не притягивала меня. Целовал конечно, но без всякого особого чувства, автоматически, по привычке.

— Ну котик. Я сто лет уже нигде не была. — продолжая дуться, заканючила Мила как капризная пятилетка.

Бесит!

— Собирайся и езжай. Тебе денег дать? — спросил её сразу в лоб, ожидая конкретики, дабы прекратить эти дебилные фальшивые нюни.

— Я с тобой хочу. Представляешь, солнце, море, пляж... — Милка ещё долго распиналась, но я её уже не слышал ее, я представлял.

Закрыв глаза под её бубнешь и представил. Солнце, море, пляж... только рядом, конечно же, Ирка. У неё и нос наверняка обгорит, и медуза Ирку обязательно ужалит. Ради такого, пожалуй, и в самолёт сесть можно... было бы...

— Котик! Ты меня слушаешь вообще?! Чего ты улыбаешься? — Мила толкнула меня своей рукой в бок прерывая мои сладостные видения.

— Что? — спросил её недоумевая.

— Поехали вместе на море. Нам будет хорошо. — Мила по-кошачьему забралась на меня сверху, скинув полотенце.

Наивная. Что-то мое дохлое состояние сыграло со мной злую шутку и Мила никак на мою шею корячится взбираясь.

— Никаких вместе не будет Мила. Ты что-то попутала? У нас с тобой товарно-денежные отношения. Забыла наш уговор? Я оплачиваю твою квартиру, машину и даю тебе денег на жизнь, за это ты даёшь мне трахать тебя, когда я хочу и при этом не трахаешь мне мозги. Тебе что-то неясно? — скинул с себя Милу и начал собираться.

Надо валить отсюда по-быстрому, пока Милку на хер не послал. Другую “скорую помощь” сейчас искать вообще нет настроения.

— Но я думала... — глазенки у Милы забегали, но договорить ей не дал.

— Да мне насрать что ты думала. Я с тобой непросто трахаюсь, я тебе за это плачу. Секс за деньги. Смекаешь о чём я? — спросил ее серьезно, застегивая ремень на брюках.

— Ты меня что сейчас так проституткой обозвал?! — взвизгнула Мила, подрываясь с кровати.

— Нуу, вообще, я тебя соержанкой называю, но как тебе угодно. Проститутка тоже подходит. — еще б не подходило ей, уже через час знакомства драл ее в мужском туалете как шалавень последнюю.

— Ну ты Реутов и сволочь... — гневно прошипела блондинка, план влезть на шею провалился с треском.

— Коней придержи, а то под другого ляжешь, а то и под двух сразу. Тебя не каждый потянет. Дороговато обходишься, ещё и за языком своим не следишь. Вот деньги. За квартиру я заплатил. Не кашляй. — припечатал десяток красненьких купюр на комод и пошел из квартиры.

Вслед я ничего не услышал. Деньги сделали свое дело.

Вышел на улицу, вдохнул вечернего летнего воздуха и снова сердце в угаре. Полгода уже прошло, а до сих пор забыть не могу. Давно хрен на всех и всё положил, рванул бы обратно к Ирке, только смысл? Душу растравлю и посланный на три веселых буквы домой поеду. А если Ирка там ещё и с кем-то, то еще и выть начну.

Вернулся домой. Екатерина Дмитриевна, наша домоправительница как раз на кухне возилась несмотря на поздний час.

— Меня поджидаете? — громко спросил с порога кухни.

— Ой! Напугали вы меня Иван. — схватившись за сердце, она шумно вдохнула.

— Екатерина Дмитриевна, а пожарьте-ка мне картошки. Только не кружочками, а соломкой. — уселся за барную стойку, положив дурную башку свою себе на руки.

— Сейчас. Я только с тестом разберусь. Вот на ночь завела, хочу хлебопечь испытать. Олег Егорович привёз сегодня утром, да некогда было разобраться. Тут обещают утром горячий воздушный бисквит. А соломкой, это как в салат Гнездо глухаря, что ли? — смеясь, спросила женщина.

— Да. — ответил уверенно, понятия не имея, что там за салат такой, но соломка, она ж и есть соломка, какая может быть разница?

— Да вы идите отдыхайте пока, будет готово я подам. Вам в столовую?

— Нет, в гостиную. Пойду новости посмотрю.

Уселся на диван, включил канал новостей и ни хрена не вникал, что там и о чем. Под мелькание на экране, занялся самоедством. Как бы хорошо то было сейчас, Ирка бы мне картошку жарила, а не домработница. От этих мыслей уже не было в груди, той щекотки, которая казалась мне полгода назад дурацкой, была лишь тревога. Неприятная, все нутро переворачивающая.

—Иван! — пришел в себя, когда за плечо толкнула Екатерина Дмитриевна. — Все вы в каких-то облаках витаєте. Вот картошечка ваша. И чай сладкий. Может хлеба принести? — на журнальном столе уже стоял поднос с картошкой и чаем, а новости сменились на что-то культурное, о культуре.

— Нет. Спасибо. — принялся сразу пробовать картошку.

Соломка, но явно не та. Совсем не та. У Пчелки она была хоть и тонкая, но нежная, а эта пересушена вконец. Сухари какие-то. Не стал есть. Чай выпил и в спальню отправился.

Разделся и рухнул на кровать, сгребая всю постель в комок.

Постельный комок из одеял и подушек был моей Иркочкой. Только так и мог заснуть.

Октябрь

За окнами уже всюду владела осень. Неминуемо приближалась зима. Самое страшное для меня время. Казалось, увижу первые снежинки и совсем с ума сойду. Так, и живу воспоминаниями о самой счастливой зиме в моей жизни. Даже с Милой завязал. Смысл содержать ее, когда не нужна совсем.

— Рекламные проспекты нужно переделать. Мне они совсем не нравятся. Краски бледные, нужно ярче сделать. — в кабинет без стука вошел отец.

— Хорошо, переделаем. — сделал в своем телефоне заметку на эту тему.

— Слушай, ну что ты за идиот такой?! — отец с раздражением отставил стул и грозно глядя на меня ударил по столу.

— Что случилось-то? — реакция отца мне была неясна.

— Ты бы никогда не согласился переделать рекламу, после того как проспекты уже напечатали. Ты мне подрываешь работу просто-напросто. Я знать ничего не хочу! Собирайся в Краснокамск. Разбирайся со своими амурными делами, мне мой сын нужен, а не вот эта сопля, страдающая! — на эмоциях, папа не сдерживался, брызгал слюной и махал руками похлеще шептунского депутата у трибуны.

— Пап... — заикнулся только.

— Я ничего не хочу знать! — заорал он, и ударил кулаком по столу.

Таким своего отца я видел впервые. Теперь понятно в кого я такой вспыльчивый. И ясно стало, что я реально его достал. Да я сам себя достал и измотал вконец. То, что до сегодняшнего дня считалось точкой, было на самом деле многоточием. Ира то в конце концов ничего мне не сказала. Может быть...

Уже через двое суток дороги, на ватных ногах зашел в здание управления. Тут я был инкогнито, без всяких проверок, да и на производство тоже не заезжал, а стало быть, никто и не встречал меня как в том году. Перед Иркиным кабинетом постоял немного, пытаюсь отдышаться. Встряхнул букет ее любимых алых роз. Специально купил, готов был ими по роже получить, только бы забрать Ирочку с собой. На этот раз окончательно и бесповоротно.

Набрал полную грудь воздуха и открыв дверь, шагнул в кабинет без всякого стука.

— Вам кого? — за Иркиным столом сидела не Ирка.

— А Ирина Николаевна? — уволилась, что ли?

— Она в декрете. Вы к ней лично или по делу? Если по делу, то я за нее. — деловая дамочка, даже на букет внимания не обратила.

По какому делу я могу с букетом притащиться?!

Блядь! Что? Только спустя некоторое время до меня дошли слова пышной блондинки не Ирки. Ничего не ответив, рванул обратно к машине. В декрете. Ирка в декрете. Немного подумав, вернулся, прямиком в кабинет Аркаши. Меня волновал лишь один вопрос.

— Иван Олегович? — Аркашу аж перекосило всего от моего вида, да я б и сам своей рожой перепугался.

— Давно Ирка в декрете? — ей-богу не стол бы между нами, схватил бы Аркашу за грудки, словно он не хочет говорить, секунды казались вечностью.

— В начале июля вышла, как положено в тридцать недель. Что случилось Иван Олегович? — Аркашины глазки бегали в испуге, но мне некогда было что-то объяснять.

Ирина

11 недель

— Ирочка, может тебе больничный взять? Зеленая ты, я переживаю, как бы чего не случилось. — поддержка от директора была самой неожиданной.

— Не могу я больничный взять Аркадий Сергеевич. Деньги очень нужны. — хотя дело было не особо в деньгах, на больничном я бы немного потеряла.

— Может работу на дом брать будешь? Приходи позже, уходи раньше. Все же лучше дома, чем тут из кабинета в туалет бегать бесконечно. — ой ну зачем?!

Директор напомнил про туалет и меня тут же вновь замутило. А две недели назад я хвасталась подругам своим, что меня совсем не тошнит. Сглазила ворона!

— Нет Аркадий Сергеевич, в выходные еще хуже. На работе легче. — так и было.

На работе обычно часам к трем токсикоз отступал неизвестно, по какой причине, в выходные проще было поселиться в ванной.

— Ну, как знаешь, но ты не стесняйся, если что надумаешь отдохнуть, обращайся. И еще я с Ларой поговорил, мы хотим тебе вещи отдать. От Ксюши много чего осталось. Коляска, кровать, еще там куча всего. Все качественное и нейтральное, белого цвета. Возьмешь? — ну это вообще было приятной неожиданностью, даже тошнить перестало меня на радостях.

— Возьму! Спасибо вам. — обалдевшая от такой удачи улыбалась, как ребенок которому вручили неожиданно шикарную игрушку, о которой он и не мечтал.

— Я тогда в выходные все привезу тебе. — Аркадий Сергеевич подмигнул и вышел из моего кабинета.

15 недель

По блату попала на очередное УЗИ, на современном аппарате, где мне обещали выдать фотографии малыша.

— Ириша пол смотрим? — спросила меня Люба, дочка еще одной маминой однокурсницы.

Благодаря маминым связям и знакомствам в медицинских кругах, меня и малыша окружали лучшие специалисты и что немаловажно, совершенно бесплатно.

— Конечно. А что бывает не смотрят? — спросила девушку, что была немного старше меня.

— Чаще не хотят знать. Сейчас так модно. — с улыбкой поделилась Люба.

— Я хочу. — призналась честно.

Это было нечто таинственное для меня. Я даже не загадывала кто у меня будет, мальчик или девочка. Просто ждала ребенка, и тут секунда и я узнала.

— Это мальчик. — уверенно сказала Люба.

— Мальчик? — переспросила ее, еще не совсем осознав сказанное ею.

— Девочку хотела? — все так же с милой улыбкой спросила Люба, продолжая водить датчиком, по животу.

— Что? Нет, почему девочку? — не поняла ее вопроса.

— Показалось, что ты огорчилась, что ли. — смущенно призналась Люба, чем меня удивила.

Уж чего-чего, а огорчения я точно не испытывала.

— Нет, что ты?! Я просто...просто неожиданно так. Я знала, что стану мамой, у меня будет ребенок, а тут всего миг и я уже знаю, что у меня будет сын. Это волшебство просто какое-то. — призналась ей, глядя заворуженно на монитор.

Уже непросто горошинка, человечек крошечный, мальчик, сынок.

— Пацана поднимать серьезное дело. — заключила Люба, подбирая кадры получше.

— Мама также говорит. — с грустью заметила сей факт.

— Дед-то хоть есть?

— Нет.

— Эх. Что за мужики нынче пошли...Ну тогда можно в Суворовское училище отдать, Кадетский корпус или просто в школу мужества. — Люба начала давать советы, прознав о нашем бабьем царстве.

— Сначала родить бы.

28 недель

— Таз у тебя хороший, но голова у ребенка большая и сам он крупный. Тебе уже по ультразвуку вес ставят две тысячи. Это очень много. Если еще десять недель проходишь все пять кило будет. Родить-то родишь, но вся же порвешься. Я со своей стороны как врач настаиваю на кесаревом сечении. — Майя Петровна была непреклонна, делая страшную для меня запись в моей обменной карте.

Надо было выбирать потенциального оплодотворителя поменьше, но поздно уже после драки кулаками махать.

— Ну раз надо значит надо. А я читала, что после кесарево тяжелое долго поднимать нельзя, как же я с ребенком буду? Мне помогать некому. — мама, конечно, поможет, но не сутками же ей при мне сидеть.

— Да после любых родов поднимать тяжелое нельзя. И вообще женщинам тяжелое поднимать нельзя. Никаким. — тяжело вздохнув, сказала Майя Петровна, протягивая мне мою карту.

— Ясно. Спасибо.

35 недель

Летняя жара неделю не давала продохнуть, я безвылазно просидела дома. Не открывая даже штор, чтоб хоть как-то сохранять прохладу в квартире. И вот выдался наконец-то денек прохладный, пасмурный. У мамы как раз был выходной день, и она ждала меня в гости.

Зачем я подошла к ларьку Союзпечати? Словно магнитом притянуло меня к нему. А там он. На дорогушем глянцевом журнале. Что-то деловое, явно не для таких, как я, да еще по заоблачной цене в триста пятьдесят рублей. Словно это не журнал, а книга целая.

?Иван Реутов — о секретах семейного бизнеса и процветания. Идиотским заголовком была снабжена его фотография, на которой он счастливо улыбался во все свои тридцать два зуба. А у меня даже фотки его нет поэтому и пялилась на него словно мы и знакомы с ним не были. Пропустила два автобуса разглядывая сей журнал, потом пошла в соседний ларек Овощи — Фрукты, и купила себе гранаты. Ровно на триста пятьдесят рублей.

40 недель

— Что ж вы тянули-то мамочка? У вас в карте кесарево, а вы в родах уже и теперь самой рожать. — санитарка бухтела на меня словно сам врач, провожая в лифт роддома.

— Я не знала, что это роды. — да правда, откуда ж знать?

Первый раз в такой ситуации и сравнить как бы было не с чем.

— Незнание не освобождает от ответственности. — серьезно заявила маленького ростика женщина, чем вызвала у меня неясный приступ смеха, который тут же прервался болезненной схваткой.

Теперь я точно знаю, какое оно это счастье.

Горячее и тяжелое, и определенно стоящее тех физических и моральных мук. Таким мне положили моего новорожденного сына на грудь.

Через неделю после выписки из роддома, ко мне явились мои подруги с подарками для Егорки. Так, я решила назвать своего сыночка. Малинин Егор Николаевич. Отчество и фамилия достались ему от его прадеда, в графе отец стоял прочерк, а я имела статус матери-одиночки. Но это все были лишь мелочи на фоне того восторга, который навечно во мне поселился и только разрастался при взгляде на сына.

— Он просто красавчик. Тфу-тфу на тебя! Маленькая страховолюдинка. — сюсюкая, над сонным Егором сказала Оля.

— Оля, ну что ты говоришь-то такое? — возмутилась ее словам подруга Соня, а Ленка ей поддакнула.

— Куры! Так всегда говорят, чтоб не сглазить. — полушепотом пояснила подруга.

— Аа. — протянули девочки.

— Ирка...убить тебя мало... — нараспев произнесла Оля.

— За что меня убивать? — спросила недоумевая, разбирая при этом подарочки.

— За этого сердцееда. Вырастет же, не одно сердце девичье погубит. Вольно или невольно, а погубит ведь. Сладкий малый. Я уже в его списке. — заключила с грустью Оля.

— Ты отцу-то его сообщила? — вдруг ни с того ни с сего спросила тихая Соня.

— Соня! — Ленка толкнула ее локтем.

— Что? Пусть алименты платит, от него не убудет. Я что неправа? — Соня обратилась к Ольге.

— Права. Ир, ну правда. Надо сказать отцу. — Оля под села ко мне, словно кот из Шрека, заглядывая в глаза.

— Куда сообщить девочки? Я в черном списке неужто неясно?

— А ты с моего позвони, я-то не в его черном списке. — Соня посуетилась, протягивая

мне свой телефон.

— Нет. Я не стану этого делать. — замотала головой, настроение было испорчено вконец и Егорка это словно почувствовал.

Раскричался так, что девочки быстро ретировались. Два дня мне еще понадобилось, чтобы приди в себя и перестать думать о том, что я должна.

Егору исполнилось три недели, на улице несмотря на осень сияло солнышко, и мы выбрались с сыном на прогулку. Я недолго прогулялась с коляской по парку и повернула в сторону дома, когда уже подходила к подъезду меня окликнули.

— Ира!

Я ещё не увидела глазами кто позвал, но голос ударил по нервам. Моментально бросило в дрожь, и земля ушла из-под ног, а я держалась на них только благодаря коляске, в ручку которой вцепилась словно в спасительную соломинку.

Когда оглянулась, в мою сторону уже шел Иван. Я оторопела. Банально, но миллион раз представляла себе эту встречу, разыгрывала в голове целую драму. Ждала этой встречи и верила, что она случится и вот.

Встреча.

А я стою в ступоре снаружи и с войной чувств и эмоций внутри и не хочу! Не хочу его видеть и разговаривать с ним не хочу!

А он всё понял.

Без слов и вопросов.

Подошел на расстояние вытянутой руки и встал, взгляд на коляску, руки в брюки. Словно за словами в карман лезет. Только не достанет, потому что нет таких слов.

— Ир... — тяжело вздохнул и на миг только посмотрел на меня, а я молчу мне нечего сказать, хотя в моих представлениях этих слов было так много, а сейчас словно язык проглотила.

Если бы не Егор, который расплакался оттого, что коляска встала, я бы так и стояла на месте молча, во все глаза таращась на Ивана.

— Как ты узнал?! — резко, слишком резко спросила, делая такой же резкий шаг, толкая коляску в сторону подъезда, не имея ни малейшего понятия сейчас, что мне делать.

О том, кто конкретно отец моего ребенка, помимо меня знал только Аркадий Сергеевич. Догадался, проницательный директор. Сейчас не верилось, что это он поспособствовал внеочередному приезду Ивана, да еще лично к моему подъезду.

— Ир, я не знал. Да постой ты! Мы можем поговорить? — Иван схватил меня за руку притормаживая.

— Ребенок плачет не слышишь, что ли?! — вот сволочь!

Эгоист чертов, поговорить ему надо! А ты стой с орущим младенцем у подъезда и слушай его речи?!

— Домой-то развепустишь? — это неуверенность в голосе Ивана, этот вопрос...

Что-то в груди дрогнуло, да и виноватый вид Ивана не давал сомневаться мне, что он пришел с миром. Да еще два дня сомнений, навянных подругами, и мама, кстати, была на их стороне, о том, что я из-за своего эгоизма лишаю сына отца, сделали свое дело. Только я не хотела Ивану звонить и писать с других номеров, не потому, что обида и эгоизм, а потому что думала, что ему это не нужно. Раз я в черном списке, то смысл унижаться и навязывать ему ненужного ребенка? Но раз уж он здесь...

— Помоги. — вытащила надрывающегося Егора из коляски и быстро зашагала к дверям подъезда оставив Ивану коляску, которую он тут же подхватил.

Хорошую коляску нам отдал Аркадий Сергеевич со своей женой. Один только минус у нее был. Неподъемная. Надрываться приходилось постоянно. С такой коляской только в собственном доме жить, а не в подъезде мучиться.

Иван

От Аркаши же узнал, что Ирка там же живет. В съемной однушке с моим ребенком уютится. Рванул туда, кое-как пробрался в подъезд за бдительной старушкой, которая пускать меня не хотела несмотря на мой вид солидный. Ирки не было дома. Вернулся в машину, пока сидел в ней, весь в полном раздрае, подсчитал, Ирка родила уже и выходит ребенку нашему не больше месяца. Если бы не отец, то так бы и не узнал, что отцом стал. Сам виноват.

Даже не представлял, куда меня сейчас Ирка пошлет, когда я к ней сунусь. Выглядывал ее, наверняка гулять ушла с коляской, погода-то хорошая, с час просидел в машине и вот она показалась. Коляска белая, нейтральная, только и дошло сейчас до меня, что я даже и не знаю сын у меня или дочка. У Аркаши спросит не догадался, он-то наверняка знает. Позор мне! Позор! Настучал в лоб свой идиотский и вышел из машины.

—Ира! — позвал ее и словно язык проглотил.

Что сказать? Как каяться? Просто слов подобрать не мог и Ирка встала, как вкопанная ни нахер послать, ни по роже мне дать. Оттого только хуже. А я на коляску уставился, на Ирку смотреть стыдно, аж ладони вспотели.

— Ир... — начал было, но тут ребенок расплакался, Ирка встрепенулась, домой от меня рванула.

Я думал и на порог не пустит. И слушать не станет. Но нет, толком объясниться не дала, хотя как тут объяснишь? Такую глупость сотворил невероятную. Поднимал коляску, а Ирка впереди шла, ребенка в белом несла. Почему-то решил, что девочка. Хотя белое и пацану подходит.

— Сначала руки помой. — отправила меня Ирка в ванную комнату.

Еле протиснулся туда. В этой квартирке двоим то не разойтись, а тут еще коляска в прихожей мешается.

Зашел руки помыть, оглядываюсь, а все мелкими шмотками увешано.

Дочка значит. Так решил, когда увидел превалирующий девчачий розовый цвет.

Умыл не только руки, но рожу свою побледневшую от мыслей о том, как у своих девочек сейчас прощения вымаливать. Как?!

Утерся, а ватных ногах поплелся в комнату. Места в ней теперь стало еще меньше из-за кровати, над которой Ирка и склонилась.

— Как назвала? — сел на край дивана, не смея соваться сейчас к ребенку, пока Ирка сама добро не даст.

— Егором. — сказала не отвлекаясь, но явно с улыбкой.

В общем, нежно так сказала, без раздражения, а я подавился слюной.

— Девочку Егором назвала? — не сразу до меня дошло, тупил я сейчас конкретно.

— Вообще-то, это мальчик. — резонно заявила Ира, повернулась ко мне и сложила руки на груди, по всей видимости, собралась слушать, что я ей скажу.

— Но там ползунки розовые. — заметил так, словно Ирка меня обмануть решила.

— А это нам люди добрые отдали, какая разница, куда писать в розовые ползунки или в голубые. А я мать-одиночка, приходится экономить. — говорила язвительно, упиваясь своей правотой.

А я одно только думал. Сын у меня родился.

— Я руки помыл. Сына дашь подержать? — че ей до моих оправданий, надо дела делать, а не ляды точить.

— Ты его только подержать хочешь, а потом снова уедешь? Или у тебя какие-то дельные предложения будут? — а Ирка такая Ирка.

Не стала корчить из себя униженную и оскорбленную, сразу видно, на себя наплюет, лишь бы ребенку хорошо было.

— Нет Ира, не только подержать. Я виноват, но я же не знал. — так себе оправдание, не знал я по своей вине и оправдываясь таким образом, точно знал, что Ирка отобьет это оправдание.

— Ты не хотел знать Иван. Черный список — прям смешно, весь такой брутал, а на самом деле трус ты Ваня. А я ведь звонила тебе, когда узнала, что беременна. Один раз, правда, но мне и так все понятно было. Если бы не нужда, посла бы тебя сейчас надолго. У тебя пятнадцать минут, потом мы кушать будем, а я пока тебе список напишу, что нам нужно. — Ирка говорила тихо, но глазами меня своими расстреливала, а я только и мог тяжко вздыхать, да про себя соглашаться с ней.

Побуду немного печальным лохом, а там посмотрим.

— Хорошо. — я и поверить не мог, что все так просто решилось, подскочил с места, только Ирка осекла тут же.

— Сядь, я сама подам, а то еще уронишь. — Ира отвернулась от меня, я сел обратно.

И вот, маленький человек в моих руках. Егор. Только на руки взял и дошло до меня, в честь моего деда назвала. Случайно, конечно, но случайности неслучайны.

— Надо же, даже не плачет, обычно чужих не любит, сразу надрывается. — колко заметила Ира.

Задела, конечно, но не нарочно, так мне хотелось думать.

— Я не чужой. — утвердительно ответил, не отрывая взгляда от этого мини человека.

— Посмотрим. — ужалила меня Пчела и удалилась.

На кухню Ирка ушла. Список писать. А я... я расплакался.

Я даже время засек. Пятнадцать минут, чтоб ни минуткой меньше. А в груди разливалось горячее “это мой”. Маленький такой и при этом ощутимо тяжелый на руках. Че с ним делать без понятия, поэтому просто разглядывал его. А ему я побоку был. Пацан трепыхался, ручонками и ножками в беспорядке пользовался, часто зевал, глазенки шепутные. Зеленые. Заприметил это и началось! Нос мой, лоб тоже мой, да он весь-весь мой!

Пока я, балдея, охреневал от такой неожиданной встречи, Ирка список настрочила. Долго писала целых два листа исписала, а мне лишние две минутки с сыном достались.

— Вот список. Я все подробно расписала, но лучше найди консультанта в магазине, она тебе поможет. Детский мир тут через два квартала в торговом центре Мега. Ну все, давай ребенка. — Ирка положила список на диван, а сама руки протянула к ребенку, ждет, когда я ей его подам.

— Я... это не могу, сама возьми его. — испугался, что уронить могу, руки мои потряхивало конкретно.

Ирка ловко подхватила мальчишку. Вызывая у меня недоумение, как она его одной рукой держит, стоит еще при этом и уронить не боится. И для меня еще одна загадка, как она его одевает? Все такое маленькое у него, на руки-то страшно брать. Хрупкий он на вид, еще сломать чего ему можно, не дай бог!

— Ключ от подъезда дай, чтоб я под дверью не топтался.

Взял список, Ирка ключ дала, спустился к машине, сел в нее, пытаюсь прочитать, что написано, а буквы разъезжаются. В глазах опять слезы стоят. Такой раздрай со мной произошел впервые. Смешанные чувства. Никогда такого не было в моей жизни. Всегда либо херово, либо хорошо, а тут разом и то, и другое.

И это я еще не думал, о том, как я отцу скажу. Сожрет меня с потрохами. А сказать надо, Ирку с Егором я тут точно не оставлю, а куда ее везти? Ребенку нужна как минимум кровать. Завел машину, а тронуться не могу, столько мыслей в голове, а за дорогой следить некогда.

Минут десять еще тупил, вспоминал, как машиной управлять. Зашибло меня короче конкретно новостью об отцовстве и знакомство со своей мини-копией. Сам себе яму вырыл, сам эту кашу заварил, надо как-то расхлебывать. И ведь знал же, чем порванный презерватив мог закончиться, но даже сука ни разу не подумал. Дебил. Точно дебил.

Доехал до торгового центра, то улыбаясь от счастья, то злясь на самого себя и сжимая руль до белого цвета пальцев. Список Ирка на самом деле небольшой написала. Три позиции всего, но каждая с подробным объяснением как для полного тупоря. Я собственно таким и являлся, в детях совсем не смыслю ничего, даже не в курсе, когда там с ними поболтать уже можно. Но я, кажется, в года четыре уже разговаривал.

Как Ирка и советовала, выловил девчонку продавщицу, она по списку за десять минут собрала мне в телегу все что нужно. Можно было бы смело валить на кассу, не терпелось снова на Егора посмотреть, правда неуверен был, что Ирка еще разрешит, но я залип у пестрого стенда с погремухами. Таким мелким точно погремухи нужны. Долго выбирал, аж вспотел от усердия.

Потом вернулся к Ирке, передал пакеты ей.

— Спасибо. — забрала покупки и даже не заглянула, не проверила.

— Ира, поговорить бы нам. — стою, мнусь в прихожей лох виноватый, между дверью и коляской как в телеге пятое колесо.

— Давай завтра поговорим. Егор спит, а мне за это время нужно успеть дела домашние сделать. — не пустит сегодня к сыну, так и думал.

— Во сколько мне приходиться? — спросил ее тихонько, раз Егор спит, шуметь не стоит, да и не в том я положении пока, чтоб права качать.

— В десять приходи, мы как раз гулять пойдем. Поможешь с коляской заодно.

— Хорошо. И ты звони, я...прости Ир... — блядь че ж так сложно-то?!

Нет я знал, что просить у Ирки прощения будет сложно, но, когда узнал про сына, о том в каком я ее положении бросил, и действительно не знал, потому что не хотел знать, стало просто мега сложно. Слова не то, что в горле застревали, их просто не было этих слов.

— Давай завтра, у меня, правда, нет времени сейчас. — еще мягко послала меня.

Ирка дальше даже слушать не стала. Вытурила меня таки за дверь, под которой я еще с час тупо стоял, пока с соседней квартиры мужик с тремя собаками огромными не вывалился.

Ирина

Мда. Уж чего-чего, а такого я точно ни то сына, ни от Ивана не ожидала. Егорка даже ни на секундочку не возмущился, по сути, чужому человеку, а у Ивана так трогательно бровки скучковались, когда выдала ему на руки ребенка. Оттого и быстро на кухню ушла, не было сил на слезящиеся глаза этого идиота смотреть. Жалко его стало, ещё бы чуть-чуть и сама разревелась бы и его в придачу пожалела.

Пока писала список; подгузники, одноразовые пеленки, крем под подгузник, расписывая доходчиво каждую позицию, всё терзалась, может действительно стоило мне как-то дозвониться до Ивана? Могла же я с маминого номера позвонить и сообщить о ребёнке. Гордостью своей отмела всякое своё желание донести до Ивана новость о своей беременности, а потом и вовсе отцовства, а он вон, как растрогался. Даже спрашивать не стал его или не его. В конце концов, забеременеть я могла и до Ивана, и после него. Не высчитать так чётко неделя минусом, неделя плюсом и пойдёшь разбери кто отец ребёнка. А тут даже не видел ещё, и без всяких сомнений, заявил “Я не чужой!”.

Это-то скорей всего и сыграло свою главную роль. Никакая тут нужда уже смысла не имела и не то, что сыну очень нужен отец, которого сам ребёнок, похоже, чувствует на генном уровне, а именно это безоговорочное признание Иваном своего отцовства. У меня просто не было сил отказать ему, а о своих правах я уже и не думала.

Смею ли я вставать между сыном и отцом, когда они так тянутся к друг другу? Я посчитала это эгоистичным, спустила всё на тормозах, можно сказать.

Три дня подряд Иван исправно ходил на встречи с сыном. Помогал с коляской, истребил весь розовый цвет, завалил и без того маленькую однушку кучей подарков и даже мне кое-что перепало.

Смотрела я сейчас на это кое-что и не знала, куда пристроить, то ли в мусорку, то ли сразу в окно. В мусорное ведро мое никак не влезет, если в окно, то Иван под окном свой подарок обнаружит и не поймёт. А я, раз смолчала в момент получения, то, чего сейчас рот открывать? Да и не хотела я ничего объяснять. Ещё подумает, что я разборок хочу и каких-то признаний, а я может и хочу, но шиш ему. Вела себя нейтрально, почти игнорировала Ивана. Можно сказать, что он отвечал мне тем же, но то была лишь видимость, тщательно скрытая за вниманием к Егору.

Решение пришло внезапно, когда послышался шум в тамбуре. Соседка моя Наташка вернулась с ночной смены. Наташка была дамой своеобразной и с такой же профессией, ночной бабочкой трудилась. В целом мы с ней мирно соседствовали, но пару раз цапались, да и когда мой живот она увидела, мину скривила. Всё переживала, что мой ребёнок ей спать днём не даст. Но пока вроде не жаловалась.

Мгновенно схватила ставшие ненавистными некогда любимые алые розы и бросилась в подъезд к соседке пока она в квартире не скрылась.

— Ирка, ты куда в халате и с этим шикарным букетом? — потасканная за ночь Бабочка едва улыбнулась, совсем уработалась бедолажная.

— Я к тебе. Слушай забери а? Вот подарили, выкинуть жалко, а я боюсь, что у ребёнка аллергия с них начнётся, они так пахнут. — в принципе я правду сказала.

Роз в букете было около ста штук или больше, и пахли они на всю мою однушку, даже двери не спасали.

— Заберу конечно. Бесплатно? — уточнила ушлая Наташка.

— Ну конечно, бесплатно, говорю же выкинуть жалко. — всучила радостной соседке тяжеленную охапку роз и вернулась к себе.

Избавилась. Выдохнула, и помыв руки пошла к Егору. За кормлением в очередной раз вспомнила вчерашний день.

Признаться честно, когда Иван ко мне с этими цветами ввалился, челюсть моя чуть на пол не упала. Наглец и сволота, посмел притащиться ко мне с теми же цветами которыми попрощался. Я даже неосознанно записку в бутонах поискала, язык тогда конкретно прикусила, чтоб не вякнуть про записку ту. А он, вообще, похоже, не осознает, как тем прощальным букетом обидел. Неужели думает, что я эти розы алые до сих пор люблю?! Идиот! И все-таки надо было ему букетом тем, половиной, надавать по морде хамской.

И хоть было уже поздно, ни букета, да и момент упущен, я вся пыхтела к очередному приходу Ивана. Тут еще надо было сказать спасибо моим гормонам, настроение и без Ивана скакало как на батуте, а тут еще он как снег на голову свалился и весь такой ответственный папаша. Я была готова придраться сейчас к любой мелочи, но он опять меня обезоружил.

— Документы возьми, до загса прогуляемся. — заявил Иван, уже выволакивая коляску в подъезд.

— Зачем это? Я за тебя замуж не собираюсь. — даже мне самой было неизвестно, как я смогла сохранить невозмутимый вид при ответе, но внутри меня булькало огненное варенье из обиды и негодования.

— Отцовство признать, я уже и госпошину оплатил. Но если ты против просто я Егору никто по документам, это неправильно Ир. — вот же жук!

Понятия не имела, как у него так ловко получилось все повернуть. И отказать ему было бы глупым, раз общению с сыном я не препятствовала изначально, потому и согласилась.

— Нет... я не против, ты же отец. Заодно на счет алиментов узнаю, хотя это, наверное, в суд. Да точно, это в суд. — согласилась, но про алименты я нарочно сказала, хотя они меня сейчас интересовали меньше всего.

— Спасибо Ириша. — впервые за эти дни удостоил меня имени подлинней чем Ир или Ира.

С трудом ему давалось мое имя, складывалось впечатление, что он притормаживает, чтоб ненароком меня Пчелой не назвать. Даже тогда ведь к моему списку покупок погремушку прикупил Егору в виде пчелки.

Вини-пух хренов!

Уже спустя сорок минут времени, потеряла я свой статус матери-одиночки и получила на руки два документа, свидетельство об установлении отцовства и новое свидетельство о рождении. Теперь уже Реутова Егора Ивановича.

— Дай мне. — Ваня протянул свои ручищи к новеньким бумажкам, да еще так уверенно, тут-то и закрались в мою голову смутные сомнения, я их тут же и поспешила выразить, взглядом, уводя документы за спину.

— Полис же нужно поменять, я на машине уже сегодня привезу, не тебе же с грудным ребенком по кабинетам бациллы собирать? — резонно пояснил Ваня свой интерес, и протянула ведь ему документы на ребенка, хотя что-то все же насторожило меня в его вопросе.

— Только у меня с собой старого полиса нет. — я про него и не думала, когда документы брала.

— Да я узнавал, он не нужен вовсе. Порви на мелкие кусочки и выброси его. Можем идти гулять! — он припрятал документы во внутренний карман куртки и торжественно вцепился в ручку коляски, в которой мирно спал теперь уже его задокументированный сынок.

Все время пока мы шли до загса, пока я заполняла документы, ставила в толстенном журнале свою роспись, я не могла понять, что я чувствую. Радость смешались с едва уловим чувством тревоги. Да черт! Я ждала какого-то подвоха, но все же радость взяла свое, да и было все спокойно. Мы как обычно погуляли, Ваня занес коляску, пообщался с Егором и уехал оформлять новый полис, пообещав вернуться завтра уже с новыми документами.

Все мои тревоги и сомнения стали реальными, когда мама явилась ко мне с утра пораньше, помочь собраться. Когда только снюхаться с Иваном успела неясно, потому что я их даже познакомить не успела.

— Я никуда с ним не поеду. — самоуверенно заявила я, и как обычно не торопясь,

готовила себе завтрак, пока Егор мирно спал в своей кровати.

— А я сказала поедешь. — мама не могла повышать голоса, а стало быть, ткнула палец свой указующий мне, что делать в стол с такой силой, что тот побелел на кончике, и глаза ее возмущенно лезли наружу.

— Тебе если надо куда-то, так ты и езжай, а я с Егором тут остаюсь. — заявила это, прямо глядя матери в глаза, сдерживая порыв позвонить этому тихушнику, который мне полусловом не обмолвился, зато маму мою успел агитировать и на свою сторонку перетянуть.

Как раз в свои излюбленные рамки пяти дней уложился.

— Да кто тебя спрашивает?! Если не хочешь свои вещи собирать, так я сама накидаю в сумку первого попавшегося и претензий не приму, что ни того положила. — мама рванула в комнату, я за ней, только где мне свои вещи отбивать, когда Егора мама разбудила своим порывом.

— Ты мне еще спасибо потом скажешь. Думаешь мне легко было тебя растить хоть ты и девочка? А у тебя сын, вообще-то, ему отец нужен! — пока я занималась ребенком, мама скидывала вещи мои в сумку, какие под руку попадали.

— И что толку что у Ивана отец имеется? Людей людьми не считает. Вижу цель не вижу препятствий! Такого же внука себе хочешь? — думала, что уязвила маму, за живое задела, оттого она замерла, бросила мои вещи и подошла ко мне впритык.

— Так, ты его сама такого выбирала доченька. — устало сказала, и глаза у мамы такие уставшие, а потом добавила; — Дай внука мне, у меня отпуск только в марте, нескоро увижу его. Иди сюда мой сладенький. — мама засюсюкала, тесня меня от пеленальной доски, я же, оставив с ней Егора, пошла на кухню.

Спокойствию моему пришел конец, голова разболелась, руки тряслись от напряжения. Набрала впервые за все то время номер Ивана. На этот раз послышались размеренные гудки. Больше я не в его черном списке, честь-то какая, не прошло и года! Только толка было не больше, трубку этот гад не брал! Уже через минуту ясно стало почему. Явился не запылится. Он в машине под окнами сидел, возможно, даже он маму и привез.

Пока мама возилась в комнате с Егором, увела Ивана на кухню для разговора.

— Документы Егора верни. Мы с тобой никуда не поедем, и это даже не обсуждается. — заявила сразу же, как только Иван за собой дверь прикрыл.

— Егор мой сын, я его хочу воспитывать, но я живу в Москве. Даже по выходным приезжать не смогу. — логично Иван рассуждал, но надо было это со мной обговаривать, а не с мамой моей за спиной решать, так словно не я мать Егора вовсе.

— Это не мои проблемы, раньше надо было думать, когда в командировке интрижку заводил. — тихо говорила с ним, наступая себе на горло из-за ребенка, но всякому терпению приходит конец.

— Значит, так Пчела, идешь сейчас собираешь свои вещи или ребёнка я у тебя заберу. Сама понимаешь, мне это устроить легко. У тебя ведь даже документов на руках нет. — нагло заявил мне это — вот все, глядя прямо в глаза.

Куда тот Ваня, слов не связывающий только подевался?!

— Какой же ты негодяй! Просто наглый подонок! Ненавижу тебя! Всем своим сердцем и душой! — в душе такая буря негодования выросла, не думая, схватила со стола лопатку и налетела на Ивана.

Даже ударить этого говнюка не успела, только в тисках его оказалась.

— Я могу быть хорошим, ты же знаешь просто сейчас ты мне выбора не предоставила для этого.

— А ты?! Ты предоставил мне этот выбор?! Спасибо за самую прекрасную командировку! Даже не удосужился мне в лицо сказать, даже на мои звонки струсил ответить! А теперь ты являешься, хочешь забрать моего сына и требуешь от меня подчинения?! Ты просто больной псих! Неадекватный эгоист! Тебя не волнуют чувства других людей, ты плевать на меня хотел весь этот год и не вспомнил бы про меня не явись в наш городишко с очередной проверкой! И все эти игры в заботливого папашу я больше, чем уверена, так же не надолго! Через сколько мне ждать очередного букета с душещипательной запиской?! Через месяц?! Через два?! Или отправишь нас обратно сразу же после Нового года?! А может, все по стандарту?! Пять дней на все про все?! — кричала ему это все в лицо, напрочь забыв про сына, единственное, что могла сейчас делать, потому что не вырваться было из его ручищ.

— Дура. Я за тобой приехал. Да, я виноват, очень виноват. Эта ситуация, стала самой большой моей ошибкой в жизни. И записки ты от меня больше не дождешься. Я отец Егора, я хочу его растить и воспитывать, прошу, дай шанс. — просит, он просит.

Нет вот святая простота, угрозами осыпал с ног до головы, и думает, что это он просит?!

— У тебя было много шансов, возможно, было бы ещё больше, не заблокируй ты мой номер. Тебе эти шансы не нужны были. Я дала тебе шанс и что я сейчас получаю? Угрозы! Как ты себе представляешь, вообще, жить с тобой под одной крышей?! — все это время я бесполезно трепыхалась, пытаюсь вырваться, но он так вцепился в меня, клещами не оторвать.

А он и бровью не повёл, к тому же тут же у него защитница выискалась.

— Так что тут происходит? Ира иди вещи собирай. — мама встала, между нами, буквально грудью своего Ивана ненаглядного прикрывает, зато я наконец-то получила свободу.

— Какие вещи? Что ты несешь?! Что ты вообще?! Ты мне мать или не мать?! Я никуда с этим монстром не поеду! — дальше я совсем с катушек слетела, невзирая на маму, смогла дотянуться и пару оплеух влепить Ивану успела.

— В ванну! Быстро! — мама смотрела на меня волком и за шкуру, как щенка утащила в ванную комнату.

— Пусти! — я пыталась вырваться, но мама была непреступна.

— Сейчас умоешься, соберешься сама, я Егорку соберу и поедешь в Москву. Это твой шанс ты хоть чуть-чуть понимаешь? — мама не понимала меня, не было мне сейчас ни от кого поддержки, оттого еще больней становилось.

— Какой нахрен шанс мама?! Я что какая-то вещь?! Хочу в сугроб брошу, хочу в санатории молча оставлю, а сейчас является и забирает меня?! А ты? Я что для тебя ничего не значу? Где хоть солидарность твоя женская, раз материнское растерялось при виде денег? — вот за последнее мне ещё и пощёчина прилетела, мама сильно оскорбилась, лица только я ее уже разобрать не могла от слез.

— Истерику прекрати. Умывайся и иди собирайся. Мне до твоей солидарности нет никакого дела. Её эту солидарность твою на хлеб не намажешь. Ребёнку нужен отец, о сыне думай, а не о себе. Всё! — на том и оставила меня, рыдающую над ванной с бегущей водой, хоть топись!

Думай о сыне! Разве не о нём я думаю?! Где гарантии что через неделю этой падле не надоест и нас молча не выставят за дверь?!

Иван добился своего, вместе с мамой моей усадили меня в поезд. С мамой даже попрощаться не стала. Только и делала, что молчала теперь, да Егорку к себе прижимала.

— Что-то не так? — участно спросил гад бессовестный, сидя со мной в одном купе, как надзиратель, напротив.

Не так! Всё не так! Только хрен тебе, а не ответ от меня!

Так и ехала всю дорогу с Егором на груди, уговаривая себя, что это из-за поезда ребенок нервный, но по подгузникам было ясно, молока сыну просто-напросто не хватает. От этого ещё больше хотелось отлупить папашу и домой очень хотелось. Обратно в те спокойные деньки, где не было никаких Иванов, была только я и мой сын, которому не приходилось сутками висеть на мне. Молока со второго дня рождения Егора хватало, но сейчас мой организм мгновенно дал сбой, испытал мощный стресс. Все! И мама, и Иван, парировали

тем, что всё для блага Егора, и вот оно их благо. Никто не задумался о моих нервах и о том, что я от этого могу потерять молоко.

Иван

Вообще, я понимал, что перегнул палку с Ирой. Лопнула палка и нехерово так по мордасам мне прилетело. То молчала все, да в мою сторону поглядывала на морозе, а тут все, что на душе ей плохого сделал, вспомнила. И записку, трусость мою, все в общем. Словно голову на плаху положила мою и рубанула.

Но как иначе?! Скажи я Ирке о переезде в Москву, уперлась бы рогом. Имела Ирка на это полное право. Но и без Ирки и сына домой мне возврата не было. Отец так и сказал, когда я ему про Егорку сообщил. Такого отборного наслушался, аж уши завяли. А потом он каждый день мне телефон обрывал, интересуясь моими успехами. А что я ему скажу? Что Ирка хоть и добра и допустила к сыну, но меня в упор не замечает? Букет-то от меня с таким лицом принимала, словно я ей мину вручил. Кстати, и потом этого букета я не видел, выбросила.

В поезде пока ехали, Ирка на меня не волком глядела, а самкой богомола, которая по непонятной ей причине спарилась со мной и забыла сожрать мою голову, а теперь ждет удачного момента для завершения процесса, так сказать.

— Девушка! А можно мне другое купе? — Ирка, молчавшая всю дорогу до самого вечера, не расстающаяся с Егором, резко оживилась, когда проводница принесла нам ужин.

— Что-то не так? — смущенно спросила работница РЖД.

— Он храпит как трактор, ни я ни ребенок не уснем с ним в одном пространстве. И если можно в другой конец вагона, так надежней. — с милой улыбочкой просила, при этом стараясь поддеть побольней меня.

— Девушка давайте выйдем, Ольга. — прочитал имя на бейдже и вывел проводницу из купе; — Сделайте, как она просит, только если вздумает бежать, сообщите мне хорошо? — для того, чтоб было хорошо, достал из бумажника денег побольше, затолкав их в карман серого жилета.

— Хорошо. В конце вагона? — уточнила девушка, не особо вдаваясь в подробности моего специфичного желания.

— Как получится. — на этом мы разошлись.

Я вернулся к Ирке и Егору, проводница отправилась на поиски свободного до Москвы купе.

— Одежда верхняя, твоя и Егорки останется тут. Не дай боже Пчела ты улететь обратно

в свой улей надумаешь, и вообще, не вздумай дурить. — грозить Ирке страшно не хотел, хотел все по любви, но к ней с этим пока лучше не соваться, так пригрозил для виду, чтоб поговорчивей была.

— Я не враг своему ребенку, в отличие от тебя. — процедила Ирка, пряча наконец-то грудь, которую всю дорогу дудонил Егор.

Это была одна из причин, по которой я согласился на Иркино желание ехать отдельно. Малоприятного было видеть и понимать, что она готова меня сожрать, но и грудь ее меня смущала не меньше. А она поганка такая это понимала. Насквозь видела, что у меня все шевелится от этой нечаянной обнаженки, потому и молчала всю дорогу, мучая меня своими прелестями, по которым я истосковался, аж ломает всего как при гриппе, так бы и лизнул этот молочный бидончик.

— Я для своего ребенка тоже не враг, как и для тебя. Я для вас обоих, между прочим, стараюсь, чтоб вы в нормальных условиях жили, а не в однушке с ямой в диване. — резонно заметил, да там ребенку даже ползать учиться было негде, птичья клетка, а не квартира.

— Знаешь, что, спасатель хренов, вот, если бы не Егор, я бы тебе сказала что! Но ты немаленький, сам догадайся и в этом что, из приличного только предлоги и глагол иди! — выпалила отчаянно Ирка и рванула из купе, за махнувшей ей рукой Ольгой.

Я выглянул им вслед, дабы посмотреть в каком они будут купе. К счастью, свободным оказалось лишь четвертое, я остался во втором и они недалеко от меня.

Пока один ехал в купе, многое обдумал. Главной моей ошибкой было послушать Ирину маму. Понадеялся на бабу, вроде, той то видней, как Ирку уломать со мной уехать. Анастасии Николаевне-то понятно хотелось для дочери лучшего да побыстрей. Может, побоялась, что я уеду обратно в Москву и потеряюсь. Нехорошо, конечно, вышло. Словно Ирка правда вещь какая. Но я был уверен, что смогу все исправить, все у нас с Пчелкой наладится.

Заснуть так и не смог, безрадостно поковырял ужин, под утро дошел до Ирки принёс одежду ей и сыну.

Отец встречал нас на платформе, весь при параде, словно президента встречает, а не внука с невесткой.

— Ирочка доброе утро. — при виде Пчелки папа расплылся как Масленица, на меня же глянул волком.

— Меня зовут Олег Егорович. Я, к моему сожалению, имею несчастье быть папой этого идиота. Стало быть, имею счастье быть дедом этого чуда. Позволите? — протянул руки к внуку.

Интересно было, даст Ирка Егора деду или нет, я же был лишён этого права. Ни разу

Пчела мне сына не дала, а я и не настаивал пока.

— Да уж, не повезло так не повезло. — многозначительно заметила Ирка, но мой папа ей приглянулся, поэтому Егор из ее рук переключился к моему отцу.

— Ну здравствуй внучок! Ой так на маленького Ваню похож! И...идемте в машину скорей, поедem домой! Я же для него такую комнату отгрохал! Ммм. Ирочка вам точно понравится. — папа стартанул вместе с Егором на руках судя по его довольному лицу, внук ему тоже очень понравился.

Через сорок минут мы уже заехали на территорию дома. У Ирки от его вида даже рот открылся. Я надеялся, что от восторга, а вот у меня рот открылся, когда я в дом зашел и точно не от восторга.

— Я не понял, а что тут мои вещи делают? — весь первый этаж был заставлен моими вещами, в коробках и так сваленные кучей.

— А где я должен был детскую делать? Ребенку нужно солнце, а твоя комната, единственная подходящая и на солнечной стороне, которой ты, кстати, не пользуешься. Зашторил окна, света белого не видно. Ирочка пойдemте. — папа повел Пчелу в мою теперь уже бывшую комнату, все так же гордо неся внука на руках.

— А где я-то жить буду?! — спросил вдогонку отца, пнув со злости одну из коробок, в которой тут же что-то звякнуло битым стеклом.

— Ну выбери себе любую комнату, чай немаленький, сам справишься. — свой ответ папа дополнил ехидным смехом и Ирка впервые улыбнулась.

Отлично! Рухнул на диван в гостиной мордой вниз, завалив голову подушками для верности. Я ожидал от папы каких-то подколов, но такой вот откровенной пакости...Даже притулиться с дороги некуда. А сегодня еще нужно ехать на работу, дел накопилось за неделю немерено.

Не смог даже задремать, несмотря на усталость от тяжести происходящего, оттого, что не так я привез Ирку в свой дом, как мечтал. Зато пока давил диван, смог подумать, куда перетащить свои вещички. Напротив моей комнаты была комната для гостей. В нее и решил перебраться, буду рядом с сыном все же и к Ирке поближе.

Комнатка была в два раза меньше моей, хоть и с ванной комнатой. Для функции переночевать задержавшимся гостям подходила идеально, а вот для меня не очень. Да в нее и треть вещей моих не поместится. Но делать было нечего, на другой этаж я уж точно не переберусь, это совсем далеко от Ирки и Егора. Подхватил пару коробок, и отправился обустраиваться.

Там то в коридоре меня выловил папа.

— Бросай ты эти коробки! У тебя через два часа, вообще-то, встреча с Борисовым. Душ прими и езжай. — заявил отец на ходу, куда-то спеша.

— Разве я должен с Борисовым общаться? Его заказом вроде Макс занимался. — возразил хотя один хрен нужно было ехать в офис, но не так спешно, а тут мне даже завтрак отец не предлагает.

— Так, Макс ногу сломал, теперь все его заказы на тебе и Грушин немного тебя разгрузит. — отец одарил меня очередной порцией ехидного смеха и скрылся за углом, потом снова выглянул и добавил; — И по корпоративу разберись, Тимашева там какую-то вакханалию хочет устроить для молодежи самое то, но солидные люди тоже будут, как-то нехорошо.

— А ты? Ты не можешь решить этот вопрос, раз уж ты в курсе? — спросил у отца строго, не особо вникая в его слова про Макса и его ногу, в голове были только Ирка с Егором и все же хотелось домой сегодня вернуться хотя бы к ужину.

— А я не могу. У меня внук. — отрезал отец, я и возразить не успел, а он уже убрался.

— Можно не орать? У меня ребенок только уснул. — злющая Пчела выглянула из комнаты в самый неудачный момент, когда под раздачу попасть мог только я.

— Извини, я не хотел.

На мои извинения Ирка только злобно фыркнула, скрываясь за дверью моей бывшей комнаты, на которой теперь красовался синий деревянный слон.

Принял душ, отрыл в куче своих вещей самое не мятое и отправился на работу. По дороге набрал Макса, дабы узнать, как он умудрился ногу сломать, а заодно обрадовать, что навещать его мне совершенно некогда.

— погоди, как ты мог ногу сломать на катке? Ты же вроде в хоккее играл, на льду лучше, чем я по асфальту. — спросил друга, который на коньках лет с трех стоял, потому что мама у него фигуристка.

— Ты чем слушал Ваню?! У тебя что подгузники в ушах? — и Макс туда же.

Все судя по всему, будут меня цеплять теперь. И это я еще не видел нашу домоправительницу Екатерину Дмитриевну.

— Ползунки с пеленками! — огрызнулся я.

— Ленка, на ногу мне грохнулась. Закрытый перелом. — пояснил Макс кратко, что для меня сейчас было более доходчивым.

— Что за Ленка? — помнится, когда я уезжал, у Макса была девушка Александра.

Не какая-то проходная, а три года вместе, и он с ней жил даже.

— Ну Ленка, секретарша моя.

— А Аля? Она в курсе кто тебе ногу сломал? — немного не понимал я Макса.

Зачем он поперся на каток с Ленкой, которую можно было и так окучить на рабочем месте.

— С Алей все! Расстался.

— Че так?

— Надо идти дальше. А с Алей мне не по пути явно.

— Ага. И поэтому ты теперь лежишь в гипсе и никуда не идешь, еще и мне такую подставу устроил. Домой даже к ужину не успею. Что за мужик-то хоть этот твой Борисов? Нормальный? Или геморрой ходячий? — немного решил прощупать почву, дабы сэкономить собственное время.

— А ты не слышишь какой у меня радостный голос? Да я готов вторую ногу сломать, чтоб больше не встречаться с этим Борисовым. Синька в помощь тебе дружище! — радостно посоветовал Макс и отключился.

— Да пиздец! — врезал по рулю со всей дури.

Все против меня.

Ирина

Не ожидала от Ивана такого благородства в виде позволения на отдельное купе, хотя потом сообразила, что к чему. Просто Егор не был таким спокойным, как всегда. Чего и следовало ожидать, Иван уже начал сдавать назад, еще даже до дома нас не довез. Сама с собой я поспорила, что он не продержится до Нового года. Отправит нас обратно в Краснокамск. Жалко было вещи и квартиру, которую теперь наверняка хозяйка быстро сдаст другим съемщикам.

Зато подам на алименты, сразу же как доберемся. Все разужнаю, заберу документы Егора и подам. У Ивана явно зарплата не маленькая. И, алименты на ребенка должны быть хорошие. От мыслей об алиментах меня отвлекла проводница. Принесла ужин и горячий чай. Только в этот момент, наедине с сыном сообразила, что с утра так и не позавтракала. Отсюда и перебой с питанием для сына. Даже про воду забыла и не пила, естественно, молока мало из-за этого. Стоило только выпить залпом стакан горячего чая и нормально поесть, как и Егорке ужин подоспел.

Так жадно он даже первый раз к груди не присасывался. Бедный мой мальчик. Прижимала малыша к себе и сгорала от стыда. В ненависти к происходящему совершенно забыла про свои обязанности. Бесперебойный режим отдыха и питания для меня в первую очередь способствуют благополучному самочувствию ребенка. А я тут психую, не ем, ребенок, мало того, все чувствует, еще и удовольствия лишили!

Наевшись оба, мы, вымотанные, сладко уснули. Мой сладкий сон, правда, был на два часа короче Егоркиного. Организм восстановил силы крепким, но коротким сном и я подорвалась среди ночи, терзаемая понятными тревогами. Что меня и сына ждет в чужом доме? Как хороши люди что будут окружать нас? Больше всего меня волновал папа Ивана. Если у Ивана такой скверный характер, что там за отец?! Мое воображение вмиг нарисовало безрадостную картину, в которой слаще вареной морковки для меня ничего уже не будет.

Но все оказалось куда лучше чем казалось. И хотя я и надеялась на лучшее готовясь к худшему, все же вышло все даже лучше. Так, хорошо все вышло, на такое хорошо я и не надеялась просто-напросто.

Не успела выйти из вагона, а папа Ивана меня обезоружил своей улыбкой. Да у него все лицо сплошная улыбка. Я сама едва сдержалась, чтоб не начать улыбаться, а то этот Иванушка еще решит, что я в восторге от прибытия в столицу нашей родины.

Олег Егорович с самого первого момента нашей встречи и знакомства, дал мне понять, что он всецело на моей стороне.

— Ну вот комната, пока ваша с Егором, а потом посмотрим, как там дальше. Нет ну представляешь вот судьба какая. Ты же не знала, что я Егорович? — Ванин папа уложил

Егора в кровать, пока я, открыв рот, разглядывала хоромы в исключительно голубом цвете.

Всего одна комната имела больше окон, чем вся моя съемная однушка в Краснокамске, да и по размерам была внушительна.

— Нет-нет. Правда, не знала. — призналась, крутя по сторонам головой.

Имя то мы придумывали вместе с мамой, при помощи шапочки и одиннадцати бумажек с мужскими именами, которые нам нравились. Имя Егор тоже было написано на одной из бумажек, только вот я вытянула бумажку с именем Артем. А когда родился сынок, я его хорошенько разглядела уже в палате, примеряя выпавшее имя, и поняла, никакой он не Артем! Егор и все тут! Судьба!

— А когда он родился? — Олег Егорович так же смешно скучковал бровки как Иван, не нахмурил, а именно согнал в кучу, потому что лицо то у него совсем было не хмурое.

— Шестнадцатого сентября. — оглядев комнату — квартиру, тоже подошла к кровати.

Егорка крепко спал, что можно было считать одобрением нового жилища с его стороны.

— Так, это что ж получается, завтра месяц уже? Так, надо же к празднику готовиться, у пацана праздник. — Олег Егорович так смешно встрепенулся, почесал затылок и добавил; — Так иди сюда, я тебе все быстро покажу и пойду, а вы отдохнете пока. — он подхватил меня под руку и потащил по комнате.

Как оказалось, в ней еще имелась ванная комната и огромная гардеробная, наполовину забитая детскими вещами и упаковками с подгузниками.

— Спасибо вам, конечно, но не стоит. Месяц, подумаешь. Это же не день его рождения. — начала отказываться чисто из вежливости.

Конечно, самой то хотелось отметить этот день. В Краснокамске я даже готовиться к нему начала. Купила свечку в виде единицы и шарики. Правда, все там осталось, теперь было жалко.

Олег Егорович цокнул с хитрой улыбкой.

— Хорошая ты Ирка девка. Повезло мне с невесткой. Кстати, а ты есть хочешь? Или поспишь пока? — про невестку это он пошутил?

Замуж за Ивана я уж точно не собираюсь.

— Нет. Я посплю пока. — есть не хотелось, в поезде успела позавтракать.

— Ну тогда я убежал. Надо же гостей позвать, устроим праздник, познакомим тебя с

местными мамками. Тут их много, пара нормальных точно найдется, выберешь себе подружек, ну чтоб было с кем коляску катать. Я, кстати, купил, ее правда только вечером доставят. — по-хулигански подмигнув мне, Олег Егорович на цыпочках выскочил за дверь.

Одно знакомство с отцом Ивана успокоило меня и отмело значительную часть тревог. Да и судя по отношению отца к сыну, папа в курсе всех событий и действий его не одобряет. В случае чего поддержит меня, и главного страха, что Егора у меня отнимут уже точно не было.

За дверью послышался Ванин голос, и я не упустила возможности наехать на него. Показать ему, что мать ребенка не бесправное существо и права голоса тоже имеет. Видок у него был жалкий. С этими коробками в руках, словно его из дома выгнали. Интересно он хоть чуть-чуть почувствовал на своей шкуре то же что и я? Когда без него все решили и лишили его родной комнаты. Наверное, ни хрена он не понял.

До самого вечера ловила себя на мысли, что жду Ивана с огромным желанием вынести ему мозг. Не могла расслабиться, хотя и дом осмотрела и с Екатериной Дмитриевной познакомилась. Кое-как ее уговорила обращаться ко мне просто по имени. Согласилась она только при условии, что буду звать ее тетей Катей и только наедине иначе Олег Егорович будет недоволен.

Это меня немного смутило. Такой официоз пусть даже и с прислугой, но все же в одном доме проживают, мне был странен.

Иван приехал вместе с отцом к ужину. Я от нечего делать помогала тете Кате накрывать на стол. Егорка спал в своей новой комнате. Поначалу я не понимала, как можно передвигаться по такому огромному дому оставив сына в спальне. Я же просто не услышу, как он проснется. Но потом нашла в гардеробной радионяню, и она решила все мои проблемы с передвижением.

— Освоилась уже смотрю. Это тебе. — Иван словно издевался надо мной, опять вручил мне букет алых роз, еще и поцеловать пытался гад!

Едва увернулась, отгородившись от него розами. Если бы не Олег Егорович, так и треснула бы Ивана букетом.

— Такс! Чем кормить будите? — Олег Егорович торопливо сел за стол, а тетя Катя начала ему перечислять меню ужина.

— Пойду цветы в воду поставлю. Где я могу взять вазу? — обратилась к домработнице, она начала объяснять, но тут влез Ваня.

— Я покажу. — подхватил меня под руку и буквально потащил на кухню.

Я не особо-то и сопротивлялась, просто, не успевала за ним. Пришлось семенить.

Отличный момент был врезать этому нахалю его прощальным букетом, который он мне повадился таскать.

Только и пикнуть не успела, когда на кухню зашли, Иван придавил меня к холодильнику и пытался поцеловать!

— Ты охренел?! Пусти меня! — букет выпал из моих рук, что было сил толкнула его в грудь и вырвалась на волю.

Если бы не грудное вскармливание, пролетела бы мимо стола напрямиком к сыну. Только пришлось сесть за стол и ужинать под рассказ Олега Егоровича, о том, что он придумал на завтра, какие шарики заказал и сколько будет гостей, и под пристальным взглядом Ивана.

Похоже, тяжелоатом мне придется тут под таким-то натиском.
А после ужина он еще и за мной поплелся наверх.

— Ты меня теперь преследовать будешь? — я вся сжалась в комок, ожидая очередного Ваниногo приступа “любви” в свою сторону.

— Это, вообще-то, мой дом, где хочу там и хожу. И потом я к сыну иду. — по-деловому заявил, чего и следовало ожидать.

— Егор спит. Незачем к нему идти! — измотанный поездкой сынок и правда крепко спал, похоже, что уже до утра, разве что ночью разик проснется на поесть.

— А ты не будешь указывать, что мне делать. Вот хочу к сыну и иду. Будить я его не собираюсь просто посмотрю. Заканчивай Пчелка жужжать понапрасну. — ухмыльнулся гад и раньше меня проник в нашу с сыном комнату.

Что примечательно, сделал это тихо. Хоть не совсем безмозглый. Если бы он топал как слон и хлопнул дверью, я бы точно не выдержала.

— Завтра ему месяц. Нам нужно попасть в ближайшее время к врачу на прием. — сказала тихонько, подойдя так же как и Ваня к кровати, в которой посапывая спал Егор.

— Он что болеет? — Иван спросил с неподдельной тревогой.

Замешкай я с ответом, уже бы бригаду скорой вызвал.

— Нет. Типун тебе на язык. Рост померить, вес, про прививки узнать. Кажется, мама еще про медосмотр говорила. Я позвоню ей завтра. Уточню. — мама звонила мне пару раз, но я в сильнейшей обиде на нее просто не отвечала на ее звонки.

Если так нужно будет, пусть своему подельнику звонит. А он, этот самый мамин подельник, облегченно вздохнул и принялся разглядывать Егора. Я решила тут же удалиться.

Не могу смотреть на него такого милого папочку.

Иван

Рано! Ох, рано я сунулся к Пчелке. Не осознала еще всех плюсов от своего пребывания в моем доме. Злитесь и сдаваться без боя явно не собирается, и тут букетом уже не обойтись. Нужно что-то посерьезней. Но точно знал, моя она. Простит. Отходит Пчела быстро, просто, нужно ее задобрить.

Как раз на завтра праздник намечался, а я несмотря на усталость от нескончаемого рабочего процесса, постоял над кроватью, в которой спал мой, нет не так, наш с Ирккой сыночек, и отправившись к себе, полночи выбирал для Ирки платье. Понятия не имел, какой нужен размер, поэтому сразу выбрал много разных вариантов, и разных размеров. Оплатив свой заказ, крепко уснул, с тоской оценив перед этим, что спать мне всего два часа осталось.

Утром, пользуясь случаем, заглянул в детскую. Хотел взять сына на руки, соскучился по этой приятной тяжести в руках. Ира качала Егора сидя в непонятно откуда взявшемся кресле-качалке.

— Доброе утро. — поздоровался с ней, борясь с щемящим желанием сжать ее в объятиях сейчас.

Даже не мог определиться кого больше обнять хочу, пока не дошло до меня, они ведь одинаково оба мне очень дороги. И Ирка нужна мне не меньше Егора.

— Доброе. Что с тобой? — вдруг спросила Пчела, прищуриив при этом свои глазенки и поджав губы.

— А что со мной? Дай поддержать. — протянул руки к сыну, только Ирка не торопилась мне его отдавать.

— У тебя вид нездоровый, ты в зеркало-то смотрелся? — спросила презрительно, все еще сканируя мой вид.

— Будет тут вид здоровый! Ладно, ты не в духе смотрю, да и у меня времени нет, на работу пора. К пяти часам будь готова. — решил скорей уйти, дабы не накалять обстановку.

А вид у меня и правда херовый. Спал два часа всего и в итоге бледный, глаза красные от монитора и телефона, вурдалак болезный. Еще и голова раскалывалась. Перестраховался в общем сам. Вдруг и правда болею. Еще не дай боже ребенка заражу, Ирка тогда меня со свету сживет.

В ожидании праздника в честь рождения сына, время тянулось отвратительно медленно. Благо в планах было еще заехать в ювелирный, поэтому из офиса я нагло слинял

пораньше. Иркиных размеров я совсем не знал. Даже на глаз определить не смог, а кольцо — это не платье, десять одинаковых не купишь, будет совсем глупо, вроде как не от души. Поэтому то и выбрал для Ирки цепочку и пятки. Когда увидел такую подвеску в виде маленьких детских следов, чуть не хрюкнул от удовольствия.

— Не знал, что такие бывают. — поделился вслух с продавщицей.

— Их очень много привозят, но быстро разбирают. Отличный подарок жене на рождение ребенка. Есть еще такие кольца. Показать вам? — бойкая девчонка упаковывала подарок, а я отказался.

Почувствовал себя сейчас отвратительно. Радость от покупки рассеялась в одно мгновение, когда я осознал в полной мере, что опоздал на целый месяц. Мой сын родился, а меня не было рядом, а я ведь хотел быть там, но не был. А самое страшное, что Ирка могла ведь избавиться от случайной беременности. От этой мысли запершило в горле. Ком к нему подкатил и встрял в нем.

Забрал цепочку с подвеской, и несмотря на то, что вчера еще Ирке букет подарил, заехал еще и в цветочный. Глупо без цветов явиться. Тут же и медведя присмотрел.

Медведь белый, нос коричневый. И это хороший подарок для пацана. Правильный. Грузовик с автоматом еще рано дарить, а этот плюшевый вроде ничего. Взял я его сомневаясь, но погремушку я ему уже подарил, а этой игрушки ему лет до двух-трех точно хватит.

А папа-то расстарался не на шутку. Страшно было в дом заходить, потому как он уже со двора выглядел как магазин воздушных шаров. В доме было шумно, я постарался найти Ирку взглядом, а как только ее увидел, хотелось сбежать. Было на то три причины.

Причина первая и самая главная для меня, Пчела в одном из тех платьев что купил для нее была просто ахренеть как хороша — слюна до пола! У меня естественно, а не у Пчелки и это было опасно для нее. Причина вторая — она выловила меня зорким, тем самым расстреливающим взглядом. Чем не угодил не понял. Причина третья— Ирка мне это явно торопилась объяснить, потому как прямой наводкой в мою сторону, лавируя между детьми.

Ааааа! Только сейчас увидел, что тут дети и их много, хаос, бабы, и все горластые! А мой отец на диване в зайчих ушах на голове, а я еще к одному-то ребенку до конца не привык, потому и вернулся в прихожую, в нишу под лестницу забился на коробку присел. Тут было более-менее тихо и обои эти я очень любил еще с детства. Тканевые, прибивные, и пахли старым кожаным кошельком.

— Выползай сволочь! Где ты прядешься мерзавец? Паскудник! Я же тебя сейчас найду и прибью змеёныш. — Ирка все это тихонько говорила, но с нужной интонацией, проверяя шкафы.

Даже стало интересно, чем я так ее допек, когда и дома не было меня, неужели сына заразил? В горле-то и правда першит.

— Я тут. — прикрывся на всякий случай букетом.

— А что такое? Что ты тут прячешься? Стыдно показаться теперь да?! Или ты изначально планировал потешаться надо мной из-за угла наблюдая?! Перед всеми меня решил опозорить разом, чтоб носа на улицу не казалась да?! Скотина! Ненавижу тебя! — Ирка словно белены облопалась, схватила веник, который тут же прятали и начала меня им херачить.

Ну все как договаривались. Букетом не била, как и обещала, зато веником прошлась по мне, благо я не за рулем и ученый уже, глаза прикрыл. А Ирка только и знает, что меня фигачит веником, орет еще при этом, а я и понять-то не могу за что.

Перехватил кое-как этот веник, дернул Ирку на себя, но она не дура, вырвалась и деру от меня. Прямо через гостиную пронеслась и наверх, и кто кого позорит?

Догнал Ирку уже у детской только там особо отношения не выяснишь.

— Иди сюда. Давай-ка бодренько, чтоб мы ещё гостям вместе показаться успели. — запер её в своей комнате загородив спиной выход.

— Что это значит?! А ну выпусти меня сейчас же! Я с тобой и рядом не встану! — заорала она так, что скулы от её крика у меня свело.

Забилась в дверь истеричка чёртова! А я-то не должен понимать за что эту истерику лицезрю и лицом собственным ощущаю?! Там в Краснокамске знал за что, справедливо, а тут вот не Ирка бы...какая другая и уже бы пинка под зад дал давно!

— Че бесишься и меня бесишь?! Говори давай! А не ори! Тебя тут никто обидеть не хотел. — осадил свой собственный голос уже под конец.

Довела злыдня!

— Обидеть не хотел? Seriously? Да ты ведь это все специально устроил. Дуру из меня сделал. — Ирка прошипела злобно, поджав при этом губы, и вдруг глаза в пол опустила.

Пчела просто так этого бы не сделала, расстреливала бы меня до последнего пока не отпущу ее. Поднял в сомнениях ее лицо за подбородок, бля! Точняк поплыли мы! Плачет! Что ж все так херово выходит-то у нас?! Никак не мог понять, чего не так делаю.

— Хм. Ну ты и дуреха! — схватил ее за руку и сел вместе с ней на кровать, усадив ее к себе на колени.

Ирка как-то быстро обмякла и уткнулась носом в шею. Удивила, думал будет брыкаться.

Сначала погладил по голове и спине, успокоить. Сам глажу и думаю, от куда я это умею? Наверное, так мама в детстве успокаивала. Пчелка долго всхлипывала, иногда утирая набежавшие слезы, а я еще и в кресло-качалку превратился. Качаю ее как маленькую, а сам думаю — это типа тренировки будет. Вот когда Егор коленки разобьет, я уже знать буду, как плаксу успокоить.

— Успокоилась? Теперь можно узнать за что я по мордасам получил, а то ж ни хрена не понимаю я Ирка. Тупой я у тебя. — она отпрянула от меня и шею сразу зазнобило от прохлады, чуть головешку ее обратно не пристроил по-хозяйски.

— А зачем ты вырядиться меня заставил? Посмотри на меня. — Ирка слезла с моих колен.

Оглядел ее. Видок тот еще. Прическа у нее растрепалась, под глазами все черное, это херня для ресниц потекла от слез, лицо припухло как у перепившей тетеньки. В общем “ахренеть как хороша” тут уже не пробегала даже.

— Ну и? — при параде Ирка была еще до нашей встречи, платье красивое, макияж, туфли.

— Что и? Что и?! Я по твоей указке вырядилась, платье это вечернее напялила и что?! — Ирка снова в злыдню превращалась.

— Что ты загадками говоришь?! Я тупой и ваших этих бабских проблем не разбираю, так что говори прямо! — ух!

Как же меня все это бесило сейчас слов не было, даже хорошо, что Ирка пореветь удумала, я хоть остыл немного.

— Прямо! Я как идиотка вырядилась словно на парад, надо мной же все смеются теперь! Они-то по-простому, а я как ворона деревенская словно все самое лучшее на себя напялила! Да я там красная как рак ходила, все так на меня косились, разве что у виска не покрутили и бог знает что теперь думают обо мне! А это все ты устроил! Не твои бы платья, я бы и не расфуфырилась! — чем больше Ирка выкрикивала информации, тем больше я не понимал ее истерики.

— Так, ты меня веником грязным отхерачила, потому что выглядела лучше всех? — я аж весь зачесался, силясь понять ее логику.

— Я выглядела идиоткой! Выпусти меня! — Ирка бросилась к двери, но я-то ее больше не подпираю спиной, так что была такова моя заноза истеричная.

— Ну дела... — сказал сынулькиному медведю которого взял в руки.

Потом поднялся и пошел за Иркой. Подарки дарить. Букет правда под лестницей

остался.

Ирина

Конечно, я психанула. А чего он хотел?!

Всё как-то навалилось разом. С утра Иван даже и не поздравил меня. И вообще, его не особо-то интересовали подробности рождения нашего сына. Ни время, ни рост и вес, а главное, ни разу не спросил каково мне всё это далось. Да и извинений я от него нормальных так и не услышала. Вроде как так и надо, и ничего особого не случилось.

Потом вперилась в это платье, думая, что так вот положено у них. В итоге выглядела полной дурой. Когда вышла к гостям вся разряженная, одна из девушек даже в голос засмеялась. Поэтому и познакомиться ни с кем толком не смогла, кроме Ваниного дяди и дядиной жены. И то, только потому, что им Егора представили лично. Все гости на меня косились, Иван опаздывал, Олегу Егоровичу тоже было не до меня особо. Я тут определённо была лишняя.

Хотелось очень обратно домой и пореветь, потому что ни я ни мой ребёнок этим всем людям неинтересны. Зачем они только все сюда пришли? Да ещё и с детьми. Но тут в дверях гостиной показался источник всех моих проблем, да ещё и с розами алыми припёрся опять. Нет он точно надо мной издевается. Специально это всё устроил, чтоб поиздеваться. Истерика накатила на меня мгновенно, а мне и так много не надо было. Одних роз ненавистных в Ваниных руках хватило.

И даже после того, как побила Ивана веником, поплакала на его плече легче мне не стало. И Егор, как назло, всё ещё спал. Занять себя было нечем. Сбежав от Ивана, скрылась в ванной комнате. Как в воду глядела, что этот тиран за мной потащится.

— Приводи себя в порядок и пойдём к гостям. — сказал мне из-за двери.

— Сейчас. — ответила ему как можно мягче.

Потом включила воду и заткнула ванну пробкой.

Хрен тебе! Иди и сам там отдувайся перед своими гостями, а я кончилась на сегодня так точно!

Стянула с себя шикарное на самом деле платье. Разделась догола, и распустив остатки причёски, забралась в воду, забулькав туда пены.

Через пятнадцать минут детским плачем разразилась радионяня, которую я таскала с собой уже на автомате. Я сначала встрепенулась, чуть не выбралась из воды, но потом услышала, как Иван успокаивает Егора и успокоилась сама.

В конце-то концов не всё коту масленица. Пусть папенька ребенком тоже занимается. Вернулась в пенную воду, только взяла рацию прислушиваясь к тому, что там Ваня говорит Егору.

— Тише тише пацан. Давай с тобой походим. Сейчас мама наша выйдет, мы пока с тобой пообщаемся. Забыл уже меня наверно? На, держи мой палец. Да ты силач у меня. Да? Ой! Про подарок забыл, у меня же для тебя есть подарок. Смотри.

Так, стало даже интересно, что там за подарок такой? Я в бешенстве своём, кроме ненавистных роз ничего и не заметила.

— Ой. Так, дружок, полежи-ка тут пока. Знакомься пока с медведем. — слышалось тревожное Ванино из рации.

Затем в дверь постучался Иван.

— Ира, ты скоро? Там Егор проснулся, и он это...плохо пахнет короче. — с неким замешательством в голосе сказал новоиспечённый, но плохо пропечённый папенька.

— Вот и поменяй ему подгузник! — крикнула из-за двери, а сама тихонько выбралась из воды.

— Как поменять? Я не менял ни разу. Выходи давай! Ты мать или не мать? Это твоя обязанность ухаживать за ребёнком. — забухтел Иван, испугавшись грязного подгузника.

Эко его пробрало, как жаренным запахло так сразу я мать! А он вроде как в сторонке.

— Ну а ты отец, и это тоже твоя обязанность ухаживать за ребёнком. Подгузники и салфетки на пеленальном столике, и про присыпку не забудь. — нет я не ехидна какая, не собиралась доверять Ивану смену подгузника без мастер-класса, но возможности поиздеваться не упустила.

— Что ещё за присыпка? Выходи давай! Его разве не нужно помыть? — умный Блин какой, весь мой подкол испортил своим ценным замечанием.

— Конечно, нужно. Расслабься. — вышла из ванной комнаты укутавшись в махровый халат, которых у меня теперь было аж пять штук.

— А ты почему не в платье? А гости? — Иван пошёл за мной сначала, но потом резко свернул, вызывая у меня смех.

Плохо пахнувший ребёнок уже не вызывал у Ивана такого ярого интереса.

— Иди к гостям, если хочешь, я не пойду. Им я и мой ребёнок до одного места. И у меня нет ни желания, ни сил, делать вид, что я этого не понимаю. — подошла к кровати, в

которой сидел плюшевый медведь рядом с Егором.

— Что за ерунду ты в своей голове придумала? — спросил Иван.

— Это, нужно было сначала постирать, а потом уже совать ребёнку. И вообще, плюшевые игрушки — это рассадник пыли и микробов, потому что всё на себя цепляют. — не ответив на Ванин вопрос, бросила ему несмотря ни на что его милый подарок, говоря мамины любимые фразы про пыль и микробов.

— Хорошо я постираю. — ответил Иван, поймав медведя.

Им же он и нос заткнул, когда я Егорку раздела.

— Ты не будешь учиться ребёнку подгузник менять? — спросила его, уже унося сына в ванную комнату.

— Думаю в этом нет необходимости, ты и сама справляешься неплохо. — заявил Иван.

— Хм. Помнится, ты угрожал мне тем, что выставишь меня за дверь и отберёшь Егора. Как же ты собирался за ним ухаживать, если даже подгузник поменять противно? — пользуясь случаем, заговорила на острую для меня тему.

Хотелось услышать от Ивана о том, что это он не всерьёз.

— Давай потом поговорим, не при ребёнке же выяснять отношения. Я пока к гостям тогда схожу, поздороваюсь хоть и скажу, чтоб больше не ждали нас. — сказал Иван и опять сбежал трус.

Вернулся Иван к нам в комнату спустя минут сорок. В это время я как раз кормила Егора, расположившись в кресле-качалке у окна. Шикарное кресло — моя несбыточная мечта при иных обстоятельствах, но сейчас вполне реальная, плетеная, с мягкими подушками. Оттого я и была довольна и добра. Еще к тому же разомлела от теплого сыночка на руках и даже улыбнулась папе ребенка, хотя он-то моей улыбки никак не заслуживал. Но получив ее, и сам заулыбался в ответ. С лица его мгновенно исчез налет то ли тоски, то ли еще каких душевных метаний, не разберешь толком, в общем, повеселел Ваня мгновенно.

— Можно? — спросил он, пройдя уже полкомнаты по направлению к нам.

— Я в твоих калошах на базар ходила. Можно? — не удержалась, вот меня сейчас хлебом не кормите, а дайте Ваню подколоть.

Хорошо бы его проигнорировать, только не выйдет. Как бы на него ни злилась, а тянет меня к этому гаду.

— Все шуточки шутишь Пчелка. Похвально. Шути почаще, такой ты мне больше

нравишься, а не тогда, когда лупишь меня венниками и букетами. — а с Вани как с гуся вода, топает себе дальше, даже намеков на свою наглость не замечает.

— Что это? — Ваня зашел ко мне за спину и моей шеи коснулось что-то горячее.

Провела рукой, нащупав сначала цепочку, а потом и кулон поймала. Милые ножки детские.

— Это за сына. Немного с опозданием. Прости. — шепнул на ухо, отчего по левой стороне побежали мурашки.

Чертовски приятные мурашки и Иван соблазнительный гад, в довесок поцеловал меня в макушку. Куда добраться успел, пока оплеухи не отвесила.

— Спасибо. Милые пяточки. — после такого разбор полетов устраивать не было желания.

Только и сказать мне было нечего. Я ждала, что Ваня хоть что-то внятное скажет, но он молчал, только стоял за спиной, наблюдая за Егором. Разговора в очередной раз не состоялось, а я решила идти на принцип. Не делать первый шаг. Молчать. Делать вид, что ничего не произошло у Ивана долго не выйдет. Рано или поздно ему придется признать свою вину и нормально извиниться. Если ему, конечно, это нужно, а ему ведь нужно, иначе зачем бы он лез ко мне с поцелуями?

— Что с врачом? — спросила, перекладывая ребенка в кроватку, когда он уже наелся и уснул.

— Забыл сказать. Завтра, в девять утра поедem. — тихонько сказал Иван, поправляя тонкое одеяло.

— Хорошо. Мы будем готовы. Что-то еще? Я устала и хочу лечь отдохнуть. — посмотрела устало на Ивана, дабы он не усомнился в моем желании.

— Ребенок спит. Мы можем поговорить. — Иван решился, даже радионяню взял, а мне прям не верилось.

Не прошло и двух недель. Созрел наконец! Помидор покоцанный. Пошла за Иваном, а он направился в свою спальню. Только переступила порог этой комнаты, как тут же была прижата Иваном к стенке. В самый уголок меня затолкал гад, зная о моей юркости.

— Я соскучился по тебе... — на мое лицо посыпались его поцелуи.

— Пусти меня... — на меня вдруг паника нашла, или тут просто от Ваниной наглости задохнулась, попыталась вырваться, только какое там!

Придавил в углу тушей своей и лапаты еще успевают. Вот тебе и разговор Ирочка, вот тебе и извинения.

— Нет уж! Сначала поговорим. — заявил он, задирая голову.

Смотрел на меня сейчас не Ваня из санатория Родник, а тот упырь, что тряс меня за грудки после того, как чуть не сбил на пешеходном переходе. Самодовольный и самоуверенный в своем превосходстве надо мной.

Я вся тут же вскипела от возмущения словно вода в масле, только его домогательства сейчас мне и не хватало! Черт его дери, эту сволочь похотливую.

— О чем разговаривать будем?! О том как бросил меня молча?! Или о букете может быть твоим прощальным, который ты мне с упорством идиота подсовываешь и даже не замечаешь, как меня от этих роз воротит?! Или об угрозах лишить меня сына, которого я в муках рожала, а ты и знать про него не хотел?! — не говорила с ним, а плевала в него слова, по всей видимости, непростые для него, потому что все же отступил от меня.

— Угрожал?! Да где я тебе угрожал?! Один раз пригрозил, чтоб ты поговорчивей была, да и только. Но ты ни хрена несговорчивая! Так и норовишь тяпнуть да побольней, а я на дверь тебе, как видишь, не указываю! Что ты мучаешь-то меня?! — с вызовом спросил меня, а я просто обалдела.

— Ах! Мученик великий! То есть это я еще и виновата, что в ножки тебе не бросаюсь?! Отлично! Просто прекрасно! Дальше что? — хотелось скорей прекратить этот цирк, потому как глаза мои предательски защипали от слез, а рыдать при этой сволочи циничной было бы полным фиаско с моей стороны.

— Просто перестать вспоминать, что было не так! Дай мне шанс! — требовал, он не просил, а требовал.

— Хрен тебе! Большой и толстый! Ядреный я бы сказала! — рывкнула из последних сил и покинула его комнату.

Иван

Выяснить с Ирккой отношения всё равно что по минному полю бегать. Хотя что скажи, всё равно взрывается. Хорошо хоть подарок мой не сорвала, было бы очень обидно. Горько я бы сказал.

Очередная бессонная ночка выдалась. До полуночи крутился вроде бы даже заснул, но привиделся краткий сон-воспоминание. Первая наша с Ирккой ночь в Роднике. И немой день плавно перетёк в мою ночь. Сладкий сон по непонятной причине резко прервался. Через пару минут понял, что голая скачущая на мне Пчёлка из головы не выходит и нужно её срочно заесть, чем ни будь вкусным. Спустился на кухню, а там Ирка в холодильнике по кастрюлькам шарит.

— Не спится? — спросил её, а в голове мелькнула мысль, может и ей тот же сон снился.

А Ирка, видимо, не слышала, как я вошёл, испугалась выронив стакан с чем-то белым. Кефир похоже.

— Чёрт! А ты чё босая? — тут же перешагнул через осколки и подсадил её на столешницу пока ноги не изрезала, я сам-то в тапках.

А так бя ещё хуже! Ноги-то её полопал, и сама она вся ближе к глазам, сорочка задралась, грудь вот выткни глаз торчит. Аааа! Вот жиж сука гадство! Спустился называется пожрать — отвлечься от эротического сна. А тут реальная Ирка, не сон какой. На другой бок не перевернёшься и не захрапишь.

— У меня вообще тапок нет. — буркнула обиженно как ребенок, которому тапочки не купили, забыли про деточку.

— Завтра купим. — отошел от греха подальше, щётку с совком отыскал, бардак прибираю, а сам себя уговариваю;

Ваня держись! Сам накосячил, вот теперь души удава! Устраивай в своей кровати тройничек. Левая и правая всегда с тобой и всегда готовы прийти на помощь.

Пока сам себя стебал, прибрал осколки.

— Не порезалась? — глянул на Иркины ноги как раз по щиколотке стекала кровь тонкой струйкой.

— Вот тут. Немного. — растерянно в неё Пчела и ткнула пальцем, явно ожидая, что я её полечу.

— Знаешь, лучше промыть под струей воды, вдруг там стекло. — хотел стащить ее со стола на руки, но Ирка выкрутилась и спрыгнула на пол.

— Я сама дойду. — ранка оказалась ерундовой, Ирка даже не хромала.

— Иди вон туда, там тоже ванная комната есть. Я сейчас, аптечку возьму только.

Ира ушла, я полазил по шкафчикам отыскивая аптечку, а когда достал наконец-то перекись и пластырь, она уже вернулась на кухню.

— Я за радионяней вернулась. Там ерунда, царапина. — махнув рукой Ира хотела уйти.

— Поешь со мной. — попросил ее, не надеясь на согласие, но отпускать Ирку не хотел.

Хотя бы потому что застал ее за кусочничеством. Наверняка же так и не поела, а хочет.

— Там суп был. Можно его разогреть. — Пчелка тут же уселась за небольшой столик в углу, позволяя за собой поухаживать.

Такой благосклонности в свою сторону даже и не ожидал от нее. Всего пру часов назад так поскандалили с ней, думал и не посмотрит в мою сторону теперь. На радостях не только суп разогрел и стол накрыл, но и десерт сообразил из хлеба и джема, к горячему чаю.

Ели молча, украдкой поглядывая друг на друга, пока я не решился рот открыть. Вопрос меня один все волновал, после нашего “любезного” разговора на повышенных тонах.

— А, че, правда, так больно было? — спросил Ирку, а сам подобрался внутри, переживая, что зря спросил и сейчас снова отхвачу тумака от нее, теперь уже ложкой настучит.

— В смысле? — Ирка застыла с куском хлеба на весу.

— Ну ты там, — показал пальцем на второй этаж; — сегодня сказала, что мучилась, когда Егора рожала. — напомнил ей, а то она или не поняла, о чем я, то ли не помнила, чего кричала на эмоциях.

— Гхм-кхм. Мучилась. На кесарево опоздала, вот и пришлось самой рожать, а он крупный, весь в тебя. — откашлявшись, поведала Ирка.

— Что значит опоздала? Там что, режим работы? Не успел вовремя, делай что хочешь?

От Иркиных слов все внутри перевернулось. Ведь если не я, Ирка рожала бы моего сына в лучшем виде, а ни где попало, да еще и мучаясь.

— Нет. Я просто поздно приехала в роддом. Уже роды полным ходом, поздно было кесарево делать. — она более внятно попыталась донести, но я все равно мало что понял.

— Даже представить себе не могу как это. Рожать. — вообще то у Егора, правда, голова такая большая...тряхнул своей головой, отгоняя от себя эти мысли.

— Давай тебе сухарик в ноздрю затолкаем, ты примерно поймешь. — Ирка с энтузиазмом начала копать в вазочке с гренками, а потом протянула мне несколько штук со совами; — Они все мелкие, придется сразу две совать. — я бы засмеялся, только взгляд у Пчелки был недобрый.

— Прости. Добавки? — поднялся из-за стола, забирая у нее пустую тарелку.

— Чаю попью и хватит. И так объелась уже.

И гренки Ирка вернула на место. А чай мы уже пили молча, потом также молча разошлись по комнатам.

Утром Ира была по неясной мне причине веселая. А я хоть и хотел её спросить не поделится ли она со мной этим весельем, но все же промолчал. Боялся спугнуть, все же веселая Пчела радовала меня больше, чем злая. После завтрака собрались ехать в поликлинику с Егором. Я не ехал, а крался, потому что опять боялся не дрова же везу. Волнительно было. Вроде ерунда такая, плановый поход к педиатру. Рост и вес узнать, все, как Пчела говорила, а нервы мои улетали пачками в утиль.

— Опора на ножки плохая. Нужен массаж и в бассейн неплохо бы ребёнка записать, у нас есть при поликлинике. Мамочка смотрим сюда, что делать нужно дома ежедневно.

Врачиха что-то всё говорила и говорила, я пытался запоминать, но мой мозг вообще под это не заточен. Пусть там даже про моего сына говорят, а всё равно из всех слов только выловил про то, что на животе его держать надо. В общем, Егору врачиха так же, как и мне не понравилась, он разорался. Мне даже тревожно стало, не повредила ли эта тётка чего? Так-то знатно его крутила и вертела.

— Я тут подумал, незачем нам ребёнка по чужим тёткам таскать. У тебя же мама врач педиатр высшей категории. — озвучил свои думки уже по дороге обратно домой.

— Я в шоке два раза Иван! Ты знаешь квалификацию моей мамы? — с неподдельным удивлением вскрикнула Пчела с заднего сидения.

— Запомнил да. Это первый твой шок как я понимаю, а второй?

— Решил маму мою до кучи привезти? Зачем тебе это нужно не пойму. Я-то понятно из-за Егора, а вот моя мама это что-то из ряда вон.

— Да сколько раз тебе сказать еще? Я за тобой приехал, не знал я, что ты сына мне

родила. Не из-за Егора забрал тебя, да согласен, не очень получилось. Поспешил, тебя не спросил. Виноват! Но неужели нельзя помиловать? Я хочу как лучше. И тебе будет проще. И личный врач у Егора будет. Разве плохо?

— Разве тебя волнует моё мнение? Ты же без меня давно всё решил. — спокойно, даже равнодушно ответила Ира.

Вот те раз! Я ей тут в чувствах признаюсь, распинаюсь перед ней, а она мне на отвали отвечает! Совсем ошалела Пчела!

— Да решил. — отрезал раз так, пока опять не поцапались.

Увез Ирку с Егором домой, сам на работу. Вечером вернулся домой. Нашёл всех в гостиной. Ира уселась на полу с Егором, пытаюсь ставить его на ножки, так как это делала утром врачиха.

— Привет. Ириша это тебе. — протянул ей очередной букет роз, которые подарить ей не успел.

Ирка так на меня глянула, словно пополам разрубила. Подхватила сына молча и наверх пошла.

— Привет, сынок. Умаялся? Видок не очень, смотри не заболей, а то по миру пойдём, если ты к Максус присоединишься. — заметил папа.

— Макс, вообще-то, сегодня уже на работу прискакал на одной ноге, прокладывая путь к рабочему месту, расталкивая при этом сотрудников своим креативным гипсом. Пап, она меня простит? — при другой ситуации я бы долго с отцом шутил над Максусом, но Ирка меня больше сейчас тревожила.

— Простит. — уверенно заявил отец, а потом со смехом добавил; — Наверное.

— Очень смешно. Самое время поиздеваться.

— Простит. Ей время нужно.

— Да сколько ещё?! Я к ней и так и эдак. Цветы, подарки! А она вон что.

— Цветы! Ты хоть в курсе, что ты ей за веники таскаешь?

— Что за веники? Нормальные розы, свежие.

— Букет алых роз вместо прощания глаза в глаза. Вместо объяснений. Признаться, не ожидал от тебя такой трусости. И ты ей этот букет каждый день таскаешь, не даешь забыть, потому что сам не помнишь, как был с ней жесток и это тоже не дает ей простить тебя. Это

для тебя все букеты разные, а для нее они все, это один и тот же. Алый прощальный букет.

— Чёрт! И давно ты знаешь? — а Ирка ведь вчера что-то говорила за розы, но мне не до них было я за роды её с муками зацепился, про розы мимо пролетело.

— С самого первого букета, который ты в этот дом приволок. Поинтересовался у нее, почему она цветы на кухне поставила и в самый дальний угол пристроила.

— Мог бы и сказать мне!

— Вот, сейчас говорю. Все ждал, что ты сам догадаешься, или Ира отгадает да подскажет тебе. Но ты глупец, а она упрямая. Но она любит тебя дурака, ребёнка родила. Мой тебе совет, оставь её на время в покое. Просто не трогай. Почувствует, что ты отдаляешься и сама к тебе потянется, они женщины так устроены. И цветы перестань носить. Вот эти! — папа кивнул в сторону алых роз и многозначительно закатил глаза.

— Да чёрт! Чёрт! Говорила она за цветы! Вчера говорила, ай! — махнул рукой, а розы отшвырнул подальше.

— А Егорка?

— А что Егорка? Егорки это не касается. Ты его отец, занимайся им. Кстати, чего ты тут со мной болтаешь? Ребенка Ира купает в это время. Ты иди скорей, прими участие. Всё внимание сыну. А Иру отпусти, пусть отдохнет, чай попьет со мной.

— Спасибо пап.

Побежал наверх весь полный новых стремлений.

Зашел в детскую, Ира как раз раздевала Егора, а в ванной шумела вода. Скинул пиджак, закатал быстро рукава рубашки.

— Я его искупаю. А тебя папа звал, чай попить. — сказал ей подойдя к столику, а сын увидел меня и сразу заулыбался.

Уже узнает. Радостно так стало. Щенячий восторг прям. Такой мелкий, а уже понимает все.

— Не нужно. Я сама Егора буду купать. — Ира снова прижала сына к себе, так, словно из рук вырываю и пошла в ванную комнату.

— Пожалуйста. Можно мне? — просил её, как можно спокойно, хотя сам весь бурлил внутри от негодования.

Не даёт мне сына. Всячески ущемляет мои родительские права, подводя тем самым к

наивысшей точке кипения. Специально то делает, уже пронюхала мое слабое место.

— Ты его никогда не купал. Ты не знаешь как. — ревниво отрезала, но вид мой печальный её смягчил, за этим и добавила; — Я покажу.

Вот оно!

Смотреть на неё жалко, как побитая собака. Приседать. Просить. Не требовать, а просить и сердце ее дрогнет. Сжалится надо мной, даст-таки второй шанс.

— Сначала воду проверь. Тридцать шесть градусов. Градусник может обмануть, поэтому проверь еще и локтем.

— Как это? — не знал, что так все замудрёно, уж чего в мытье мудрить?

Намочил, намылил, сполоснул. А не тут-то было оказывается! Ира сунула мне в руку градусник в виде утки, который плавал в ванне.

— Тридцать шесть.

— Теперь потрогай воду рукой.

— Кажется, прохладная.

— А теперь опусти в нее свой локоть.

Выполнил все Иркины указания, как лучший подчиненный уходящего года.

— Теплая. Такая ощутимая разница. — утер лоб, а то аж вспотел от нервного напряжения.

Все-таки дети — это сложно. Попробуй ошибись и потом не починишь.

— Будешь опираться на ощущение руки, перегреешь или ошпаришь ребенка. На локте кожа чувствительная, как и у младенца.

— Ясно. — судорожно запоминал все, что Ира говорила.

— Усаживай его на горку. Только не резко, чтоб не испугать. — в руках наконец-то оказался Егор, Ира сама его мне передала и от этого факта эмоции просто зашкалили.

Очередной щенячий восторг прям.

— Ага. Понял. — сосредоточенно, медленно начал опускать сына в воду.

Как только его ножки коснулись глади, он востепенно и задрыгал сразу всеми

конечностями, сиюсь что-то сказать, но пока получались одни звуки невнятные вместе с пузырями.

Сердце екнуло, я испуганно глянул на Иру.

— Всё правильно. Сажай его. — с улыбкой подбодрила.

Это в мою то сторону?!

— Теперь что? — сынок был уже в воде и ему явно нравилось.

Заплюхался весь, пуская пузыри, и корча рожицы.

— Одевай хрюшку. — задорно велела Ира, а я с этого засмеялся.

— Какую хрюшку? — куда одевать тоже было неясно.

— Вон, перчатка, её и одевай.

Ириша указала на крючок, на которой болталась, по всей видимости, мочалка в виде розовой перчатки — хрюшки.

— А почему она розовая? Егор же не девочка. — спросил Иру, с трудом натягивая махровое чудо, явно не для мужских рук пошитое.

— Ваня, это поросёнок, а поросята они всегда розовенькие. Есть ещё слоник голубого цвета, если тебя это так волнует, то поменяем. Только я его ещё не постирала, придётся сейчас воспользоваться хрюшкой.

Мурашками покрылся от восторга, того гляди в экстазе забьюсь как полоумный от одного этого её Ваня в свою сторону.

— Да нет. Пусть будут и хрюшка, и слоник. Я одел, а дальше?

— Теперь просто погладь Егора, особенно ладошки и личико протри, он очень любит, когда ему щёчки гладят. И похрюкай.

— Похрюкать?

— Конечно. Покажи ему мордочку и похрюкай. Ребёнка нужно развивать. — с умным видом заявила Пчелка.

Хрюкать меня заставила ну вообще! И стою же хрюкаю. Мистер свин блин!

— Ему кажется не нравится мой визг поросятчий. — Егорка от моего хрюканья весь скорчился и вроде как плакать собрался.

— Ерунда. Хрюкай давай. — заявила Ирка, отдавая очередной приказ.

Командирша ели-бревна!

— Но вот я перестал свинью изображать, и он плакать перестал. — резонно заметил я.

— А он разве плакал? Я что-то не слышала.

— Ну не плакал, но хотел же. Он кривился весь.

— А, по-моему он улыбался.

Пришлось еще десять минут хрюкать и повизгивать, пока Ирка не велела Егора извлекать из воды. Это, казалось, еще сложнее, чем все что до этого.

Ирина

Сотню раз пожалела, что у меня с собой телефона не было. Заснять бы тот момент, как Ваня неумело и нерешительно купает Егора, а самое главное хрюкает. Профессионально я бы сказала свинтуса изображает. Прямо как родной образ его.

— Я пойду тогда, не буду вам мешать. — Иван попытался ретироваться, когда я пристроилась в любимом кресле кормить сыночка.

— Куда это ты пойдёшь? А сказку почитать? — я возмутилась наигранно, уж больно нравилось мне Ванино лицо в смятении.

Да и приятно было приказывать ему раздавать. Не всё же ему командовать и указывать мне, что делать и как себя вести.

— Хорошо. А где? — Иван пошарил взглядом в поисках книг.

— Вон там, на полочке. Про Айболита давай! — тоном царицы приказала, едва сдерживая смех.

Даже про его розы думать забыла хотя и странно, про роды запомнил, а про розы нет. Идиот.

— Ты только потише читай, а то от твоего баса Егор не уснёт.

— Может, лучше тогда ты читаешь? — Ванины бровки опять умильно скучковались и взгляд похлеще, чем у кота, просящего вкусняшку.

— Ага, а ты покормишь. Доставай грудь папочка. — шёпотом его подразнила.

— А ну да. Ладно. Читаю. — предупредил он тихонько и устроился рядом прямо на мягком ковре, лег без церемоний на живот, и принялся за чтение.

Под Ванин монотонный бубнёж в стихотворной форме заснул не только Егор, но и я чуть не захрапела.

— Ты, наверное, голодный? — спросила Ивана, укладывая чистенького сытого и крепко спящего Егора в кровать.

Целью моего вопроса было ни заботливо покормить Ивана, а обсудить рекомендации врача о массаже и бассейне, и к тому же донести ещё раз информацию о розах, которые я видеть не хочу и просто уже не могу. Тошнит от них.

— Составишь мне компанию? — удивленно спросил он.

— Хочу поговорить с тобой.

— И я. Хочу поговорить. Спокойно только.

Мы взяли радионяню и спустились на кухню. Там еще трудилась тетя Катя, но завидев нас, накрыла быстро нам стол и вежливо удалилась.

Я не знала с чего начать. То ли с роз, то ли с массажа, в итоге мои раздумья сыграли мне на руку. Ивана начал разговор первым, да еще с таких фраз, которых от него я совсем не ожидала.

— Ты прости за розы. Я, правда, не понял, что ты про них говорила мне вчера. Почему-то думал, что ты имела в виду, что я тебя пытаюсь купить за букеты. Поверь мне, это не так. — при этом он опускал стыдливо глаза, отчего хотелось присесть к нему на коленки и обнять его дурную голову.

— А сейчас вдруг понял? — спросила его сухо, чтоб не обольщался особо.

— Папа подсказал, так бы и не понял. Ты же мне про роды свои тогда сказала, и информация о розах как-то не уложилась. Мне жаль. И кстати, о родах, я сегодня договорился, с понедельника Егору начнут делать массаж. Специалист будет приезжать к нам домой, тебе только нужно будет выбрать удобное для вас с Егором время и это, должно быть не раньше, чем через час после еды. А вот с бассейном надо подумать. У нас дома не получится, вода для ребенка слишком холодная, но я покопаюсь на выходных в интернете, поищу наиболее удачный вариант. Ну чтоб близко было и не шарашка какая.

— Педиатр же сказала, что при поликлинике есть бассейн для грудничков. — напомнила Ивану, а то он там на приеме сам не свой был, так переживал, удивительно, что запомнил о массаже и бассейне.

— Да я помню. Но я позвонил маме твоей, знаешь, она со мной была солидарной, ни к чему вам туда мотаться, все-таки больные дети там чаще бывают. Заразу будете только собирать. Больше вреда чем пользы. — резонно заметил Иван.

— Мм. А ты смотрию с мамой моей прям сдружился. Когда же она приедет? — поинтересовалась у Ивана, поскольку с мамой мы так и не нашли до сих пор общего языка.

По ее мнению, я должна Ване в ножки падать и быть с ним милой — любезной, потому как такие прЫнцы на дорогах не валяются, особенно для таких прЫнцесс захудалых как я.

— Ну, вообще-то, я ее не приглашал пока. Решил вот тебя спросить.

— Да неужели? — в очередной раз вспыхнула, хотя беседа-то была довольно спокойной.

— Ир давай нормально начнем общаться? Надо нам начинать как-то отношения налаживать. Мы же оба понимаем, что небезразличны друг другу. — серьезно заявил Иван.

— Я не радио. Я не могу в мгновение переключиться на другую волну. Да твой папа сегодня подтвердил твои слова, что ты за мной ехал и о Егоре не знал, только вот я все еще на волне твоего внезапного и немногословного отъезда. Почему ты уехал? Почему не вернулся раньше раз так страдал без меня? — задала Ване те самые вопросы, которые меня никак не отпускали.

— Я испугался. Думал это несерьезно. Ну забрал бы я тебя, а через неделю бы понял, что ошибся. А потом так удрал от тебя некрасиво, что не знал, как вернуться. Да и думал, что ты меня пошлешь сразу же. — Иван, ковыряя вилкой мясо, нерешительно объяснился.

— Мм. То есть наличие у нас с тобой общего ребенка, автоматически лишило меня этого права, послать тебя, да?

— А как ты себе представляла наши отношения? Думала, что я спокойно оставлю своего сына жить в съемной однушке, с соседом зоофилом и соседкой проституткой?! Буду приезжать раз в месяц на пару дней? Так ты думала? — терпение Ивана кончилось, спектакль под названием “Стыдно” был окончен.

— Рассчитывала хотя бы на разговор, а не на то, что ты схватишь меня как вещь! Приятного аппетита! — покинула кухню, не желая более выслушивать собственнические речи Ивана.

От одного того, как он нашего общего сына называл своим, меня начинало трясти и желание стукнуть Ивана чем-то тяжелым возрастало втрое. Поэтому и удалилась скоренько, пока до травм не дошло.

А утром Иван спустился в столовую с раздутой щекой.

— О! Сынок, да ты на бабу Ягу похож, однако. — Олег Егорович так заразительно засмеялся, что я тоже не сдержала смешка.

Ваня ничего не ответил отцу, только обиженно глянул в мою сторону.

— Это тебе к стоматологу нужно идти. — серьезно заметил Ванин отец.

— Угу. — буркнула новоиспеченная “баба-яга”, садясь за стол.

— Нет я серьезно. Само не пройдет. — уже строго сказал Олег Егорович.

— Да я понял. Схожу. — произнес Ваня, словно с набитым ртом.

— Как ты есть будешь? — спросила его.

— Ирочка он поест. У него зуб отвалится, его от боли перекосо... перекособочит, но он поест. Кстати, вот от этой штуки... — Олег Егорович обратился опять к Ване и показал на себе скорчив лицо, прикладывая к нему кулак; —...может заражение крови быть. У мен очень плотный график на два месяца вперед, в мои планы твои похороны никак не вписываются. Так что езжай в клинику, это тебе не шуточки. — грозно заявил Олег Егорович и позвал тетю Катю.

— Пап не нагнетай... — корчась от боли, попросил Иван.

— Екатерина Дмитриевна! Заберите у него еду! И не давайте ему пока не полечится! — велел Ванин папа, когда тетя Катя пришла в столовую.

— Ириша милая я бы не просил тебя, но это же сыночек мой, как твой Егорка, любимы и родной, даже если он до пятого класса таблицу умножения не выучит ты его не разлюбишь уже. Так вот, люблю я его, волнуюсь за этого идиота. Съездила бы ты с ним, с тобой ему точно страшно не будет. Уважь старика. А то он не поедет же сам. Трус безмозглый! — было бы смешно, если бы не было так грустно.

— Хорошо. Я поеду, только как с Егором быть? — не тащить же ребенка с собой в клинику.

— А я на что? Я присмотрю, ты его только покорми, а если что мне Екатерина Дмитриевна подсобит, у нее опыт большой. Справимся. — подмигнул мне Олег Егорович.

— Я тогда пойду собираться.

Ушла к себе, слушая, как Иван пытается убедить отца, что флюс — это ерунда и само пройдет. Точно трус. Стоматологов боится.

Через полчаса уже была готова ехать с Иваном, как надзиратель. Конечно, я могла бы отказаться, но Ваню мне было жалко, хотя сама я проблем с зубами не испытывала и стоматологов не боялась. Молодец я! Медаль мне на грудь! Сама себя похвалила, и тут же себя поругала за корону, что внезапно водрузилась на мою голову. Может, Ваня пауков не боится, а я вот боюсь. Хотя пауки к деньгам и вообще, полезные, тараканов и мух едят. От мыслей меня отвлек сам болезный.

Вышел с кухни и кивнул в сторону двери. Все-таки чего-то умудрился схоячить даже с раздутой щекой.

— Ой. Машина твоя. А как она тут? Ладно не говори, болит да? — Ваня нахмурился, садясь за руль своей машины, той самой, на которой ко мне приехал.

Да, про Егора он не знал, иначе смысл ему был ехать на своей машине и бросать её там,

потому что с ребенком таким маленьким на машине не поедешь двое суток.

— Вчера привезли. — всё же пояснил Иван.

— Смотри-ка, любовь какая к машине и десяти месяцев не прошло. Вернул любимую. — не удержалась от едкого комментария поглаживая переднюю панель явно любимого Ваниного авто.

— Как я мог ее бросить? Мы считай благодаря ей и познакомились. В этом салоне был мой первый раз. С розами я имею в виду, по харе. — с ленцой произнес Ваня, заводя свою ласточку.

— А я думала мы познакомились благодаря твоей невнимательности. И вообще, мы бы все равно с тобой познакомились. Я бы принесла тебе отчет. — напомнила Ивану, что все-таки встреча наша, так или иначе, состоялась бы.

— Не думаю, что обратил бы на тебя внимание. Меня твой пароль покорила. Хотя нет. Сначала ты меня мудаком обозвала, а потом и пароль. Мм. — Ваня расплылся в улыбке, которая вкупе с флюсом была мегасмешной, но мне было не до смеха.

— Ты помнишь? — удивленно спросила его, сделав усилие, чтоб прикрыть рот.

— Да, я, все помню Пчелка моя.

— Но про розы ты забыл. — резонно заметила я.

— Нет. Про розы я не забывал. Просто не понимаю я ваших этих бабских метаний. Сегодня люблю алые розы, а завтра нет? — спросил он недовольно.

— Да. Именно так. А что еще помнишь? — поспешила вернуть разговор в более мирное русло, ругаться уже действительно надоело.

К тому же прав Ваня в том, что мы небезразличны друг к другу. Все равно помиримся и вроде бы уже не рано, а главное, чтоб поздно не стало.

— Гнездо-бобину на макушке твоей. Помнишь, тогда в ресторане, в Гагарине, когда отшить меня пыталась? Ты, кстати, сильно рисковала, а если бы я отшелся, сейчас бы Егора в добрые папины руки не пристраивали. — слишком бойко начал рассказывать Иван, а я пригляделась и до меня дошло — как лохушку развели меня эти двое.

— Я бы сейчас тебе сказала что-то в стиле; — А у вас ус отклеился. — пробормотала соображая, чего делать-то?

Смеяться или побить Ивана, а может сначала выяснить, зачем меня обманом вытурили из дома?

— Что? Не понял тебя. — усмехаясь, Ваня отвел глаза и все он понял просто держался до последнего.

— Флюс у тебя из ваты или это бинт? — спросила ткнув пальцем в раздутую Ванину щеку.

— Эй! Ты чего! — он отбился от моего пальца плечом.

— Да ничего. Просто флюс ты не на ту сторону запихал. Он сорок минут назад был слева, а сейчас на правой стороне. — я уже не могла сдерживать смеха.

Иван

Все равно пришлось бы рассекретиться, потому что к стоматологу я и не собирался ехать, а тут так удачно все сложилось и Ирка сама обо всем догадалась. И судя по смеху совсем не злится.

— Ладно, ладно. Сдаюсь. Нет у меня флюса. — окончательно сдался.

— Ну и куда ты меня похитил? — все еще смеясь, спросила Ирка.

— Тапочки тебе покупать едем. Вчера не получилось.

— И ради этого весь спектакль? Сказал бы, я б и так поехала или сам мог купить. Вот как с платьями, сразу всю линейку размеров.

— Ага, а потом бы ты мне вот тут плешку проела, что я тебе не те тапочки купил? Да тебя не спросил? Нет уж! Сейчас поедем, и сама себе выберешь тапки и еще по мелочи, что там тебе нужно. А то вещей с собой ты немного взяла.

— Ну хорошо, допустим. А про флюс зачем врать? И кстати, Олег Егорович знает, что флюс ненастоящий? — Ирка прищурила глазенки и стала похожа на китайца.

— Да не знает он. А соврал на всякий случай, а то знаю я тебя. Отказалась бы ехать со мной. Упрямая Пчелка. — не стал закладывать папу, хотя идея-то с флюсом была его и с главной задачей — вывезти Ирку из поселка она справилась.

— Просто признайся, что ты жулик! Тебя хлебом не корми, а вот дай обмануть кого-то. — ткнув в меня пальцем, заявила Пчела.

Неужели опять двадцать пять и ругаться будем?!

— Угу. Еще парочка оскорблений будет? Или достаточно на сегодня? — глянул на Ирку серьезно.

— Да нет. Пожалуй, хватит. — буркнула и отвернулась к окну.

— Ну вот и славно! А то скоро Новый год. Корпоратив, елка, подарки. Без тебя прошлый Новый год и не праздник был вовсе. Тоска.

— Без тебя тоже. — опять буркнула и того гляди заплачет моя Ирка.

— Мы сейчас поплывем да? — спросил ее, а сам высматривал, где бы припарковаться.

— Что? — удивилась она.

— Реветь будешь?

— Нет. Не буду. — отвечает, а у самой уже глаза на мокром месте.

Быстро припарковался как попало у обочины, аварийку врубил.

— Смотри, тут тоже откос небольшой, не то что у вас в Краснокаменске, но нам и этот сойдет. Если точную траекторию зададим, ты вон об тот столбик лбом стукнешься. — показал Ирке на обочину, что уходила не резко, но все же вниз.

— Зачем? — шмыгая носом и утирая глаза, спросила Ирка ничего не понимая.

— Стукнуть тебя надо, как в прошлый раз.

— Не надо меня стукать. — выдавила из себя Пчела и разрыдалась в голос, пряча мордашку в руках.

Я-то идиот думал рассмешить ее, а вышло совсем наоборот.

— Ну да. И букета нет, бить меня нечем. План нарушен. Придется тогда сразу к поцелуям переходить.

Ирка и ахнуть не успела, а я уже перешел к тем самым поцелуям. На сей раз она не мычала, кулаками не отбивалась, наоборот, как-то сразу обмякла в моих руках.

Кажется, помирились.

Да нет! Точно помирились! Тапки только Ирке так и не купили. Поцелуй наш примирительный прервал папин звонок. Егор надрывался на заднем фоне, требуя вернуть маму обратно.

Привез Ирку домой. Пока ехали вцепился в ее руку как параноик.

— За тапочками завтра съездим. Егора с собой возьмем, потом погулять можно будет. — сказал Ирке, когда зашли в дом.

— Угу. — буркнула она, и кажись, опять собралась реветь.

— Ну что такое? — притормозил ее у шкафа, Егора было неслышно, стало быть, подождет свою маму еще маленько.

— Ничего. — пискнула Пчела, поджав при этом губы.

— Все хорошо? — спросил ее, прижимая к себе, на что она уперлась своими ручонками в меня.

— Угу. — с этим “угу” Ирка становилась похожа уже на сову, а не на пчелу.

— А чего ты реवेशь тогда?

— Я не реву.

— Ревешь. Причину можно узнать? Тем более раз все хорошо.

— Просто... обидно мне. Все хорошо и тогда все было хорошо. Че ты уехал тогда, раз все хорошо?! Ты все испортил... — Ирка стукнула меня в грудь, а потом врезалась в меня своей мордашкой, и мы снова поплыли.

Громко навзрыд, с трясучкой и соплями.

— Ничего, я все поправлю. — не ответил я на Иркин вопрос, опустил свои признания, что просто зассал как пацан.

Испугался, что вот-вот киселем растекусь, колпака испугался, а на самом деле уже сидел под ним. Только своим побегом от Пчелки, обеспечил себе одиночную камеру, а мог бы действительно хорошо проводить время и сына бы не прошляпил.

В прихожую заглянул папа. Он, поглядев на сие безобразие, молча покрутил пальцем у виска обозначая, какой я идиот, а потом показал жестами, что Егор спит, оставил у двери радионяню и тихонько удалился.

— Так, давай раздевайся, хватит в Водяного играть, пойдем чай попьем, а то у тебя нос холодный и руки вон тоже ледяные. Замерзла и молчишь. Заболей у меня еще!

— Я не могу чай пить. Там... мне к Егору надо.

— Сын спит. Пока ты тут нюнила и кисла, папа подходил, няньку нам принес.

— Какую няньку? — Ирка, утирая лицо, огляделась.

— Да вон ту. Беленькую, на батарееках. — указал ей, куда смотреть, она хохотнула, что меня очень порадовало.

Спустя пару минут, выгнав Екатерину Дмитриевну с кухни, сообразил для нас с Пчелкой чай и перекусить.

— Ой я не буду есть. Я не хочу. — Ирка отказалась от еды, оно и понятно, она-то позавтракала, а я нет.

— А я поем. С этим флюсом как-то не удалось, но оно того стоило, правда? — спросил Иру, чтоб не подумала своей прекрасной головой, что я только о еде и думаю.

— Необычное примирение. Я себе его как-то иначе представляла. — с улыбкой призналась Ирка.

Так, значит представляла. А то ненавижу! Не прощу! Хрен мне впаривала, а сама о мире думала хитрюга.

— У меня друг есть очень хороший, мы с детства дружим. Можно я его приглашу? — в другом бы случае, конечно спрашивать не стал, но Ирка еще минное поле, один неверный шаг и подорвусь.

— Егоркой хочешь похвастаться? — судя по довольной Иркиной морщине, она была не против.

— И тобой тоже. — а то Макс мне весь мозг склевал, требуя знакомства с Иркой.

— Может, на следующих выходных? А то так много событий за такой короткий срок. Прямо освоиться не успеваю.

— Хорошо. Посмотрим еще ближе к выходным. — про себя ликовал, хоть тут не накосычил и Ирка не укорит потом, что я ее не спросил.

После чаепития проводил ее наверх, Егор спал и при этом чмокал губами. Встали с Иркой у кровати, а до меня только сейчас дошло, что все наладилось. Мир восстановлен, моя Ирка уже точно моя. Накрыл щенячий восторг под руку с трепетной радостью.

Потискал еще немного Ирку, а она сама тоже не отставала. Завела меня зараза и погнала на работу, при этом что-то там про справку говорила и сорок шесть дней, но мой мозг не соображал на тот момент.

А потом стоял в пробке и думал вот о чем, ну ладно щенячий восторг, собака у меня была и что это такое я примерно знал, а вот трепетная радость — это что за херня и откуда эти словечки в моем мозгу всплывают?

Ирина

Выходка Ивана просто не оставила мне шансов на очередное сопротивление. Все-таки это уже непросто попытки тупо купить меня, а какой-никакой, но поступок. Да и к тому же чего греха таить, соскучилась я по нему. Как тут брыкаться, когда наоборот, к нему прижаться хочется?

Конечно, обида никуда не делась, но хотелось верить, что Иван действительно сдержит свое обещание и все исправит. Тем более уже и спрашивать учиться, вон и про тапочки, и про гостей, что также летело в графу плюсы Ивана. Естественно, я понимала, что минусы Ванины никуда не делись и их немало, да и не исправить их на плюсы за пару недель. Возможно, на это уйдут даже годы, но я к этому неожиданно для самой себя была готова.

Необычное примирение вылилось в прилив жизненной энергии. А куда ее деть эту энергию, когда по дому всем заведует тетя Катя? Бока я уже отлежала от безделья, за эти пару дней, что тут провела. Не дом, а санаторий прям. Пока Егор спал, я спустилась вниз и отыскала коляску. Привезли ее уже давно, но она так и стояла в упаковке, а сегодня дождалась своего часа.

Красивая коляска, хоть и тёмно-серого цвета, понравилась мне не меньше, чем та белая, которую нам отдал Аркадий Сергеевич. Я быстро справилась с ее распаковкой, и мы с Егором собрались на нашу первую настоящую прогулку. За ворота дома коляску со спящим в ней сыночком я выкатила без всяких проблем, хотя еще сомневалась, что меня выпустят. А то мало ли что там Иван надумал. Может, я до нашего с ним применения была под домашним арестом и меня не успели амнистировать. Но как бы то ни было, сейчас я об этом уже не узнаю, потому как спокойно качу коляску в сторону большой детской площадки, которую уже не раз лицезрела из окна машины.

На удивление, обычно пустая площадка, когда бы мы мимо нее не проезжали, на этот раз имела посетителей. Вокруг детского городка друг за другом носились два мальчика в одинаковых курточках, по всей видимости, братья, а на лавочке напротив, сидела девушка и покачивала туда-сюда розовую коляску.

— Я вам не помешаю? Меня Ира зовут. — девушка кивнула с лёгкой улыбкой, и я подседа к, то ли маме, то ли няне.

Пока сие было неясно.

— Я Ольга. — она мило представилась и почему-то у меня не осталось сомнений что это няня.

Никак такая приветливость не вязалась с той надменностью мамочек, которые были у нас на празднике.

— Очень приятно познакомиться. А то я тут совсем недавно, никого не знаю. — начала завязывать разговор.

Разговоры с мамой и подругами по телефону это, конечно, хорошо, но живое общение было мне тоже необходимо.

— Аналогично. Вот буквально неделю назад переехали сюда. Вообще-то, мы из Питера, но муж сюда решил перебраться. Бизнес. А вам сколько? — Ольга кивнула на коляску.

— Месяц исполнился. А вашим? — молодая выходит многодетная мама вызывала у меня восхищение.

— Крошка совсем. Нашей Анечке десять месяцев скоро будет. А Глебу скоро два года, а Андрюшке в апреле будет четыре. А вашего как зовут? Мальчик же? — новая знакомая оказалась довольно общительной, что меня лишь радовало.

Обзавестись тут если не подругой, то хотя бы хорошей знакомой, да еще так быстро, для меня было удачей. И мое и без того хорошее настроение стало еще лучше.

— Мальчик да, Егор. — с радостью ответила.

Тут, наверное, любая мама меня поймет, о своем ребенке можно говорить часами.

Тут один из мальчиков подбежал к нам и поправляя сползшую шапку, громко заявил;

— Мама! Я есть хочу!

— Тогда пойдем есть. — Ольга поднялась с лавочки.

— До свидания. — поспешила распрощаться, хотя немного расстроилась, гулять в одиночку неинтересно.

— А пойдем с нами? Ну чего ты тут одна сидеть будешь? Пообедаем вместе. Дети в колясках на веранде поспят, там свежий воздух. Пошли. — Ольга стала зазывать меня к себе.

— Да неудобно как-то. — промямлила чисто из вежливости, самой то неохота было сидеть в одиночку на пустой детской площадке.

— Неудобно спать на потолке, одеяло падает! Пошли! — на этот раз Оля уже требовательно потянула меня с лавки за рукав куртки.

— Хорошо. Только я обедать не буду просто чай попью. — поднялась, соглашаясь с лавочки.

— Грудью кормишь? — вдруг спросила Ольга.

— Мм да. А что?

— Тогда обедать придется, да ты не переживай, у меня все, что нам, кормящим можно. Анька никак есть прикорм не хочет, молочная душа оказалась. Еще и сыпет на все подряд, уже считай год сижу на диете. То нельзя и это нельзя.

— А я все ем что хочу.

— И не сыпет? — почти возмутилась Ольга.

— Нет. — честно призналась я, хотя теперь засомневалась о правильности своего питания.

— Правда, я с Андреем тоже все ела и ничего. — это Ольгино заявление меня успокоило.

Как оказалось, Ольга с мужем и детьми жила совсем неподалеку от дома Ивана. Дошли мы быстро, даже несмотря на то, что Ольгины мальчишки все время лезли то в кусты, то что-то делили. Коляски со спящими детками поставили на веранде у больших панорамных окон, так что, сидя за столом мы с Ольгой могли видеть и слышать, когда Егор или Аня проснутся. За время драгоценного детского сна мы успели с Ольгой пообедать, и поболтать. Но когда Егор проснулся я засобиралась домой, так как даже переодеть мне его было не во что. Подгузников я с собой, понятное дело, не взяла, при такой температуре на улице его бы переодевать все равно не стала, да и до дома рукой подать.

— Давай телефонами обменяемся. — сказала Ольга, уже провожая нас за ворота.

— Ой. Запиши мой, а то я свой дома забыла. Позвони мне я сейчас домой приду и запишу его. — похлопав себя по карманам, сообразила, что телефончик-то на кровати забыла.

— Окей.

Я продиктовала Оле номер своего телефона, а она, сделав короткий звонок, быстро со мной попрощалась и убежала к своим, как она сказала, пока ее бандиты не лишили ее домработницы.

Дома меня встретила переполошенная тетя Катя, не успела Егора из коляски достать.

— Ирочка беги скорей, звони Ивану, он потерял тебя. Ты на обед не пришла, трубку не берешь, на территории поселка тебя нет. Ты где была-то? Сейчас приедет злой. — последнее было сказано шёпотом.

— Я в гостях была, подумаешь телефон дома забыла, сейчас позвоню ему. — взяла сына на руки и пошла наверх.

Тоже мне пропажа века. И куда б я делась интересно без рубля в кармане и без документов на сына.

Зашла в комнату, глянула на экран телефона... сорок шесть пропущенных и из них сорок пять от Вани и один от Ольги. И пока я соображала, как его успокоить, он опять позвонил. Приняла вызов храбрясь.

— Егора покормлю, перезвоню. — быстро выпалила пока он не начал на меня орать и сбросила вызов, услышав напоследок лишь недовольное Ванино сопение.

На самом-то деле если бы Иван звонил мне, то уже давно был в курсе, что телефон мой с рождением Егора, окончательно и бесповоротно перешёл в беззвучный режим, и дозвониться до меня не так-то просто. Даже если бы я не забыла телефон дома, то вряд ли бы ответила на его звонки.

Пока переодевала и кормила сыночка, не могла ни о чем другом думать. Зная характер Ивана, наверняка будет очередной скандал. Только вот мне никак не хотелось скандалить. Подумаешь, ушла на полтора часа гулять, на звонок не ответила. Слон из мухи какой-то. Я обдумывала наш с ним разговор и как перевести его в мирное русло побыстрей.

Но сын после полноценной прогулки на свежем воздухе хорошо поел и был крайне общителен, так что какие тут могут быть звонки и разборки? Улыбающийся мне Егорка полностью поглотил мое внимание, играла с ним лежа на кровати, и про Ваню, и обещание ему позвонить, как покормлю ребенка, я просто-напросто забыла.

Вспомнила, когда Ваня уже на пороге комнаты возник. Похож он был на бычка из мультика. Раздувались его ноздри так же, разве что копытом не бил и пар из ушей не шёл, а так полное соответствие с мультяшным героем.

Про себя я сказала: “ Ой!”, а Ване совсем другое.

— Булочку купил мне? — спокойненько так, так с психами разговаривают врачи.

Ну раз угораздило меня втрескаться в этого психа нервного и параноика, то придется быть доморощенным психиатром.

— Булочку? — Иван был полностью дезориентирован моим вопросом, и похоже, и вовсе не мог сейчас вспомнить, зачем он зашел.

— Ты что, про булочку забыл? — было очень сложно изобразить разочарование и обиду в голосе и на лице, потому что было невероятно смешно наблюдать за мыслительным процессом в Ваниной голове, который забавно отражался на его лице.

Бровки то хаотично гуляли в разные стороны, то сходились на переносице, губы Ваня поджал, а глаза его убежали в потолок. Видимо, он силился вспомнить про ту самую булочку, про которую, вероятно, думает, что забыл, только вот я не просила его покупать мне ее. Но это неважно, главное, что факт моей пропажи отошел на последний план, а может, и вовсе уже был, позабыт.

— Нет. А ты какую булочку просила? Я просто тебе как раз и звонил, чтоб уточнить. — Ваня так и стоял на пороге комнаты, врал не краснея, но кажется, собрался за той самой булочкой.

— Любую. Но если будет ватрушка с творогом, то вот ее. Две. Нет. Три. — пока спасала наш с Ваней мир мифичной булкой, захотелось реальной и именно ватрушки.

— Хорошо. А что у тебя с телефоном? И вообще, где ты была-то? — Ваня уже был спокоен судя по голосу так точно не бесился уже.

— Телефон в беззвучном режиме, ребенок ведь спит часто. А мы с Егоркой были в гостях, я на детской площадке с мамочкой познакомилась, они тут неподалеку тоже живут. Не сидеть же мне в четырех стенах с ребенком? — спросила Ваню с укором, а то с него станется, запрет еще меня этот параноик в доме.

— Ир ну нет, конечно, а вот с телефоном надо что-то сделать. Может, в режим вибрации поставить? Я думаю, Егор от этого не проснется. — Ваня подошёл таки к кровати и взял на руки сына.

— Здорова мужичок! — и оба улыбнулись друг другу.

— В моем телефоне эта функция недоступна. Я просто его один раз в чай уронила, вот и отказала сия система, хорошо хоть сам работает. — покрутила в руках свой гаджет хоть и модный, но уже пострадавший от меня — криворукой.

— Ну-ка дай-ка посмотрим. — Ваня уже ловко держал Егора одной рукой, а второй выхватил у меня телефон, покрутил его в руках и вернул обратно.

Сначала телефон всучил, а потом и сыночка, предварительно звонко расцеловав его щечки.

— Я за булочками. Скоро буду. — отчеканил Ваня, и мне тоже достался поцелуйчик.

— А я Егора спать уложу и буду ждать тебя на кухне. — предупредила его на всякий случай чтоб опять меня не потерял, а то от первого раза еще мужик явно не отошел, второй раз за день потеряет, мне и булочки не помогут.

Иван

До обеда работал еле-еле, так как все мысли, понятное дело, были об Ирке моей. Позвонил ей на обеде, а она трубку не берет, при всем моем хорошем настроении, меня такой поворот событий, вообще, не устраивал никак. Че за хрень мать твою?! Трубку бери! Но что мои желания? Хоть башкой в стенку впечатайся, а Пчела мне так и не ответила. Тогда позвонил Катерине Дмитриевне, узнать, где Ира есть, вообще, именно в этот момент и промелькнула тревожная мысль, что меня Ирка тупо намотала вокруг колена. Заставила поверить в наше с ней примирение, усыпила бдительность мою, а сама моего сына в зубы и бежать.

Когда домработница сказала мне, что Ирка ушла гулять с Егором и на обед не явилась, я уже сорвался с места, отправив охранника Витька проверить территорию, может, она просто загулялась, посёлок — то хорош и парк имеется с кучей белок, а Ирка — это не Мила, могла она как раз на этих белок залипнуть. Вот пока ехал домой весь в мыле, набирая по возможности Ирку, старался думать именно так, потому что если это действительно побег, то добреньким я уже для нее точно не буду. Найду и прибью, а потом под замок посажу и даже заступник ее папенька мой ей не поможет.

Наверное, так бы и сделал, даже если она просто на белок глазела, просто, потому что напугала меня до усрачки и чтоб неповадно было, но Витька ее не нашел. Не нашел! Как я в аварию не попал один черт знает, а летел я домой так, словно там вся моя жизнь и не доеду вот сейчас же, то точно кони двину. Хотя понимал, что глупо ехать туда, где Ирки уже нет и Егора моего нет. Что надо, наверное, к ментам идти или что там в таких случаях делают? Да я готов был уже развернуть машину и мчаться в ближайший отдел полиции, но долбанные гудки наконец-то сменились Иркиным голосом.

— Егора покормлю, перезвоню. — протараторила Пчела и скинула звонок мой.

Я даже не понял, она где вообще?! Спросить даже не успел! Для этого опять пришлось звонить Екатерине Дмитриевне, она-то и уверила меня как психа ненормального, что Ира дома и Егор дома, что в какие-то блядь гости они ходили! Без году неделя в Москве, а уже по гостям мотается и нервы мои мотает мне! Хорошо мозгов хватило отцу нервы не трепать, а то мог бы и ему сообщить о пропаже.

А Ирка точно надо мной издеваться решила. Мало того, трубку не брала, гости видать дороже, так еще и все не перезванивала, как пообещала. Хотя пока я по пробкам пробирался к дому, уже Егор пять раз поесть бы успел. Но оно, пожалуй, и к лучшему, при личной беседе получится более доходчиво объяснить Ире, что к чему и чтоб не смела мои звонки игнорировать.

В детскую комнату поднимался в полном раздрае и с отчетливым ощущением, что на

моей шее Ирка сидит, ножки свесила и ликует. Трубки не берет и по гостям с моим сыном без спросу таскается. Теряется среди бела дня и уничтожает кучу моих нервных клеток за один раз. Столько всего высказать ей хотел, а открыл дверь, Ирку увидел с Егором на кровати копошится ну чисто кошка с котенком хоть и пыхтел еще, а слова все нехорошие потерялись. Да и смысл этих слов тоже Пчела-то тут и сын на месте.

А когда про булочку от Ирки-Кошки услышал так, вообще, в осадок выпал. Ирка булочку просила, а я и не помню этого вообще. Да как там про булку запомнить, и вообще, вникать, что она там бормочет, когда одна мысль в голове крутилась, как мы Егора спать уложим, а потом я Пчелку уложу в кровать, но не спать.

Сам даже не понял, как вместо душещипательной беседы на тему телефонных звонков с Пчелой, оказался в хлебном.

— Ватрушки свежие есть? — с ходу спросил продавщицу этого самого местного хлебного магазинчика.

Ни разу в нем и не был. По продуктам Катерина Дмитриевна заведует.

— У нас всегда всё свежее. — заявила строгая тётка в белом чепчике на голове, ну вылитая Ирка моя, лет через дцать, такая же вредная!

Блядь! Что за жижа вместо мозгов в моей голове?!

Мысли дебилные. Стою в хлебном ларьке впервые за десять лет и продавщицу разглядываю, да еще и с Иркой своей равняю. Выдохнул. Вдохнул. Вспомнил, что я сюда за ватрухами пришел, а точнее, сотню метров от дома проехал.

— Десять штук! — достал карту, чтоб расплатиться, и прикинул, где бы телефон купить, но выезжать за пределы посёлка страшно не хотелось.

Телефон тут же решил купить завтра.

— Три последние. Их в первую очередь разбирают.

— Плохо. Три давайте. — Ирка три просила, чай поделится не жадина вроде.

Забрал у тётки булки и поехал обратно.

— Быстро ты. — Пчелка как раз спускалась по лестнице, когда я вернулся.

Приятно, когда тебя встречают, да еще и с искренней улыбкой. Радостно, что ли. Хорошо и так удачно все же Ирка с этими булками встряла в мои планы устроить разбор полетов, а то вот чего бы я ими добился? Ну точно не такой радости.

— Я только ватрушки тебе купил, телефон завтра привезу, а то пока туда, потом

обратно уже будет поздно. А я соскучился, да и так работы валом, сегодня не особо поработать удалось, так что завтра задержусь.

Не стал дальше грузить Иру всякой рабочей ерундой, просто, поймал ее на последней ступеньке и в обнимку уже пошли на кухню с ней.

— Мм. Вкуснятина. — Пчела выхватила пакет у меня и сунула туда свой нос.

Сладкое удовольствие наблюдать эту детскую непосредственность смешалось с горькой мыслью, что целый год почти мог от этого кайфовать. И на лестнице с улыбкой Ирка встречала бы меня не раз и по дому бы шлепала босыми ногами, а я бы ругался! А сейчас волосы на затылке так неприятно шевелились от мысли, что этих “бы” будет еще до хрена-хренища!

— Ты бы хоть носки одевала, что ли. Как ты босиком ходишь? — бля я еще и в деда ворчливого превращаюсь.

Шнырь за булками и ворчливый дед, а это по ходу дела еще не предел.

Не зря держался столько лет, против этой заразы.

— А что? Чисто и тепло, там ковры, тут полы с подогревом. — не понимая моего возмущения, Ирка пожала плечами и уселась за стол.

— Сайт тебе покажу, выбери там себе тапочки, карточку дам. Я думаю, ты разберешься.

— Ладно. — согласилась так, словно одолжение мне делает, а сама уже в пакет сунулась и ватрушку трескает, нос в сахарной пудре измазала.

Чучундра.

— А че это? Меня кормить в этом доме будут? Я с работы уставший и голодный. — наконец-то до меня дошло, что как-то неправильно все.

Кручусь как кухарка на кухне, передника еще не хватает. Избаловал Ирку, пока прощения добивался.

Сел за стол, забрал у Ирки пакет с ватрухами оставшимися.

— Сейчас покормлю. Так бы сразу и сказал. Просто ты все сам да сам, вот я и не лезу. А ватрушки мои не трогай! Дай сюда! — только пальцы в сахарной пудре испачкать успел, а хлебобулочного изделия даже не понюхал.

— Жадина.

— Appetit перебьешь. И вообще, я просила три, ты и купил три, значит, они все мои.
— Ирка прибрала бумажный пакет подальше от меня, а сама загремела кастрюльками-тарелками.

Пока я обедал, Ирка пила чай. А как попила, так свернула оставшуюся ватрушку и довольная собой, чего и не скрывала вовсе, заявила;

— И не вздумай съесть ее! — стрельнула еще глазенками своими карими в меня и заныкала пакетик в шкафчик.

Смешная. Еще б куски хлеба под подушкой прятала.

— Не. Я и так объелся. Спасибо. — прихватил радионяню, готовясь к самому важному пункту сегодняшнего вечера и ночи.

— Мне то за что? Это тетя Катя готовила. — Ирка включила воду и начала намывать кружку.

— Кто-кто готовил? Посуду не трогай. — поднялся из-за стола, потянул Ирку за собой, еще не хватало, чтоб посуду намывала.

— Ну не могу я ее Екатериной Дмитриевной звать. Как-то слишком официально.

— Не думал об этом. А Екатерина Дмитриевна что? — действительно, чего мы ее так официально?

Я думал всегда вроде как из-за возраста. Витек вон просто Витек, но он молодой раздолбай, его даже Виталием не назвать.

— Опасается, что ты или папа твой ругаться будите. Поэтому при вас уговор на официоз.

— Ну папе моему тетей ее звать точно будет неудобно, а я привык уже к официозу. И раз уж вы обе не против, то как угодно вам. Только посуду не мой, Екатерина Дмитриевна за это зарплату получает, и вообще, там посудомоечная машина есть.

За непринужденной беседой вел Ирку в свою временную комнатушку. Пока Егор спит, можно начать настоящее примирение пораньше.

— А мы что к тебе? — спросила удивленно Ирка, и невинно похлопала ресницами, когда уже завел ее в свою комнатушку.

Не ахти, конечно, но главное, кровать имеется и от Егорки неподалеку.

— Ко мне, ко мне.

Только прикрыл дверь и тут же прошелся по Иркиной шее, стараясь как можно быстрее стянуть с нее домашний халатик.

— Эй! Потише! Ты чего? — Пчела одернула, поправила платье, взгляд у нее был недобрый, хотя шейку свою она мне добровольно подставляла.

Совсем не понял этого финта.

— Я соскучился, а ты, что меня продинамить решила? Мы разве не помирились? — спросил как мог спокойно, но внутри уже псих брал.

Что за детский сад ей-богу!

— Помирились. — подтвердила Пчелка, даже улыбнулась мне.

— А что тогда? У тебя эти дни, что ли? — не вовремя как.

— Видно, ты меня совсем не слушал сегодня, когда лапал все мои выпуклости! — Ирка фыркнула и ловко улизнула от меня и из моей комнатухи.

Даже толком ничего не объяснила.

Да бормотала там что-то, и видимо не только про булки. Но куда мне здоровому мужику, да еще и при таком долгом воздержании, слушать, что она говорит? Побыстрее потрахаться хотелось, а не вникать в Иркину болтовню.

Пытаться вспоминать не стал, гиблое дело. Просто рухнул на кровать мордой в подушку. Кажется, не сегодня.

— Вот. — Ирка вернулась, присела на край кровати и подсунула мне бумажку.

Пришлось еще фокусировать взгляд, чтоб вникнуть. Понял только слово справка. Оно было напечатано, а вот те каракули ниже, от руки и не разобрать вовсе.

— Что тут написано? Я не могу разобрать ни буквы. — сел рядом с Ирой, раз уж она вернулась, то может, хоть что-то прояснит мне.

— Нельзя мне. Я еще после родов не восстановилась. А это справка от врача. А то еще подумаешь, что я вру. — последнее было сказано с обидой в голосе.

— Это ты мне сегодня утром говорила? — решил уточнить на всякий случай.

— Угу. — буркнула Ирка и окончательно надулась.

Вот обычно дальше мы плыть начинаем, а мне этих ее слез Пчелиных видеть страшно не хотелось.

— Прости. Я действительно ничего не слышал. — притянул Ирку к себе; — Целоваться-то нам можно? — спросил ее, а глаза мокрые, от обиды это сто процентов.

— Можно. — смахнула-таки слезинку, но хоть одна, а не сотня и то прогресс и к тому же Ира улыбнулась мне.

— Тогда иди сюда Пчелка моя, я тебя зацелую! — завалил Ирку на кровать и принялся целовать, и самое приятное она мне отвечала, даже несмотря на обиду за мой косяк.

Жесть, конечно.

Я ее не только целовать хотел, я все хотел. Много и долго, а сейчас просто целовал ее.

К тому же еще и лохонулся конкретно, не спросил ее, когда можно то будет, и в каракулях тех не разобрать.

Ирина

Да! Про себя я потирала победно ручки. Похоже, Ваня хоть и немного, но все же побывает в моей шкуре. Желание во время беременности благодаря гормональной атаке было очень сильным, а не с кем хоть на стенку лезь. Вани, понятное дело, рядом не было, а кого-то другого даже представить в мыслях с собой не могла. Так, и промучилась почти до самых родов на крайнем месяце, правда, было совсем не до этого, еле ходила, не спала толком, так что какой там секс. Мысль была уже одна, поспать и исключительно на животе!

— Ой Ирааа! Долго там еще это восстановление? Ты не подумай только ничего, восстанавливался сколько нужно просто так, хотя бы примерно знать, к чему готовиться. — Ваня прервал наш уже страстный поцелуй и подскочил с кровати.

Тяжко бедолаге. А мне приятно.

Не в смысле что ему тяжело, хотя и это тоже, приятно что он хочет меня как женщину. Видимо, действительно любит, что ли. Правда, он этого еще не говорил.

— Тринадцать дней. Если по справке, но вообще, лучше еще у врача проконсультроваться. — вот еще теперь гинеколога нового искать, а я к Майе Петровне привыкла...

— Слушай, я сейчас тебе ноутбук принесу, ты там в интернете сама пошарься, найди клинику, врача. Запишись, когда тебе удобно будет, а я тебя отвезу, мне только заранее знать дай, а то работа...Пойду я в душ схожу пока. Ноутбук занесу. — Ваня чмокнул меня и свинтил в ванную комнату.

Видать, совсем припекло, что решил спастись бегством.

Вернулась к Егору, он еще спал, и я прилегла отдохнуть, незаметно и сама заснула. Разбудил меня Ваня. Щекотал мой нос прядью моих же волос. А когда я открыла глаза тут же спросил;

— Ир, а у тебя права есть? — улыбнулся еще так, как кот сметаны объевшийся.

— Конечно, есть. У каждого человека есть не только обязанности, но и прааа. ой...ва. Давай об отмене крепостного права за ужином поговорим? — глаза мои опять закрылись, видимо, за долгое время я впервые успокоилась по-настоящему, спало нервное напряжение и организм наконец-то мог восполнить свои силы за счет крепкого сна.

— Дурочка. Я ж про права на вождение автомобиля спрашиваю. — смеясь, пояснил более детально смысл своего вопроса.

— Неа. Нету. А тебе зачем? — какие права на вождение?

Было бы чего водить, а так разве что на тележку в магазине продуктовом.

— Ну как зачем? Я тут подумал, машину тебе надо. И вот у меня джип чёрный, а тебе белый. Здорово? — как-то это прозвучало мило и романтично, что ли.

Совсем на Ваню не похоже. Мне, вообще, казалось, что он готов меня дома запереть под замок, а тут машина!

— Да, если дашь мне поспать. — согласилась с ним, хотя на самом деле не могла представить себе, как можно управлять такой дурой как у Ивана, ну ему то нормально, а мне если и машину, то машинку-козявку маленькую, раза в два меньше.

Но обсуждать это сейчас не было никаких сил.

— Спи. Ноутбук оставил на столе. — шепнул мне на ухо, одарил мою шею поцелуями и был таков.

И как водится, сон ушел вместе с Иваном. Еще и ноутбук спать не давал. Мой-то дома остался в Краснокамске. С телефона, конечно тоже можно в соцсетях поторчать, но это не то. Решительно поднялась с кровати и отправилась вниз на кухню. Уже предвкушая, как усядусь за ноутбук, с ватрушкой и большой кружкой горячего чая.

— Ты же спать собиралась? — на кухне помимо тети Кати, занимающейся ужином, у холодильника толкался и Ваня.

— В общем, я поняла, что я все равно не засну и потом ватрушка моя меня тревожит. Не могу я её оставить с тобой наедине. — призналась со смехом.

— Я даже не знаю, где она у тебя заныкана. — возмутился Ваня и дальше нырнул в холодильник.

— Вот зачем вы себе аппетит портите? Скоро ужин буду накрывать. — тетя Катя покачала головой, чем очень напомнила мне маму.

А я соскучилась по ней. Надо бы позвонить, обиду держать на нее уже бессмысленно, с Ваней-то в итоге мы нашли общий язык и все наладилось.

— Ну-ка расступитесь молодежь, я тоже аппетит себе испорчу. До ужина не дотяну. — еще и Олег Егорович зашел на кухню, и потеснил Ваню у холодильника.

— Олег Егорович, может ужин перенести на час раньше? — спросила тетя Катя, а я забыла про чай, ноутбук и ватрушку.

Не хотелось уходить с кухни. Тут было так уютно, что ли. А может, я просто по людям соскучилась пока с Егоркой дома сидела. Бездетные подружки не особо-то захаживали ко мне, а телефонное общение — это совсем не то.

— Тогда наша Ирочка точно будет ужинать в гордом одиночестве. Вы же у нас не первый год работаете, часто вы нас за ужином дома видите Екатерина Дмитриевна? — усмехнувшись, спросил Ванин папа, подмигнув мне при этом.

— Это верно. Нечасто. — согласилась тетя Катя.

— Я тебе чай сделал, где ватрушку свою заныкала? — Ваня уже и поднос соорудить успел, причем на двоих, только у него был кофе, который мне только нюхать можно.

Юркнула к шкафчику, достала бумажный пакетик с вкусняшкой.

— Я что один тут аппетит портить буду? — возмутился Олег Егорович, увидев, что мы уходим.

— Да. — невозмутимо ответил Иван, лавируя с подносом мимо отца.

Я же только пожала плечами и пошла за Ваней.

— Ты же не против, если я с тобой ночевать буду? Я вам с Егоркой не помешаю? — уже будучи в детской, спросил Ваня, ставя поднос на стол.

— Это скорее мы тебе мешаем, Егор у нас, конечно, спокойный мальчик, но иногда и он просыпается по ночам и капризничает. Животик, колики, все дела. — я даже не думала отказывать Ване просто предупредить хотела, по-хорошему.

— То есть ты против? — в Ванином вопросе слышалась четкая нота недовольства.

Да тут работы непочатый край. Параноик в буйном цвете.

— Я? Я такого не говорила. — сделала круглые глаза, не успевая сориентироваться, тут еще и Егор проснулся.

— Я буду помогать. — серьезно заявил Ваня и направился напрямиком к кровати, приговаривая; — Ты его только корми, а переодевать, спать укладывать буду я, а то меня и так часто дома не будет, забудет папку.

За две недели Иван плавно, но, верно, перебирался в детскую. Самое смешное, что по факту только многочисленными вещами, его же самого тут практически не было. Уходил рано утром, возвращался поздно вечером, но всегда с цветами, каждый раз это были разные букеты. Весь дом ими заставила, чем была довольна не только я, но и тетя Катя. Правда, заявленной помощи с Егором я так и не дождалась, что было неудивительно. Спал Ваня как

хорёк, крепко прижимая меня к себе. Выбиралась из его цепких ручищ, а будить и требовать обещанного наглости не хватало. Работает мужик, чего его тревожить? Тем более что первый и похоже последний мастер-класс по смене подгузника закончился плачем Егора и трясущимися Ваниными руками. Сильно расстроился, что неуклюжий он и сына до слез довел. Пришлось успокаивать поцелуями сначала Егора, естественно, а потом и папу Егора.

Кстати, Ваниного отца тоже дома почти не было, поэтому у меня не возникало сомнений в том, что это работа.

Да и какие сомнения? Некогда мне было сомневаться. Все две недели я и сама была занята от и до. К Егору приходила массажистка, потом мы гуляли с Ольгой и детьми, а еще я ознакомилась с покупками в интернете, мне было чем заняться.

Наконец-то настал день икс, я получила дозволение гинеколога на допуск к телу, так сказать. Правда, к врачу и обратно добиралась на такси, сказать Ване, как он об этом просил просто не получалось. Но оно и к лучшему, будет ему сюрприз.

Пока Егорка посапывал после вкусного молочного обеда, я открыла ноутбук, который Ваня мне щедро отдал в личное пользование и зашла на сайт нижнего белья “Женский секрет”, который обещал доставку в день заказа в течение пары-тройки часов. А это самое то, что доктор прописал.

И вот уже ночь на дворе, Егор крепко спит, комплект из кружевной маечки и таких же трусиков стоящий неприличных денег уже на мне, постель стынет, а Ивана все нет, телефон отключен. Притоптала все ковровое покрытие стоя у окна в ожидании, когда же вернется Ваня. Могла бы спросить Олега Егоровича, где его сын, но тот тоже поздно вернулся домой. А я, тогда как раз укладывала Егорку спать, а когда освободилась, его уже не было в гостиной.

Мне проще было думать, что у Вани какой-то деловой ужин, чем потревожить его отца в столь поздний час.

А вернулся он лишь под утро. Сильно пьяный, приехал на такси и пошел не к нам с Егором, а ушел в комнату напротив. Вот и покуролесили. Переделалась обратно в пижаму и легла спать. Утро вечера мудренее.

Только вот утром никакая мудрость мимо не проходила. Я вскочила с постели рано утром, Егору спать еще от силы полчаса, а мне хотелось устроить разбор полетов. Я же старалась и все напрасно, да и вообще, накрутить себя успела пока засыпала. Все то, о чем я даже не думала эти две недели, полезло в мою голову разом.

Наспех умылась и направилась к Ивану. Он уже не спал, как ни странно, вскочил так же рано, как обычно, и был в душе судя по шуму воды. Оставил только после себя стойкий запах перегара на всю комнату. Видимо, поэтому и решил спать тут, а не со мной, чтоб Егор не опьянел от этих алкогольных паров. Какое благородство, даже в пьяном угаре подумал обо

мне и сыне. Недолго думая, стянула с себя пижаму, за женским кружевным секретом возвращаться времени уже не было, поэтому зашла в ванную комнату голышом.

Удача была на моей стороне, Ваня был в душе, а душ — это так романтично. Совместим приятное с полезным. Забралась в кабину и ахнула.

Вода была ледяная.

— Ой. Сейчас.

Ваня быстро отрегулировал воду до горячей температуры, но я все равно успела околеть.

— Доброе утро, Пчелка. — довольно промурлыкал он и прижал меня к себе.

— Доброе. — обхватила Ванину шею руками, чем он тут же и воспользовался.

Подхватил меня и прижал к стеклянной дверце.

— Я правильно понимаю? Нам уже можно да? — медленно спросил Ваня, лаская взглядом, а к себе так прижал, что дух захватило.

— Да... — еле выдавила из себя, потому что несмотря на мой смелый шаг в душевую кабину, все же было боязно.

Как оно все будет, после рождения ребенка. Я почему-то решила, что будет как минимум больно.

— Я буду очень осторожным... Если что-то не так, не молчи. — попросил Ваня и только за одну эту фразу я уже готова была ему всю душу свою отдать.

И он действительно был осторожным и совсем не торопился. Долго целовались с ним просто потеряли счет времени в этих ласках. Вошел Ваня в меня без всякого предупреждения, но осторожно, даже замер в ожидании моей реакции, а я подалась вперед. Было приятно, совсем не больно, никакого дискомфорта.

— Все хорошо... — шепнула ему и только тогда он начал движение.

Я только и могла, что подаваться навстречу его плавным толчкам и стонать во весь голос, совсем не думая, что нас могут слышать. Иван успевал все сразу, и целовать и облизать меня даже успел. Вроде как капли воды слизывал, но я-то знаю уже что капельки тут ни при чем. Он кончил, я взорвалась судорогой оргазма, совсем неожиданно осознав, что без защиты и все в меня. Но указать на эту оплошность Ване сейчас, не было никаких сил. До кровати бы пойти.

— У меня коленки дрожат, я сейчас грохнусь. — висела я на Ваниной шее, а ноги мои

меня едва держали.

— Недопустим такого безобразия! — задорно крикнул Ваня, и выбравшись из душа, подхватил меня на руки.

— Ты никуда не уходи, жди меня тут.

— Хорошо.

Я улыбалась во весь рот, в животе бабочки порхали, Ваня укрыл меня голую одеялом и вернулся в ванную комнату, дверь оставил открытой. Вытирался и веселил меня задорным танцем, качая бедрами влево вправо. Я смеялась. А потом у Вани зазвонил телефон.

— Пчелка, это будильник, смахни его, телефон там. — он указал на пиджак, что валялся на тумбе, а сам так и танцевал насвистывая.

Это было похоже на стриптиз только наоборот. Ваня не раздевался, а одевался. Как же ему шли брюки без рубашки. Мм. Даже губу закусил от удовольствия, и Ваня это заметил, подмигнул мне. Кое-как оторвала от него взгляд, отвлеклась на этот чертов пиджак. Вот только шаря по карманам, вместо телефона нашарила женские трусики.

Сердце пропустило удар, лицо мое загорелось так, словно в него кипятка плеснули. И я задышала как бык на арене, только все равно задышалась. Обида, гнев, отвращение, все разом на меня полилось, как в помойку опустили. Я как была в чем мать родила, так и рванула в детскую.

— Блядь! Ир это не то, что ты думаешь! — послышала в спину.

И это тупость была словно еще один ушат грязи на голову.

Успела закрыться, но этот кобель даже и не пытался соваться ко мне.

Все сразу встало на свои места. И эти его задержки и все, а еще, я ведь себе все представляла иначе. Бешеную страсть как минимум. Ведь столько сдерживался. А оказывается, ни хрена и не сдерживался. Кобель треклятый, чтоб у него все там отсохло!

Накинув халат, заглянула в кроватку, и заскулила. Егор спал, но вот-вот проснется, уже вошкается. И не поплакать даже. Но надо было что-то сделать, выпустить как-то пар. Но как?!

Пошарила глазами по комнате, кружевной комплект, что купила наивная идиотка и стал моей жертвой. Драла его голыми руками так, словно это Ванина нахальная морда. И себя всяко разно обласкала, за то, что сама же к этому быку осеменителю в душ залезла.

Потом смыла в унитаз остатки кружевной роскоши, смыла с лица слезы и подошла к кроватке. Егор проснулся, а увидев меня, заулыбался. Тут же отсекала все эмоции в сторону,

четко понимая, что я не хочу, чтоб всякие твари лишили меня радостных моментов. Хочу помнить, как растет мой сын, а не менять эти действительно важные и дорогие сердцу моменты на то, что ранит его в клочья.

— Ничего мой хороший, мы все решим с тобой, нам дедушка поможет. Он нас поймет и отпустит. — взяла сына на ручки и душа заполнилась уже не грязью, светлой надеждой.

И даже в таком гадстве, в эту минуту я нашла хорошее. Хорошо, что мама приехать сюда не успела.

Иван

— Едем? — папа заглянул в кабинет с цветами наперевес, я его уже ждал.

Вынужденно короткий рабочий день за две завальных недели, чтоб съездить на могилу матери. С ее гибелью, казалось, и закончилось мое детство. Тогда четыре года назад я взялся наконец-то за голову, переехал жить к отцу, чтоб он не оставался в доме один и окунулся в работу, которая не особо волновала меня до маминой смерти. Совет отца, в котором я сильно сомневался, не мог ни во что вникнуть, но оказалось, что со скрипом вникая в дело проще забыться.

После кладбища заехали с отцом в бар, почему в бар поехали не знаю. Надо было ехать домой или возвращаться с отцом, но мне же приспичило накидаться в одиночку. Потерять маму страшно, но родители чаще уходят раньше своих детей и вроде как к этому готов в теории, а в баре я теперь запивал свой страх. Страшно было оказаться однажды на месте отца.

Видимо этот страх, который я до этого дня не замечал и не давал мне допустить чего-то серьезного. Но Ирка не спросилась, просто врезалась в душу и всё. Живи теперь и бойся, что ее вот так же однажды не станет вдруг как мамы.

И ведь они с отцом были точно, как я и Ира моя. Такие же живые, весёлые, настоящие. Всегда смеялись, дурачились, любили друг друга и радовались жизни. Отец после её гибели угас в два раза. Был лампой на сто пятьдесят ват, стал на семьдесят пять.

Я пил, пил, а мысли дурные и тревоги всё никак не отпускали. И я не смотрел по сторонам, понятия не имел, что Мила тут же ищет себе работёнку. Подкралась ко мне как хищница со спины, пока жертва, то есть я, не але совсем.

— Привет милый. — от её приторного приветствия кишки скрутило.

Тошно-тошно, даже не то слово как тошно. Словно в первый раз напиваюсь и не пошло вдруг резко.

Уж кого — кого, а Милу я сейчас точно рядом видеть не хотел. Ирку да. Выпил бы с ней, даже переживаниями своими бы поделился. Но ей нельзя, ни пить, ни переживать.

— Не до тебя. — отрезал грубо, чуть пошла вон не добавил, чтоб свалила по-быстрому, но надеялся, что и так вдулит, не совсем дебильная.

Вроде.

— А когда будет до меня? Я соскучилась по тебе. Вижу, ты не нашёл мне замены, почему же мы расстались? — каждое слово её звучало фальшиво настолько, словно кто-то пытается выдать пластиковые камушки за бриллианты.

Откровенная лож и лицемерие.

— У тебя недостоверная информация. Это ты была заменой, только тобой заменять стоящую женщину, всё равно что лист салатный жрать вместо стейка. И до тебя уже никогда не будет. Странно что ты этого не поняла. — глянул на Милу, и задумался даже.

И что я в ней находил вообще?

Как быстро мои вкусы поменялись. Высокая, худая, от и до ухоженная блондинка уже вызывала недоумение, а не стояк.

— Никогда не говори никогда. — улыбнулась ещё так, Гитлер блядь в юбчонке.

Знал бы что эта Мила сука так меня подставит! Подлая и мерзопакостная тварь! Удушил бы гадину прям в баре. Лучше за убийство бы отсидел, чем видеть то Иркино лицо, когда из кармана моего пиджака эту херню достала. Понимал прекрасно, что она подумала, да ещё всё это после того, как сама пришла ко мне в душ. Был бы на её месте, я б себя пришиб в порыве ревности и гнева.

— Блядь! Ир это не то, что ты думаешь! — крикнул это ей вслед, хотя понимал, что звучит дерьмово.

Готов был поехать и скормить этой лярве Миле ее же трусы, только я ж ее убью к херам собачьим. А просто сесть за убийство и сеть за убийство, когда Ирка думает, что я ей изменял, разные две ситуации. И как ей доказать, что я сам впервые, как и она эти кружева увидал?!

Понятное дело, ломиться в комнату к Ире смысла сейчас не было. И не откроет, да еще ребенка напугаю. Сел под дверью, все равно она выйдет. Я ее сцапаю, и мы поговорим. Просто расскажу ей все, как было, а там ей решать. Если не поверит мне, то видно, не судьба. Не представлял свою жизнь без нее, но другого выхода сейчас не видел. Без Иркиного доверия ничего путного не выйдет, только нервы друг другу измотаем.

Сидел на полу, гипнотизировал дверную ручку, но слов не подбирал. Буду рассказывать все, как было. Пришлось просидеть на полу часа два, прежде чем я услышал такой долгожданный щелчок, дверная ручка опустилась вниз.

Подскочи с пола, а Ира не ожидала меня увидеть под дверью, отшатнулась как от чумы.

— Надо поговорить. — схватил ее за руку и потащил обратно в комнату, из которой она до этого удрала молча.

Вот уж действительно лучше бы скандал закатила и по морде мне надавала.

— О чем с тобой говорить?! Пусти меня, и документы ребенка верни, потому что я с тобой жить не стану кобель паршивый — вшивый кобель! — Ирка упиралась и разоралась как бабка на базаре.

Пусть с опозданием, но это лучше, чем если бы она просто проигнорировала мои действия. Значит, ей не все равно. Завел ее силой в комнату.

— Просто выслушаешь меня, а потом получишь документы. Не согласишься, будем договариваться, тогда как дальше, но я тебе не изменял! — сам себе не верил, что говорю это.

Как ее отпустить? Сопьюсь тогда.

— Ну конечно! А чужие труселя сами в твой карман запрыгнули, да еще после того, как тебя дома полночи не было! — прокричала она в пылу даже, можно сказать, ярости.

Закрыв дверь на всякий случай, а то отец, если еще не уехал, то точно услышит и ломиться в комнату начнет.

А Ирка меня не слушала и не слышала, что я ей сказал.

— Давай успокоимся, выдохни и послушай меня. — подпер дверь спальни спиной.

Ирка металась по комнате как загнанный в угол зверек, потом неожиданно села на край кровати.

— Говори. — глаза в пол опустила, обычно это к слезам, без них тут видно никак.

— Я тебе говорил уже, у меня мама погибла. Вчера была годовщина. Да я должен был тебе сказать, но я не хотел, чтоб ты нервничала и переживала. Мы с отцом были сначала на кладбище, потом в бар заехали. Он домой вернулся, а я там остался. Но поверь мне не до чужих трусов было уж точно! — Ирка подняла на меня свои глаза, а в них, понятное дело, слезы стоят, но еще и надежда.

— Но это же не суслик которого никто не видит... Откуда тогда? Да еще в твоем черт возьми кармане?! — по ее щекам слезы покатались, ну тут я не выдержал, у ног ее сел.

Ира позволила взять ее за руки и глаз не отводила. Было видно, хочет мне поверить все же, ждет, что я оправдаюсь.

— До тебя с девушкой я встречался, мы расстались и у меня поверь мне! Ничего с ней не было уже давно, а уж вчера тем более. Только она все не угомонится и трусы эти мне подбросила, наверняка так и рассчитывала, что ты их найдешь. Ты нашла и вот. Что дальше

Ир? — замер в ожидании ее ответа, даже дышать перестал, да и Ира затаила дыхание.

Секунды тишины, в которых сердце билось словно молот о наковальню, пока она руки свои не вырвала. Все оборвалось внутри от страха, но опять же лишь на секунды какие-то, пока Ира не бросилась на мою шею. Крепко ко мне прижалась и всхлипнула.

Поверила.

Ирина

Увидеть Ваню под дверями комнаты было полнейшей неожиданностью для меня. Но не гнев во мне бушевал, а дикая ревность. Если два часа назад я была готова бежать из этого дома, то сейчас хотела выяснить отношения с Иваном. Понять, чего во мне нет, что он нашел в какой-то гадине. Но хотела я одного, только гордость требовала другого. Документы на сына и свободу Попугаям! И он их пообещал. Это слышать от Ивана, все равно что в холодную воду опустили. Хочет отпустить, наигрался в семью и вот так мы разойдемся сейчас как в море корабли? При этом еще и сам хочет выйти пушистым, не изменял он! Стало обидно до слез. Я уже мысленно вещи поковала и кляла себя за то, что поверила ему, а он мне изменил.

А про маму от Вани услышала и уже поверила в обратное. Не могла не поверить, это же мама! Да и Ванина осторожность подкупила меня. Он не пытался насильно меня удержать и не орал в уши свою правду, а действительно рассказывал, как было на самом деле.

И моментальная, глупая вера в его версию. Сразу строки Пушкина в голове возникли. И я обманываться рада, но не верить Ивану не смогла, очень хотелось поверить.

— Не плач Ирка. Не плач. — Ваня отодрал меня от себя и начал утирать слезы, а они все бежали и бежали.

— Не могу. Они сами. — и это было правдой, я их совсем не контролировала.

— А ты через не могу, а то я тоже сейчас заплачу. Видишь, как руки дрожат. — Ваня был так искренен и совсем не пытался сейчас скрывать свою слабость и это тоже подкупало меня.

Кое-как мы оба успокоились, даже позавтракали вместе, хотя Ваня то и дело на часы поглядывал, торопился на работу. Но как только проводила его, в голове зароились сомнения.

— Я, наверное, дура да? — спросила Ольгу, этим же днем, когда все ей рассказала.

Обязательно нужно было поделиться с кем-то, вот Ольге все и рассказала, и во время этого рассказа уже считала себя самой большой дурой, вешалкой для лапши.

— Почему дура? — удивилась Ольга.

— Потому что поверила. — пояснила Ольге ход своих мыслей, хотя уже понятно было, она меня сейчас убедит, что я не дура, или хотя бы попытается.

— Поверь мне, ты не дура. Подумаешь трусы в карман подсунули, ты этих сук ушных просто не знаешь. И вообще, лучше поверить и ошибиться, чем не поверить и все равно ошибиться.

— Просто он отпустить меня хотел, а до этого не хотел, документы сына забрал. Вот я и думаю, может, он просто другую встретил, а тут я с ребенком. Как-то странно, в общем, все. — подозрения, сомнения только множились как грибочки после дождичка.

— Хм. Раз отпустить хотел, значит, точно любит и вот я тебе зуб даю он тебе не изменял. — уверенно заявила Ольга.

— Почему любит? Раз отпустить хотел, может, и не любит вовсе, да и вообще, не говорит он мне, что любит. По-моему, должно быть наоборот.

— Да не хочет он тебя отпускать, но готов это сделать. Представь, это ж он себе на горло наступает. Опять же мать погибла, ну погоревал мужик, напился такое бывает, а тут эта овца, бывшая подсуетилась, и трусы подкинула, могла бы помадой воротник измазать. Но это сложнее, близко надо подобраться, Ир да это ж даже не засос! Это трусы! Сама ему подкинь свои попробуй, он пиджак весь день проносит и не узнать даже что твои стринги в кармане у него лежат. По-моему, все логично, и вполне объяснимо. И не факт, что эта Мила успокоится, жди еще чего вытворит.

— Ну хорошо. Ты, пожалуй, права. — свернула эту тему.

Я согласилась с доводами Ольги, хотя червячок сомнений так и точил, как говорится. Просто не хотелось тратить всю прогулку на обсуждение этой неприятной мягко сказать ситуации. Быть к тому же навязчивой и пережевывать одно по одному несколько раз.

Только для себя свернуть не получится.

До самого вечера еще несколько раз промусолила в голове эту историю. В которой Ваня то был жертвой обстоятельств, то выходил конченным подонком. И в какую историю верить? Где она правда? Кто бы пальцем ткнул, но я все же взяла себя в руки, ломать не строить. Тем более на шею к Ване я еще утром бросилась, поверила ему, а сейчас заднюю врубать совсем глупо.

Вскоре эта история отошла на черт знает какой план. Ваня был заботлив, хотя времени у него на это было немного. Познакомил меня со своим другом и мамин переезд к тому же. Как я не хотела этого избежать, но Ваня меня не особо слушал, а это был на самом деле гарант его серьезности в отношении меня. Ну кто еще станет тащить тещу в свой дом? Особенно если не любит? Правильно, только полный идиот, но точно не Иван.

Так, в заботах о Егорке, подготовке к маминому приезду и забыла про эту коварную Милу и ее нижнее белье. Всё растаяло в хороших моментах.

И сегодня мы счастливые отправились в Ваней на вокзал, встречать мою маму. Он даже взял выходной ради такого дела, а Егора оставили на тетю Катю, та с радостью, с ним нянчилась. Только Олег Егорович не смог отложить важных дел, и вообще, чем чаще я видела Ваню дома, тем реже видела Олега Егоровича. Видимо, он разгружал сына, чтоб мы могли побыть вместе и не только я занималась воспитанием Егора. Вот он минус всего, что имеют Реутовы. Им нет ни в чем отказа, они могут позволить себе любой каприз кроме полноценного отдыха. Жить есть на что, но некогда. И та неделя в Роднике была для Вани роскошью. И сейчас один день, проведенный вместе, стоил потом ему круглосуточной работы. Неудивительно что он сгреб меня так оперативно в охапку и уволок с Егором в Москву. Он просто не смог бы мотаться часто в Краснокамск.

— Как ты думаешь, не слишком ли будет, если мы твою маму с поезда и сразу в няньки к Егору? — спросил Ваня, не отрываясь от дороги.

— Даже не знаю. Об этом надо у мамы спросить, как непосредственного участника. А что ты задумал? — я уже расплылась в улыбке, остаться с Ваней наедине я бы не отказалась.

— Ничего особенного. Просто по Москве погулять, а то ты и города толком не видишь. Я бы тебе свои любимые места показал. Потом можно будет в кафе посидеть. — Ванино предложение было таким романтичным.

Погулять по любимым местам, посидеть наедине в кафе. Очень мило, особенно если учесть его охоту до меня в постели. Мог бы на эти пару часов затащить меня в номер ближайшей гостиницы, где нас в ответственный момент не прервёт внезапно проснувшийся сынок.

— Это очень даже особенно для меня. Теперь тебе придётся уговаривать маму мою согласиться на эти посиделки с внуком. Иначе я расстроюсь и съем тебе мозг чайной ложечкой. — даже представила, как это будет, зря он мне заранее сказал.

Не хотелось расстраиваться.

— Не надо мой мозг есть Пчёлка, я люблю тебя как раз за то, что ты его не ешь.

Я замерла. Вот так признание в любви, вылетело у Вани неосознанно. Он и не заметил, а у меня ладошки вспотели. Так ждала этого и вот. А самое смешное и глупое то, что при ожидании признания, я сама Ване не говорила, что люблю его. Боялась не услышать ответного, а что-то вроде " Я знаю" или просто неуютного молчания получить.

— Ладно не буду. — ответила осипшим враз голосом, а что люблю его тоже так и не сказала.

Время есть, скажу позже. Может, в одном из его любимых мест.

На Ярославский вокзал мы приехали немного раньше, потому что выезжали из дома с учетом пробок, в которых почти и не стояли. До прибытия маминого поезда оставалось

целых двадцать минут, и Ваня предложил прогуляться вокруг здания вокзала. Оно действительно было очень красивое, в мой приезд я на него не обратила ни малейшего внимания.

Мы медленно шли по дорожке и глазели на причудливый, мультяшный фасад здания, пока Ваня не отвлек меня.

— На Пчелка тебе подарочек. — он протянул мне большую монету с изображением вокзала и архитектором Шехтелем.

— Тяжеленькая. — монета была не только тяжелая, но и большая несмотря на ее цену в двадцать пять рублей.

— Она серебряная. Тут вот есть проба. — Ваня указал мне на цифры, на обороте.

— И что, на нее можно что-то купить? — двадцать пять рублей же.

— Можно. — Ваня засмеялся над моим вопросом, словно я дурочка на такую монету что-то покупать.

— Нет, я не буду ее тратить. Спасибо! — потянулась к нему, чтоб поцеловать, и он врезался в меня губами.

Так, и целовались у здания вокзала, пока мама звонком не сообщила о своем приезде.

— Это так вот вы меня ждете? Это что такое?! Даже не встретили! Я же вся изволновалась, это же Москва! — мама стояла с вещами уже в здании вокзала, и возмущалась на всю округу, чтоб мы слышали издалека.

— Пробки мам! Пробки! Привет, мамуля! — обняла свою ворчливую мамочку, ссориться при первой встрече ну никак не хотелось.

— Мм. Доченька! — мама меня всю расцеловала, даже боязно стало за Егорку.

Затискает ребенка, зацелует до посинения маленького.

— Здравствуйте Анастасия Николаевна. Давайте вещи ваши. — Ваня забрал у мамы сумку, сетуя что вещичек маловато.

— Да я же на две недельки всего, осмотреться, да и за месяц с хозяйством моим не разобраться. Я еще две недели не отработала. Думаете так легко у нас в Краснокамске уволиться? Специалист то я хороший как никак. Не хухры-мухры какие. А где Егорка? Вы что его в машине бросили? — мама засуетилась в тревоге догоняя Ваню.

— Мама он дома остался, что мы совсем, по-твоему, что ли? — повисла одной рукой у

нее на руке, проверяя другой рукой монету.

На месте ли Ванин подарочек памятный в кармане куртки. Хорошо бы побыстрее его прибрать, чтоб не потерять.

— А что, вот как новости посмотришь, особенно летом. Что за мода детей спящих в машинах бросать? — возмутилась она.

— Мам, ну мы Егора на тетю Катю оставили, кстати, ты как? Посидишь с ним? Или устала? — я сразу скорчила просительную мину, отлично зная Ванин рабочий цейтнот и такая удача, как прогулка с ним, могла мне нескоро улыбнуться.

— Что за вопрос? Конечно, посижу, я же для этого и приехала. С внуком помогать. К тому же я по нему соскучилась безумно. Везите меня скорей домой. — мама расцвела на глазах от такой радости.

Сразу с места и в карьер.

По приезду домой я покормила Егора, тетя Катя покормила маму, а потом мы с Ваней уехали гулять по городу, вручив сына в надежные бабушкины руки, чему она была несказанно рада.

Первым делом мы доехали до метро, чем Ваня меня знатно удивил.

— У нас с тобой времени немного, в машине пробки все словим, а на метро быстрее до места доберемся. — так он пояснил свои действия, и судя по всему, с метрополитеном он на ты.

Знакомство с Москвой началось очень тепло, несмотря на то, что мне как жительнице тихого и малюсенького городка было сложно перестроиться к таким масштабам и к такому количеству людей. Наверное, так чувствует себя одинокий жук, попавший в муравейник. Но Ваня всю прогулку держал меня за руку, крепко, словно ребенка и боялся, что я потеряюсь. Любуясь древними церквями, шли к мосту через Москва-реку. Потом свернули в какие-то тихие улочки, и поначалу я еще пыталась запоминать дорогу, но очень быстро бросила эту затею. Было так хорошо просто гулять по городу, даже совсем не хотелось отвлекаться на фотографии.

— На выставку пойдем? — предложил Ваня, когда мы добрались до галереи.

— У нас так мало времени осталось, давай в другой раз. Для первого раза впечатлений хватит и что-то кушать хочется. — отбрыкалась от скучной выставки неизвестно чего как могла.

А по пути в кафе, честно призналась, что я не любитель тратить драгоценные минутки на то, чтоб разглядывать картины, которые можно и в интернете посмотреть.

— Ирка! Я обожаю твою непосредственность! Какая ты у меня! — Ваня на последнем слове притянул к себе.

Прижал так, что ребра затрещали и присосался как клещик. Чуть не лишил меня кислорода таким напором. Пришлось даже отбиваться, да и есть хотелось. И не в метро грызть непонятно что, а все же в место попримочней. Знала б чего я в уборной этого приличного места наслушаюсь, даже шаурму бы съела! Наверное...

— Слушай давай, может, в другое место пойдем? — спросил вдруг Ваня, когда мы уже устроились за столиком вполне обычного то ли ресторанчика, то ли кафе.

А я уже нацелилась на кусок шарлотки, что аппетитно выглядел на фото в меню.

— Нет. Если мы сейчас пойдем искать другое место, то мы не успеем поесть. А я ну очень кушать хочу. — отбрила Ванину идею, совершенно не думая, какая муха его вдруг укусила, и даже не спросила, почему мы вдруг должны уйти.

И он спорить не стал, мы сделали заказ, и я отправилась в дамскую комнату.

Там-то, в туалетной кабинке и стала слушателем интересного разговора, потом уже под конец поняла, для меня, разыгранного как по нотам.

Кто-то еще зашел и тут послышалось;

— Нет ну ты видела это убожество? Может она его приворожила? — послышался манерный голосок.

— Думаешь?

— Да! Сама посуди, обеспеченный, умный, красивый и это! Ещё и с прицепом.

— Так может он её любит.

— Любит?! Я тебя умоляю! Любил бы, женился бы давно. Такие, как Реутовы... — и если до этого я слушала разговор невольно, то после Ваниной фамилии наострила уши; — ... сразу женятся. А так...Просто блажь какая-то. С жиру бесится. Ты не слышала, как Кирсанов в бомжа переодевался и по вокзалу побирался? Говорят, не он один.

— Нет, не слышала такого. Но она в его доме живёт, с ребёнком взял опять же.

Тут у меня щеки загорелись от гнева. С ребенком взял, тут еще и дошло, что мымра эта нашего с Ваней сына прицепом назвала. Так бы волосенки ей и вырвала, но больно хотелось дослушать разговор сей до конца.

— Ну и что, подумаешь живёт. Сегодня живёт, а завтра нет. Это ничего не значит. Тем

более для такого, как Иван. Вот увидишь, наиграется в семейную жизнь и ко мне вернётся. Я праздник, а это чучело будни сплошные.

— Но тебя Ваня даже со своим отцом не знакомил, а она в его доме живёт. По-моему, это полное фиаско Мила. Раз уж тебя на обычную мать-одиночку променяли. — а подружка змея, а не такая уж и подружка этой Миле.

— Ну спасибо за поддержку. Подруга!

Они еще постучали каблуками и вышли, и только тогда я выбралась из своего убежища, так сказать. Жаль только рожу этой Милы я не разглядела, и волосенки ей не проредила за Егора.

— Все в порядке? — прочистив кашлем горло, спросил Иван, когда я вернулась за столик.

Только теперь до меня дошло, почему он хотел сменить место нашего перекуса. Увидел эту суку тут и хотел избавить нас от столкновения.

— Все прекрасно! — улыбнулась Ване, взяла его за руку, даже по сторонам глазеть не стала в поисках и попытках определить, за каким из столиков сидит вражина.

Если она еще тут, то пусть глазеет на нас счастливых, и давиться своим ядом!

А по возвращении домой, конечно, ждала мама, а я вся извелась по дороге, говорить ей про эту пиявку Милу или нет? Решила, что рассказать о ней стоит, только не маме, а Ольге. Она про нее знает, и это она предупреждала, чтоб я была готова к очередной пакости от нее.

— Ну вы тут посплетничайте пока, а я пойду Егора искупаю. Иди сюда богатырь мой!

После ужина втроем, Ваня забрал у мамы ребенка и счастливый пошел наверх. Все-таки отец с него очень хороший, заботливый и осторожно-нежный.

— Вот это я понимаю, вот это зятек. Где мое заслуженное спасибо? Если бы не я, куковала бы сейчас в своей однушке. — мама не упустила момент упрекнуть меня за мою упертость и нежелание ехать с Иваном в Москву.

— Мама.

— Ну хорошо, хорошо. Молчу. Кстати, когда вы думаете свадьбу играть? — вот только не этот вопрос.

Отвела взгляд на шкаф, с интересом изучая резное стекло дверцы. Маме этот взгляд сказал больше, чем мои слова.

— Понятно. Нет ну при такой Ваниной загруженности немудрено. Да и зимой свадьбу играть вообще неинтересно. Можно застудиться пока по сугробам будешь лазить. Летом самое то! — тут же вырулила она.

— Мама какие сугробы? Какое лето? Предложения руки и сердца мне никто не делал. — вот она горькая правда.

Ваня так яро тащил меня в свой дом, с Егором, конечно, и не факт все же, что так было бы, если б его не было, а предложения стать его женой ни разу так и не озвучивал. Это вообще не обсуждалось.

— А он и не сделает. Здрате! — на пороге столовой появился Олег Егорович, который опоздал на ужин как обычно.

Судя по всему, он слышал наш разговор.

— Олег Егорович — это моя мама.

— Анастасия. Николаевна. — мама смущенно улыбнулась, а потом резко поменялась в лице и спросила возмущенно; — Почему это не сделает?

— Видите ли, многоуважаемая Анастасия, Николаевна, Ваня у нас как бы это помягче выразиться? Мм. Тормоз. Доходит до него как до жирафа. Поэтому так как мы, все тут собравшиеся, желаем свадьбу, надо брать дело в свои руки. Ирочка не стоит ждать у моря погоды. Надо сказать ему прямо! — Олег Егорович говорил мягко, но с неким нажимом на последнюю фразу и на меня саму.

— Предложение ему сделать предлагаете?! — возмутилась я, это — вот прям обидно было.

Я еще бы за мужиком не бегала, и не уговаривала его жениться на мне.

— А что такого? Сделай. И это, кстати, сейчас так модно, я по телевизору видела. — закивала мама, соглашаясь с Ваниным папой.

— Смотрела бы ты мама, поменьше телевизор! — я не сдержалась и просто пулей рванула на второй этаж в детскую.

— Ты чего такая? — Ваня только нес Егора купать.

— Ничего. — вдохнула поглубже, обсуждать с Иваном эту тему сейчас, все равно что по минам прыгать, одно неверное слово его и я взорвусь просто.

— Ну я же вижу, у тебя пар из ушей, с мамой поцапались? Когда успели только? — Ваня сам предположил, сам же поверил в свою версию и пошел в ванную комнату с Егором.

— Я тебя предупреждала, моя мама очень сложный человек. Знаешь, ты купи Егора не отвлекаясь, я хочу на камеру снять этот процесс. Потом сынок вырастит, мы ему покажем.

— О! Давай! — Ваня с радостью поддержал мою идею, хотя я думала, что ему это не понравится.

Встала в сторонке, включила видеосъемку на телефоне, вроде, снимала, а сама вся в свои мысли и переживания погрузилась. И разговор этот в туалете и заявление Олега Егоровича, мамино еще, все это прямо выбивало меня из колеи. Держалась я в ней только за счет своего неумного оптимизма и желания быть счастливой назло всем и всему!

Иван

Папа носился по кабинету как заводная игрушка, пытая меня уже час, а мне этого часа было жалко! Я мог поработать, вернуться домой пораньше, а то обычно не успеваю даже к купанию Егора.

— Так ты головой своей думай, что творишь?! Она же не селедка какая, не дура! Что ты ее в дом привез это молодец, конечно, но, а дальше что?! — одно по одному кричал уже десятым кругом.

Не успел я отойти от выходки Милы, папа еще слышал наши с Ирккой разборки и вот теперь он мои нервные клетки уничтожает. А я-то наивный, втрескавшись в Ирку думал, что только она будет претендовать на их уничтожение. Но тут целая очередь образовалась уже.

— Чего ты хочешь от меня? Я сейчас предложение ей делать не стану! Все отстань! Сметы из-за тебя удалил. — вырвался из кабинета вроде как к Максцу за сметами, а сам просто свалить торопился от бушующего родителя.

Какая свадьба сейчас? Зимой? По сугробам лазить?! Что за мода вообще жениться? И что, штамп в паспорте помешает Ирке или мне в случае чего нехорошего? Об этих случаях думать не хотелось. Одного раза представить, что Ирка мне откажет хватило, чтоб отмести эту бредовую идею. Да она даже ни разу не сказала мне, что любит! Нет, она, конечно, поверила, нежная такая, но замуж-то не больно жаждет раз молчит.

Отец от меня все не отставал, я даже поторопил приезд Иркиной мамы. Может на нее отвлечётся, с ней-то у меня отношения понимабельные. Как-то и не подумал, что она может быть еще одним мозгоклюем в этой семейной стайке птичек. Проняло с ее встречей, задержались на пять минут, а ворчала она всю дорогу за это. Потом еще эта Мила в ресторанчике, следит сука за мной, что ли?!

Когда эта тварь за Ирккой поплелась, внаглую пошел за ними, подслушивал! Это ж полный абзац! Здоровый мужик, стою под бабским туалетом и ушами стригу! А че эта сука несла?! И Ирка, это ж все слушала! Как она выдержала интересно? За последний месяц я ее успел получше узнать, характер у нее взрывной, точно мина, попробуй наступи только.

Но в туалете за дверью, кроме Милкиного мерзкого трепы, было тихо, воплей и ударов головы о раковину было неслышно, а когда эта швабра со своей подружкой вышла, у меня не так много времени было, чтоб вдолбить ей, что нихрена она для меня не праздник и никогда им не была.

— Ты на хрен. А ты сюда иди курва тупорылая. — схватил эту суку за ее куртку, что сиськи наружу вываливала и потащил на выход из кафе, если не успею поговорить к Иркиному возвращению за стол, навру про телефонный разговор.

— Это она, что ли, идеал твоих мечтаний? — тут же завякала Мила, как только впечатал ее в стенку здания.

— Тебе врезать может хорошенько? Что непонятного я тебе сказал?! — ух кулак прям чесался отвесить ей звездюлей.

Нет я баб-то не бью, как-то батя все же чему-то научил хорошему, но Мила за свои слова прям выпрашивала хорошего и смачного тумака с кровической по всей морде лица.

— Вань ты что? Ваня... — затряслась, дальше начались фальшивые всхлипывания.

Хотя плакала она по-настоящему, потому что за морду свою испугалась, только вот фальшь уже не вытравить из неё. Как акцент у человека, живущего за границей.

— Не называй меня Ваней. Ваня я только для трех людей. Для Отца. Для Макса. И для своей любимой жены, которая мне сына любимого родила. Усекла?! Тебя, канава сточная, надо неделю святой водой поласкать, чтоб ты с моей Ирой на одном километре квадратном могла находиться. Сунешься к ней, с какой подлянкой, я не посмотрю, что ты баба, так разукрашу, даже бомжи трахать не станут. Даже за водку не станут Ми-ла. И подружкам лярвам своим передай, всё, что я тебе сказал сейчас, их это тоже касается. — тряхнул ее для верности и отпустил.

Мерзко.

— Я же люблю тебя... — заскулила и силикон пополз по стенке на тротуар.

— Понял я, почему тебя на актерский не взяли, херовая ты актриса. Любила бы меня, сейчас бы бежала дальше, чем видела от моих слов, а ты люблю тебя бубнишь, как ссышь и в ноги мои сползла. Так, даже самая сопливая размазня не сделала бы. Не верю короче. И несмотря на твою недальновидную хамскую речь в сторону моей любимой жены и сына, помогу тебе. Вот. Купи себе билет и убывай подальше, а то у меня знакомый в погонах есть, тебя быстро пристроит на десяток годков. Сука тупая! — засыпал Милу купюрами, всю наличку выгреб для неё пока говорил.

До неё наконец-то дошло, что смысла дальше выступать нет, и слёзы утирать не стала, быстренько собрала бумажки и в сумку прибрала. Даже не смешно стало. Противно только ещё больше. Вернулся за столик, согреться успел, пока Пчелка моя не вылетела. В себя приходила. А я готов был прям сейчас у нее в ногах валяться, но она и виду не подала. Словно и не было этого трепа Милкиного в туалете, и она его не слышала вовсе. Наверное, если бы нелегкая дрожь в ее голосе, я б так и решил.

Нет! Ирка мне на мое предложение не откажет. Ну и пусть в любви не признается, зато на ласки отвечает охотно, встречает с улыбкой. И даже мозг выносит реже моего собственного отца. Женюсь!

Мог бы сделать предложение уже на следующий день, только вложить в него хотелось душу, а не просто тупо кольцо купить, и затолкав его в красную коробушку на одном колене преподнести. Чего-то особенного хотелось, может, даже, чтоб Ирка разревелась от счастья, я, пожалуй, впервые буду рад ее слезам.

Проснулся от плача сына, а ещё несмотря на хорошую звукоизоляцию со столовой доносились песни, что распевали наши с Ирккой родители. На часах было три часа ночи, похоже, знакомство затянулось.

— Что случилось? — спросил у Иры, которая никак не могла успокоить Егора.

— Я не знаю, вот уже полчаса плачет, я успокоить не могу никак. Заболел? — у Иры в свете ночника было такое печальное лицо, и вот-вот расплачется.

— Сейчас маму твою позову, пусть посмотрит. — накинул халат и быстро спустился в столовую.

Здесь уже разливалось громкое позови меня с собой и так далее.

— Зятёк. — глаза Анастасии Николаевны сияли любовью, и улыбка до ушей при виде меня.

— Анастасия Николаевна, Егор что-то приболел, похоже, нам нужна ваша помощь. — она хоть и нализалась прилично, но если спец, то должна и в таком состоянии хоть что-то сказать.

— А. Да! Сейчас! Где там мой чемоданчик? — Иркина мать встала из-за стола, пошатываясь, и неровно, но быстро потопала к себе.

Хорошо, что разместили её на первом этаже. Наверх пойдём я подстрахую, а то шею себе свернёт.

— Вот! Не углядели за внуком моим?! Бессовестные! — папа тоже поднялся, и собрался к внуку.

— Э нет дорогой! Давай-ка баиньки, а то завтра будет головка бо-бо. — поймал отца под руку, а он уже так напился, что сопротивляться не стал.

Успел увести его в комнату и как раз вовремя вернулся, Анастасия Николаевна уже покоряла лестницу и путь её был явно нелегко.

— Я помогу. — подхватил под руку уже её и чемоданчик забрал.

Не ну надо же, с чемоданчиком приехала.

— Зятёк. — опять всё повторилось, и глаза сияющие и улыбка.

Чёрт! А приятно! Повезло с тётшей всё-таки.

— Мама! На кого ты похожа? — возмутилась Ирка, когда мы прибыли в детскую.

Егор так и надрывался в её руках.

— А что я? Я ничего, и имею право выпить рюмочку за знакомство! — включив большой свет, заявила Иркина мать.

— Да в тебе явно рюмочек десять, Ваня давай врача вызовем? Она же пьяная. — запросила Пчела, явно против такого осмотра.

— Дай сюда ребёнка! — Анастасия Николаевна была непреклонна, забрала орущего Егора я и ответить Ирке ничего не успел.

— Горло чистое, хрипов нет, температуры нет, животик мягкий, да он же у тебя голодный! — после десятиминутного осмотра, измученного плачем ребёнка, заявила Иркина мать.

— Да? Но я его пыталась кормить, он вроде хочет, а потом плюёт грудь. Может, у него зубки?

— Нет, десна у него тоже не красные. Езжай-ка ты зятёк за смесью, бери ту, что на козьем молоке. И бутылочку с соской на три месяца, он у вас крупный, да и всё равно скоро три месяца, так что подойдёт именно такая. Ото...Ортодонтическую! — последнее слово далось Анастасии Николаевне с трудом.

— Зачем смесь? У меня молоко не пропало! Ваня, давай врача вызовем? Трезвого! — Ирка зыркнула в сторону матери недобро, а потом уставилась умоляюще на меня.

— Давай я за смесью съезжу, а потом если что врача. — страшно не хотелось вставать не на Иркину сторону, но опыт его же не пропьёшь, и причин не доверять Анастасии Николаевне у меня не было.

— Правильно зятёк. Правильно. Поезжай скорей в аптеку. Ир ну что ты? Родной матери не доверяешь? Я ж не враг собственному внуку. — Иркина мать попыталась подлизаться к дочери, но Ирка та ещё Пчела.

— Делайте что хотите! Только если он заболел, а вы меня не послушали и не вызвали нормального трезвого врача, я с вами обоими разговаривать не стану! И к ребёнку вы у меня не подойдёте! — категоричности Иркиной можно было позавидовать, а я бы с ней поспорил, но мне надо было ехать смесь из козы искать.

Хорошо, что ночь, и дороги пусты. За десять минут отыскал ночную аптеку, купил всё, что Анастасия Николаевна велела и через ещё пятнадцать минут уже нёс бутылочку с едой сыну. А я неплохо разбираюсь в этих инструкциях по готовке детской кормёжки, ещё бы эти трусишки на липучках научиться одевать, и я суперпапа!

— Успокоился? — когда зашёл в спальню, было тихо, Егор спал у Ирки на руках.

— Устал орать просто. Он голодный, я ему грудь пыталась давать, он так жадно к ней присасывается, а потом бросает резко и плачет. Есть, хочет, но ему что-то мешает. Может, в больницу? Я в интернете почитала, это, может быть, отит, сосать начинает и ушки больно ему. — Ирка бедная чуть не плакала, и у меня душа рвалась на части.

Хуже нет, когда такой малой болеет и сказать не может где у него неполадок.

— Давай попробуем покормить, если смесь не поест, то в лучшую больницу поедem. — дал Ирке бутылку, сам замер и про себя повторял как мантру, хоть бы поел, хоть бы поел.

Немного Егор похныкал, когда в рот сунули непонятную и незнакомую ему штуку, не понимая, как ей пользоваться, но быстро сообразил, что это еда.

— Ну вот, никакого отита. — резонно заметил я.

— Значит, это из-за меня? — в Иркиных глазах стояли слёзы.

— Ты то тут при чём? Кто их этих малявок разберёт чего им надо? Мы с тобой сейчас оба как слепые котята. Нам с тобой повезло, что мама твоя приехала. Я например, и не догадался бы что он есть хотел.

— Из-за меня, потому что моё молоко ему не понравилось. Может, я съела не то что-то? Я в интернете читала...

— Я интернет твой вырублю. Перестань читать что ни попадя. Он спит. Я пойду бутылочку помою, а ты его в кровать положи.

Забрал пустую бутылку, поцеловал плаксу свою в лоб и ушёл на кухню. Только сейчас отлегло. Да, дети — это не только радость и веселье с заботами, ещё и переживания не слабые.

Ирина

Сказать, что я расстроилась из-за отказа Егора от молока, это ничего не сказать. Попыталась вернуть всё обратно, но все мои попытки оказались тщетны. И у мамы совета не спросить. Если Олег Егорович вместе с Ваней наутро уже отправился на работу как ни в чём не бывало то моя мама после вчерашних возлияний словила все радости похмелья и болела, спрятавшись в своей комнате без света, с мокрым полотенцем на голове.

Позвонила Ольге и внаглую напросилась в гости, тем более что погода была мерзкая, не до прогулок. Может, она чего посоветует, трое детей всё же у неё.

— Андрея полгода кормила, Аня до сих пор на ночь с грудью засыпает. А Глеба я грудью и не кормила, так получилось. Но тебе надо сдать анализы, может, воспаление какое или с гормонами беда просто так не бывает, ребёнок он же не дурак, чувствует, что ему что-то не то предлагают. — предположила Ольга, выслушав мою краткую историю-жалобу.

— Да? Даже не думала об этом. Ладно, узнаю у врача и сдам анализы. Спасибо за совет. Оля, я ещё спросить хотела, а тебе муж, как предложение сделал? В смысле сразу?

— Да как-то и не было предложения. Причём оба раза. — с весельем заявила она, отпивая горячий чай из красивой кружки с оленями.

Новогодняя тема всё больше и больше проскальзывала в её доме, а у Ивана даже и не начинали подготовку. Интересно, а ёлка будет? Что-то олень меня сбил с мысли. Надо насущный вопрос решать! А не о Новом году с мандаринами думать!

— Ты два раза замужем была? — спросила её с некой горечью.

Вот кто-то два раза замужем побывать успел, а я ни одного, даже намёка нет от Вани на желание стать официальной семьёй. Неужели это мой первый блин комом? Желудок неприятно съёжился.

— Нет Ир. Муж у меня один. Ой это долгая история. — Оля махнула рукой.

— Ну а как предложение то сделал?

— А так. Мы просто жили вместе, я забеременела, поехали кольца купили и расписались по тихой. Это в первый раз. Во второй раз уже свадьба пышная была, двойная. Друзья наши тоже женились с нами вместе. Но предложения тоже для меня не было. Просто поехали в свободный день вчетвером и заявление в загс подали. Вообще, смешно было б, если бы Глеб у меня руки и сердца просил, смысл? Мы оба знаем, что неразлучны, и я не откажу уж точно. В общем, само собой как-то.

— Но ты же развелась с ним получается. Значит, не всё так радужно было?

— Нет. Там немного другое было, но эффект тот же. В общем, там надо было для дела развестись. А к чему ты спрашиваешь?

— Да вот. Живём вроде вместе, всё хорошо, сын растёт, радует нас. Только я раньше была матерью одиночкой, а сейчас я просто мать не одиночка, но и не жена. Я получается сожительница его. И Ваню, похоже, всё устраивает. Обидно что-то. И это при том, как он меня из Краснокамска забирал, ну ты и так всё знаешь. — про то, что там несла эта Мила, а я случайно подслушала, говорить Ольге не стала, но резон в словах этой швабры точно был.

Такие, как мой Ваня сразу женятся.

— Ну да неприятно. А чего он говорит? Мужики они же часто тормозят, ты его спрашивала об этом? Может, занят, времени нет. Это мы просто всё, а твой, наверное, сюрприз готовит, на Новый год с предложением подкатит. Мой вон и дома-то не бывает сейчас почти. И так его не было, а сейчас с этим переездом скоро дети его забудут. Возвращается домой, когда они уже спят. Одна надежда на Новый год. — Оля тяжело вздохнула и глянула на часы.

Дети наши ещё спали, старшие были в детском саду.

— Да ну! Не спрашивала. Мне кажется, это будет совсем жалко выглядеть. Словно я в жёны набиваюсь.

— Жалко у пчёлки в попке! Ничего не жалко, ты женой хочешь быть? Или так и прожить с ним сожительницей? Просто спроси, что к чему, хоть какая-то известность. От недосказанности все проблемы, вот поверь мне! Давай кружку, я чаю подолью.

— Думаешь? А как сказать-то? Мы жениться собираемся или нет? Так, что ли? — я была неуверенная уместно ли это.

Но от Ольги такое услышать было ожидаемо. За недолгое, но продуктивное общение с ней успела понять, что она прямая как палка, но мне с моей прямоотой до неё как до луны. Я, наверное, ещё подожду, нескоро решусь на подобный разговор.

— Можно и так, а что? Вполне. И спросить его про свободные отношения, если он ревнив, ему это очень не понравится. Глядишь и поторопится. — Ольга засмеялась, а я задумалась.

Вернувшись от Ольги, решила отвлечься от кипятящих мой мозг мыслей покупками в интернете. Уже накидала в электронную корзину приличную кучу новогодних безделушек, а самой интересной и забавной покупкой стал новогодний костюм для Егора. Нет я не выбрала ему наряд гномика или зайки, это был костюм как у его папы. Крошечный пиджачок и брючки с белой рубашкой, и галстук. Ваня запищит от восторга, и фотка

классная получится. Мини-копия папы у папы на руках. Я только доставку оформила, а уже дожидаться не могла, когда это чудо привезут. К костюму даже пинетки чёрные нашлись. Будет полный родительский восторг!

От дальнейшего приступа транжирства Ваниных денег меня отвлек Егор. Проснулся после короткого вечернего сна и запросил есть. В очередной раз попыталась дать ему грудь, но опять впустую. Пошла с ним вниз на кухню готовить бутылочку и неожиданно столкнулась с Ваней на входе, тут и мама моя была. Отошла немного ближе к вечеру, но ушла обратно к себе, оставив нас с Ваней наедине, если не считать тёти Кати, которая готовила ужин.

— Привет! — радостный Иван поцеловал меня в губы не по-детски, тут же перехватывая капризного с голодухи Егора, меняя его на букет розовых пионов.

— Спасибо. Красивые. Как здорово, ещё даже семи нет, а ты уже дома. — такое раннее Ванино возвращение после его постоянных задержек нельзя было не заметить, прямо скажу — удивительно.

Я пристроила тут же цветы в вазу и принялась мыть руки, готовить смесь.

— Да у меня в кабинете радиатор лопнул. Там сварщики работают, потом уборщица будет кабинет драить. Я мог бы к Максиму уйти или к отцу, но решил, что лучше дома поработаю. — Ваня был рад такой неприятности, что позволила ему сбежать домой.

— Я всё спросить хочу, ты только не подумай, что я жалуясь, но так всегда будет? Будешь домой только ночевать приезжать? — передала ему бутылочку, теперь он мог кормить Егора и был этому очень рад.

Сиял прям как медный таз после чистки.

— Да ну нет, конечно. Это перед Новым годом так всегда. Проверки, годовые отчёты, новые заказы как с цепи все срываются под конец года успеть. Январь и февраль дохлые месяца, буду дома к семи и в выходные буду вам надоедать. Слушай, я тебя особо не напрягал, но ты теперь не кормишь, ты мне пожаришь картошечки? Соломкой. — Ванин взгляд был таким милым, что я даже пропустила мимо его колкое напоминание о том, что я теперь не кормлю.

Да и он так радовался этой возможности покормить Егора, что я не могла грустить на эту тему. Обидно, но не смертельно.

— Давайте я пожарю Иван Олегович? — встряла тут же тётя Катя, а меня прям приступ ревности обуял.

Еле сдержалась от грубости в её сторону. Видимо, надо к врачу срочно, что-то конкретно болят гормоны. Уже мужика к бабушке практически ревную.

— Я пожарю, мне несложно. Сковородку мне только выделите, пожалуйста. — улыbnулась я с трудом и милый тон держала с напрягом.

— Вы Екатерина Дмитриевна жарили уже, у вас она другая получилась. Я хочу Иркиной вредной соломки. — смеясь, заявил Ваня.

— Один раз невредно. — ответила ему, млея от его похвалы.

— Да ты не поняла. Она вредная соломка, потому что она соломкой тобой из вредности стала. Я ж у тебя кружечки просил, а ты мне что пожарила? — напомнил мне Иван мою выходку, удивляя тем, что о ней помнит.

— Соломку. — сейчас было смешно вспоминать, как я назло крошила кружочки на соломку надеясь, что есть не станет, а он всё равно её умял с аппетитом.

— Вот. Ну ты не отвлекайся, мы с Егором в гостиную пойдём. Да сын? Это бабское царство, нам тут делать нечего. — деловито заявил Иван, уходя, и унося Егора с кухни.

— Так, ты её сама Ирочка режешь, а я-то на тёрке тёрла, вот и не вышло у меня. — заметила тётя Катя, когда я уже резала картошку мелкой соломкой.

— Видимо да. — гнев мой в её сторону совсем отступил, ему на смену подкатила внезапная тошнота.

Причина ей была столь очевидна для меня, что в глазах кружочки поплыли. Я об этом ещё вчера читала, но как-то надеялась, что это зубки лезут у Егора, потому и от груди отказался.

— Поджарите сами? Что-то мне нехорошо. — медленно покинула кухню.

Сначала меня бросило в жар, а по пути в ванную комнату уже и холодным потом покрылась.

Если б с рождения Егора прошла пара-тройка лет, я может быть и забыла бы что такое токсикоз. Но тут всё в памяти слишком свежо. Ни с чем это не перепутать.

Пока склонялась над унитазом «обласкала» Ваню в мыслях как могла. Чёртов бык осеменитель, одного раза ему опять хватило, чтоб мне ребёнка заделать. После того первого раза в душе мы предохранялись, но уже было оказывается бессмысленно.

Конечно, тут уже не до подумать и подождать. Надо было решать вопрос с Иваном прямо сейчас. Если ему одного ребёнка мало для предложения, может второго будет достаточно? А если нет? От этой мысли опять затошнило, зря только умывалась.

А когда я в очередном приступе тошноты склонилась над унитазом, в дверь ванной комнаты постучал Иван.

— Ир, тебе совсем плохо да? Может в больницу? — спросил он из-за двери.

— Нет блин! Лучше в загс! — выкрикнула от злости, но он-то ничего, конечно, не понял.

— Что говоришь? — переспросил меня скребясь в дверь.

Ага! Так прям и открыла!

— Ничего! Уйди, а?! — нервы мои были на пределе, до скандала вот прямо рукой подать, а при Егоре выяснять отношения уж точно не хотелось.

На удивление Иван послушался. Так я наивная подумала. Когда еле живая выползла из ванной комнаты, его уже и дома то не было. Мама развлекала Егора сидя на диване в гостиной.

— Где Иван? — мрачно спросила, даже Егор удивился от моего голоса.

Скуксился на секунду маленький.

— В офисе там стряслось у Ивана. Он туда и поехал. Злющий как собака, серьёзное что-то. Ну ты, как? Чем-то отравилась? — мама, так активно объясняла, что у Ивана случилось, что я сразу поняла, врёт она, не имеет понятия, где он.

Куда только он свалил? Неужели догадался и зол теперь? Да ну бред!

Но мне же нельзя нервничать, а пока он вернётся, я себя доведу до истерики.

— Мам присмотри за Егором да? Пойду позвоню Ване. — я уже направилась в сторону лестницы, но мама меня остановила.

— Не могу я за ним смотреть. На, бери ребёнка и не выдумывай глупости всякие, что ты сейчас зятю моему будешь нервы мотать? Он за рулём! Ещё врежется, не дай бог, во что, а ты будешь виновата. На! — буквально спихнула в руки мне сына, Егор ещё и разревелся от такой неожиданной смены бабушкиного настроения.

— Он тебе не зять! — эмоции переполнили, уже и ребёнок не сдерживал, только покачивала его, но ему-то от этого ни холодно, ни жарко, плачет он и всё тут.

Мать орёт, бабка орёт!

Только тётя Катя прониклась вовремя.

— Давай Ирочка я повожусь, мы наверх пойдём. — забрала у меня ребёнка, а я стою как дура в ступоре напротив мамы и даже не знаю, что сказать, хотя слов было выше крыши.

— Ну? Успокоилась? — мама сложила руки на груди и уставилась на меня так, что стало стыдно.

Плакать захотелось как в детстве, когда колготки белые капроновые порвала, один день их в школу только относила.

— Мама я опять беременная! — тут я уже не выдержала, заревела и повисла у неё на шее.

— Ооо! Ну теперь то зятёк точно не отвертится, женится как миленький, а ты не реви! Вот чего Егорка от молока отказался, и я ну надо же, не догадалась, а у меня таких мамочек знаешь сколько было? Даже на наш маленький городишко с десятков наберётся. Ну всё! Не реви! Вредно реветь тебе. Чего ты ревёшь-то? Что за трагедия?

— Я не знаю мама! — я просто уже ревела, не задумываясь о причине своих рыданий.

Успокоилась только когда выплакалась, и напилась чая горячего, приторно-сладкого.

— Ты отдыхай, а я с Егором повожусь. — мама уложила меня как меленькую, даже одеяло, как в детстве подоткнула со всех сторон.

Я осталась одна, недолго ещё поскуливала от обиды, оттого, что всё так коряво у меня складывается, да и заснула мечтая уже не о предложении нормальном от Ивана, а о дочке.

Разбудил меня Иван. Щекотал мой висок до тех пор, пока мне не надоело отмахиваться от его руки, а он ещё и смеялся гад!

А мне что-то не смешно было. Хотелось огреть его чем-то тяжелей подушки.

— Ирка, ты не там спишь. — что-то невнятное для меня сказал, и подхватил на руки.

— Что происходит? — я уже окончательно проснулась, в голову лез всякий бред, что вроде как меня выселяют прямо сейчас.

— Ну вот смотри. Читай. — Ваня вынес меня из детской и остановился у двери напротив.

Пришлось фокусировать взгляд, чтоб разобрать его писанину. Слово я разобрала не сразу, да даже и не разобрала, а вот цифры бросились в глаза.

Триста один.

— Что тут написано? Что за триста один? Отпусти меня, мне неудобно. — наврала Ване, пытаюсь опуститься на пол, но он не собирался меня отпускать, хотя трясло его заметно.

— Злюка! Санаторий Родник, номер триста один. — быстро прочитал и занёс в комнату, ту самую, которую он и занимал не так давно.

— Что это значит? — я ничего не соображала, опять слёзы наготове, не успели и глаза просохнуть.

Зачем мне напоминает этот чёртов санаторий и тот номер, в котором бросил меня?

А я забыла. Не думала, что забуду. Егор со своим рождением перечеркнул в памяти всё плохое и глазками своими зелёными стёр эти три цифры.

— Вот тут ты типа спишь да, а я никуда не должен был уезжать. — Ваня опустил меня на кровать, даже одеялом прикрыл.

— Я не понимаю ничего, что происходит? — попыталась встать.

— Пчела! Лежи говорю! Я и так нервничаю, а ты капризничаешь! Полежи пять минут, потом будешь мне мозг выносить своими капризами. — вернул меня обратно головой на подушку.

Ну хорошо. Глубоко вдохнула.

— Давай закрывай глаза. — потребовал он в придачу.

Сложно мне было послушаться, но я зажмурилась.

— Открывай. — шепнул Ваня в самое ухо.

Открыла глаза. Ваня стоял на коленках прямо на кровати, на его дрожащей ладони лежало кольцо. До меня вроде дошло, что к чему, но он молчал, словно завис.

— Мм. — я промычала спустя минуту тишины, глядя ему в глаза, может что-то скажет?

— Замуж... — выдавил из себя Ваня дрожащим голосом, вот-вот заплачет.

Таким я его видела впервые. Душа, казалось, разорвётся, если я увижу его слёзы. И теперь я поняла его, почему он не мог видеть моих слёз. Когда я плачу, он испытывает то же самое, но мы девочки не гонимся за мужественностью, плачем тогда, когда нам плачется.

— Я согласна! — сама встала на коленки напротив него, схватила это кольцо и повисла на его шее.

Если и заплачет сейчас, то пусть я этого не вижу, а то разревусь похлеще, чем при маме.

Иван

Ага! Отлегло! Пока я бутылку намывал, позади тещенька нарисовалась. Не успел в себя прийти от концерта Егора, от Иркиных слёз, а тут новый стресс позади топчется, икает и явно собирается вгрызаться в мой мозг.

— Что-то хотели Анастасия Николаевна? — спросил её уже, а то сопит в спину словно я преступник, а она мой конвоир.

— Естественно! — словцо-то выбрала не по пьяному языку.

— Слушаю вас внимательно. — чуть не попросил её бодренько болтать, а то ночь, и спать охота.

— Я интерес проявить хочу. Вы я смотрю уже второго состряпать успели, а жениться-то вы собираетесь? Или так и будете сожителемствовать? Или это у вас, как сейчас модно, свободные отношения? — тёща упёрла руки в бока и задрала нос, ну точно Ирка, она так же делает, когда злится.

Я ещё немного потупил, переваривая её текст, в частности про второго. Кто кого состряпал и что там за свободные отношения ещё?!

— Че? Че вы там про второго? Я чет не понял. — спросил и завис прям с бутылкой детской в одной руке и соской в другой.

— Беременная Ира. Это — вот даже к врачу можно не ходить. Но нужно конечно ходить. — огорошила меня тёща, а я поплёлся к стулу, осадила меня Иркина мать, прям как обухом по голове.

— А ей че, можно уже? — я как мужик и не особо в теме, но вроде не положено так сразу.

— Замуж? А чего нельзя то? — Анастасия Николаевна присела рядышком, издевается, что ли?

— Какое к чёрту замуж? Беременеть ей можно уже?! — чуть не начал рвать на себе волосы, пока тёща ответ соображала своими пьяными мозгами.

— Вообще, нежелательно так сразу, но что ж теперь? Уже ничего не поделать, придётся рожать. А Ира девочка здоровая, всё будет хорошо. — ласковый тон тёщи резко сменился; — Женится ты на Ирке собираешься сволочь?! — Анастасия Николаевна вцепилась в футболку мою, еле отодрал её от себя.

Не знал то ли смеются, то ли плакать.

— Да женюсь я! Женюсь! Сядьте! — усадил буйную Иркину мать обратно на стул, а сам уже вопрос гоняю чего это Ирка мне ничего про второго не сказала?

Неужели аборт задумала? Да нет! Не может моя Ирка такого удумать!

— Че она мне про беременность не сказала?! — уже хотел идти и пытаться эту партизанку злостную, а то молчит по делу и без дела.

— Да она и не знает пока. — Анастасия Николаевна отвела невинные глаза в сторону.

Ахренеть просто! Не тёща! Комбинатор!

— Как это? Она не знает, а вы знаете? — я ещё не успел второму ребёнку обрадоваться, тому, что увижу, как у Ирки живот расти начнёт, а уже огорчился.

Кто такими вещами шутит?! Подумал, что меня тёща сейчас развела как лоха.

— Я ей говорить не стала, а ты поторопись зятёк с предложением, а то Ирка про второго узнаёт и точно не сдержится, будет скандал. — Иркина мать говорила, а я совсем не мог понять ничего.

Запутала!

— Так, я не понял! Есть ребёнок или нет? — в голове как-то не укладывалось, как она может знать, а Ирка нет.

Что за бред?!

— А чего ты думаешь Егорка от мамкиного молока отвернулся? Лишили внучка моего довольствия! Могли бы хоть до трёх месяцев дотянуть! Смесь она хоть и хорошая, но против мамкиного молока не попрёт, а у Егорки ведь даже аллергии не было. Ох Ваня-Ваня... — Анастасия Николаевна встала со стульчика и тяжело вздохнув, побрела к себе.

Догнал её уже у двери в комнату.

— Вы Анастасия Николаевна, Ирке, не говорите пока. Ладно? Я над предложением тружусь, чтоб романтика и всё такое.

Заручившись тёщиной поддержкой, пошёл наверх.

Егорка раскинулся звездой в кроватке и сладко спал. Едва удержался, чтоб не потискать, не поцеловать, а то разбужу ещё ребёнка. Ирка меня тогда съест.

Разделся, забрался к ней тёпленькой под одеяло, спит и не знает ничего, а я знаю.

Чудно!

Приобнял Пчёлку мою, положил руку на её живот и задумался. Я же кретин? Кретин! Понятия не имею как у нас с Ирккой Егор появился. Как это происходит вообще? Ничего не знаю про это. Даже какой у Ирки живот будет, примерные его габариты и как скоро вообще? Какая она вредная будет или больше милая? Столько всего упустил и не вернуть уже.

Я и раньше ещё понял, что до хрена потерял, свалив тогда в рассвет. Понял, когда Егора впервые на руки взял, или даже раньше, когда про Иркин декрет в её же кабинете услышал. Да. Точно тогда, но сейчас прям осознал не мифическое до хрена, а вполне конкретное тепло в душе прошляпил. Это я ж отцом стану!

С такими новостями я уснуть не смог. Всю ночь обдумывал предложение, свадьбу саму, когда и где, даже в уме список гостей накидал. И ремонт надо срочно делать, детей скоро двое будет, а мы в детской с Ирккой живём, непорядок. Надо готовить родительскую спальню отдельную. А если дочка? То ещё одна детская нужна. Отдельно для девочки, обязательно розовая. У сына голубая, у дочки розовая. Всё логично.

С утра совсем позабыл на радостях, что просил тещу Ирке ничего не говорить. Сам чуть ей не рассказал, посчитав это очень забавным. Но мне нужно было обдумать детали предложения, как Ирку переместить в Родник, а предложение я хотел ей сделать именно там. В том самом номере, в котором бросил её, совершив тем самым самую большую ошибку в жизни. Пара дней всего-то нужна была, и я наивно полагал, что они у меня есть. Ирка догадливая, всё поняла, и я понял, когда на предложение поехать в больницу, услышал её раздражённое “В загс!”. Подгорело у Ирки, и у меня соответственно тоже.

А кольцо в офисе, утром купил и там оставил, чтоб Ириша раньше времени не нашла. Отдал Егора теще, разрываясь на части, поехал за кольцом, хотя хотел остаться с Ирккой, плохо ей, я рядом хочу быть. Ещё вина на меня накатила, за то, что рано мы второго заделали с Ирккой. И Егор без молока остался и Ире нагрузка на организм. Но она тоже хороша, в душ залезла ко мне, когда я и так на стенку лез, не до поиска резинок было, а в душе я их отродясь не держал, да ещё и в комнате для гостей. Сдерживался-то с трудом, чтоб не разогнаться. Вот и тихонько тоже дети получают.

Торопился как мог, хоть теща и пообещала прикрыть меня, я всё же боялся разминуться с отцом. А то он не в курсе что у меня сегодня что-то в кабинете лопнуло. Потому что ничего и не лопалось, я специально домой вырвался, чтоб с Ирккой и Егором побыть. Помочь своей беременной Пчёлке хотел.

Вернулся домой уже с колечком и маркером в придачу. Буду санаторий делать ближе, чем он есть.

— Ира спит, я с Егором повожусь до утра. — встретила меня в прихожей Анастасия

Николаевна.

Словно у дверей ждала.

— Вот кольцо, как думаете? Подойдёт? — размера ж я не знаю, а нервяк всё хлеще и хлеще и мысль та бредовая опять в голове гуляет, что Ирка откажет мне.

— Даа. В самый раз! — тёща на кольцо почти и не глянула, в спину только толкнула меня, поторапливает.

— Ну всё! Я пошёл! — оторвался от её руки, что в спину меня тыкала.

Только дышать не забывал, об остальном уже старался не думать. И сердце опять дебоширит в груди моей, голова опять едет. Быстро дверь исписал, бред, конечно, но другого уже не будет. В Родник я Ирку увезти не успею, а она и ждать не станет.

Зашёл в комнату к спящей Пчёлке. Спит такая сладкая, руки под щекой, а волосы даже не распустила. Будить её звездац как не хотел, даже подумал до утра подождать, но потом понял, что не смогу. И так опоздал на год считай, куда ещё ждать?

А Ирка вредная такая, из-за того, что спать ей не дал, так и представил её вредней раз в десять в скором времени. Кое-как лежать заставил и слов моих она ни хрена не поняла. Ни про Родник, ни про номер. Какое-то разочарование и отчаяннее накатило на меня. Что я чет блядь не так делаю, зря я это всё затеял. Надо было тупо на колени с кольцом в коробке, а у меня даже коробки нет. Хотел от души, чтоб даже Пчёлка плакала от радости, а она даже не поняла ничего.

Открыла глаза, как я просил. Протянул ей это кольцо. И ничего. Стою как идиот на кровати, на коленях. И ни хрена сказать не могу. Где моя лихая способность слова влёт подбирать?! Не мог! Ком встал в горле оттого, что я всё запорол. Впервые в жизни, единственный раз предложение делаю и так всё по-уродски выходит. А Ирка же ещё да не сказала.

Тишина оказывается может убивать. С каждой секундой этого Иркиного молчания помирал на пару лет.

— Мм. — только после это её мычания до меня дошло, что я ей ничего и не предложил, а сейчас и не могу уже сказать.

— Замуж... — выдавил из себя одно слово и заткнулся, потому что Иркиных слёз от счастья хотел и не получил, а сам сейчас разревусь от несчастья.

— Я согласна! — крикнула, ладонь мне поцарапала даже, когда кольцо схватила и повисла у меня на шее.

На той самой, за которую я так переживал год назад, а сейчас готов Ирке подушечку подложить, чтоб мягче ей на этой шее сиделось. Если ни ей, то и на кой она нужна тогда?

И пока я соображал, как бы не разреветься позорно при Ирке, на мою шею посыпались её поцелуи. Сразу и вздохнул с облегчением и осознал, что да мне сказала Пчёлка моя. Да!

Никогда бы не подумал, что так рад буду стать мужем! И я сдержался, а вот Ирка всё же расплакалась.

Ирка от шеи переметнулась к губам с жадным и долгим поцелуем, пальцами в волосах моих закопошилась. Пытка. Давно бы разложил Пчёлку на кровати, а сейчас зассал как пацан малолетний, потому что ни в зуб ногой, можно ей беременной? А желание только растёт, ещё воспоминания, как мы в триста первом отжигали масла в огонь подливают.

— Ир. А нам можно? — не выдержал, спросил её прямо, пусть лучше сейчас обломает, и я пойду договор перечитывать на поставку оборудования от немцев, больно много там шрифта мелкого, а юристы могли чего и пропустить.

— Тебе мама сказала? — Пчела задохнулась от возмущения.

— Если честно, то ещё вчера. — прижал её крепче к себе на всякий случай, а то вдруг побег удумает.

— А мне почему не сказали? — Ирка надула губы, а у меня даже эта её манера дуться вызывает восторг щенячий.

— Я думал, что успею тебя в Родник увезти, а ты сама догадалась, я не успел. Но ты себе только не надумай чего, я раньше ещё хотел, когда не знал про ребёнка. — был максимально честен с ней, но Ирка ужом завертелась в моих руках.

— Ваня я лечь хочу, мне так неудобно стоять, коленки затекли. — пояснила Пчёлка, когда поняла, что я не отпущу её.

— Я думал ты сбежать хочешь. — лёг с ней вместе, притянул её к себе, а она устроилась под боком поудобней.

— Куда я от тебя денусь? Люблю я тебя Ваня. — Ирка в любви призналась, хотя так сказала, словно призналась, что у неё бородавка на попе.

Хотя я та ещё короста липучая и Ирке нервов помотал, справедливо всё!

— А я тебя люблю Пчёлка моя. — как же хорошо прижимать к себе любимую женщину и признаваться ей в своих чувствах.

Ирка тут же перебралась повыше, сегодня вся инициатива на ней, я торможу пришибленный всем происходящим. Поцелуйчики — это, конечно, хорошо, но Ирка на мой вопрос так и не ответила. Вместо ответа мне были её ловкие руки. Оглянуться не успел, как Ирка за поцелуем мне рубашку расстегнула.

— Я так понимаю нам можно да? — уточнил, а то, как Буратино мне лежать совсем неинтересно, а на активные действия я хочу добро от Пчёлки своей получить.

Чтоб потом претензий не предъявила, что я её опять не спросил.

— Я хорошо себя чувствую, беременность не болезнь. — сердито ответила Ирка, злится на меня, что я весь романтизм порчу своей неуверенностью.

— Ну тогда иди ко мне! — целуя, сгрёб её в охапку, попутно избавляясь от одежды.

— И вот это нахрен. — стянул с Иркиных волос резинку, люблю её бабинку на голове, но днём, а не в кровати.

По подушке растеклись её чёрные волосы, вызывая у меня очередной приступ восторга, и желание облизать Ирку с ног до головы.

Бля! Я в щенка с ней рядом превращаюсь! И мне ж по кайфу это — вот всё!

Всё именно с ней у меня по-настоящему. Она шумно дышала, хваталась за меня руками, а не мог оторваться от неё и этих мурашек.

— Тебе же не холодно? — внезапно до меня дошло, что тут холодных сливок нет, а она вся в мурашках, может ей не нравится, что я её, как псина вылизываю?

— Нет. — ответила Ирка.

— Почему мурашками тогда покрылась? Тебе неприятно? — даже бредовая мысль в голову влезла, что Ирка со мной разведётся из-за этого.

Ещё пожениться не успели, а я уже ищу причину для развода, чтоб её на корню устранить.

— Ваня, это приятные мур-мурашки. — кокетливый ответ от Пчёлки-Кошки был словно бальзам на мою больную голову параноика.

Отбросил все сомнения вернулся к процессу соблазнения Ирки, захватил губами по очереди твёрдый сосок каждой груди, поцелуями дошёл до её ещё плоского животика. Спуститься ниже Ирка не дала, нетерпеливая Пчёлка притянула меня обратно. Я вошёл в неё осторожно, не мог избавиться теперь от мысли, что сделаю что-то не так ребёнку.

Ирка обхватила меня ногами, и прижимаясь ко мне, продолжала целовать. Её стоны вырывались из неё даже через поцелуй. Горячая такая, отзывчивая, в мур-мурашках приятных и вся моя! Жена! И пускай мы ещё даже до загса не доехали, а думать так было чертовски приятно! Дыхания перестало хватать, Ирке было хорошо, и я осмелел, и теперь она стонала в голос. И пик удовольствия, за которым мы гнались накрыл нас вместе, после которого мы молча лежали на постели и восстанавливали дыхание.

— Классно! Что нам теперь без презерватива можно. — поделился с Ирккой своими мыслями, нарушая тишину, которая уже начала напрягать.

— Беременность странный метод контрацепции, ты не находишь? — смеясь, спросила млеющая под моим боком Ирка.

— Нет. Если бы тебя ещё не тошнило и рожать не больно было, то очень даже замечательный.

А ведь ещё год назад, видя у кого-то даже двух детей, хотелось покрутить у виска, а сейчас готов был запланировать ещё парочку, если Ирка не против, конечно, а то пока её все беременности я организовал без спроса.

Ирина

— Как же хорошо что я тебя не придавил год назад. А это, кстати, чё выходит? У детей наших даже года разницы не будет? — на Ваню внезапно напал болтун, мечущийся от лиричных воспоминаний до радостных уточнений.

— Тогда ты бы на меня не запал. Не будет. — уже сама успела подсчитать, пока у мамы на груди рыдала.

И если бы Егор родился в начале января, то оба ребёнка вполне могли родиться в одном году.

— Чё это не запал бы? Запал! — Ваня так возмутился, словно я его в чём-то страшном уличила.

— Ты сам так сказал. Что если бы не моя выходка с отчётом, то и не обратил бы на меня внимания! — смеясь, напомнила ему про его же заявление, наблюдая, как он хмурится.

— Не мог я такого сказать. — буркнул тут же и вскочил с кровати.

— Но ты так сказал! — я стояла на своём, я ж тоже не дурочка и отлично помню его слова.

— Не верю, не помню, а значит не было такого! Кстати, колечко по размеру как? — Ваня уставился на меня, а я опешила.

— Ой. — начала судорожно рыскать по сбитому постельному белью.

— Ты что его потеряла? — возмутился так, словно я Егора потеряла.

— Ты должен был его мне на палец одеть! — я уже чуть не плакала, не успела кольцо заветное получить и потеряла его чучундра!

— Ну ты и чучундра! — повторился Ваня, даже обидно не было, смешно, что подумали одинаково.

— Нашла! Одевай! — вручила колечко Ивану, хотела, чтоб непременно он одел его мне сам.

— Сама бы его сразу одела и не скакали бы тут голяком. — проворчал Ваня.

— Я переживала просто. — протянула Ване руку и на безымянный палец как влитое

село колечко с аккуратным блестящим камушком.

— Сам чуть ежа не родил. — смеясь, заявил Ваня.

— А сколько времени? Егор, нам пора его забрать. — мамаша называется, про ребёнка забыла совсем.

— Нет не пора, заберём его утром. Он у бабули в гостях. А ты не ужинала? Тошнит? — Ваня завалил меня вопросами, похоже, будет меня канать своей заботой всю беременность.

— Нет. И не тошнит, а очень есть хочется. — соврала Ване, есть не хотела, но он-то точно так и не поужинал.

— Тогда на сборы тебе двадцать минут, я тебя приглашаю в ресторан. — с реверансом он скрылся за дверью ванной комнаты.

— В ресторан надо час собираться. Двадцать минут это только в кафе.

— Бургер будешь? — Ваня выглянул из-за двери и повёл бровками намекая на моё прошлое безобразие в Гагарине.

Не удержалась, запустила в него подушкой, но не успела попасть, закрылся жук.

Когда я собралась, Ваня ждал меня уже в прихожей, с моей курткой в руках. Джентльмен!

— Благодарю. — нырнула руками в рукава и поправив причёску, ещё и поцеловала своего получается жениха пока что.

— Завтра поедem и купим тебе шкурку. — вдруг заявил Иван.

— Ту шубу я продала. — сразу сообщила Ване, раз уж речь о шкурке пошла.

— Да я знаю. Прости. — он прижал меня к себе и нежно, невесомо коснулся губами моего виска.

— За что простить? — не поняла его просьбы.

— Да как за что? Если бы я не струсил тогда, тебе бы пришлось уволиться и в Москву переехать, а не шубы продавать. — он нахмурился, а мне уже надоело это его самобичевание, но я виду не подавала, кивнула только соглашаясь.

Если не прекратит в ближайшее время, то точно скажу!

Следующие две недели выдались шebутные. Подготовка к свадьбе шла полным ходом, фотосессия и о ужас для меня — интервью в один из глянцеvых журналов. Благо мне

каверзных вопросов не задавали. Иван лично проверил их всё и вычеркнул, те, которые ему не понравились. Так что я спокойно ответила на вопросы, касающиеся семейного очага, планов на воспитание ребёнка и тому подобной ерунды и отбыла в детскую, удивляясь, кому, вообще, будет интересно читать мои ответы? Кто меня знает-то? Да никто. Разве что мама купит пару журналов и подругам подарит, похвастается моим везением.

После интервью я быстро собралась в больницу. Хотя и так уже знала, что беременна, да ещё и тесты сделала для уверенности, и врач мой подтвердила, но направила на УЗИ, перестраховаться. Отмести все риски. Врач сказал, я сделала, записалась на УЗИ, но чего никак не ожидала, что Ваня отложит кучу своих дел и лично будет меня сопровождать.

— Ну вот ваш бедующий ребёнок, пока эмбрион на пять неделек. — врач показал нам на мониторе пятнышко.

— Ээ. А где ручки, ножки, голова где? — Ваня ляпнул, хмуро глядя в монитор.

Мы с врачом, не сговариваясь, засмеялись над ним, на что он тут же обиделся.

— Не так сразу молодой человек. Ручки, ножки, голова — это вы всё увидите, когда придёте на скрининг, а пока только вот. Сердечко послушайте. — врач что-то нажал и по небольшому помещению гулко застучала ещё одна жизнь, а на Ванином лице появилась улыбка.

— Ёлку нужно тут вот поставить!

Мама спорила с Олегом Егоровичем в гостиной как раз тогда когда мне приспичило молочка спуститься попить.

— Да зачем её тут ставить?! Мы что хоровод вокруг неё водить будем? Ей-богу я вашей логики совершенно не понимаю. В самом деле, чем место у окна вам не нравится? Мы всегда там ёлку ставим. Стоит в углу и никому не мешает.

— Вот именно. Стоит в углу, и никто её не видит из этого угла. А так она в центре внимания. Вот только представьте, вы заходите в дом, а тут сразу же праздник в глаза бросается. Ёлочка красавица. Подарки под ней.

— Да и чтоб подняться на второй этаж, придётся эту ёлку обходить. Сынок скажи же? Я прав?

Мимо пронёсся Иван, уткнувшись носом в свои бумажки. Век технологий, а он все в бумажках.

— Ой! Мне вот, вообще, не до ваших ёлок сейчас. Купите ещё одну и поставьте две ёлки,

чтоб никому обидно не было. — отмахнулся Ваня.

— Вот! Молодец затёк! — радостно подхватила мама поддержку.

— Никакой он тебе не зятёк! — влезла я, нет ну а что?

На УЗИ меня Ваня свозил, все приготовления к свадьбе были окончены и про мое существование забыли, видимо до самой этой свадьбы.

— Что? — Ваня наконец-то нос поднял от своих документов.

С великим удовольствием порвала бы на клочки мелкие каждый документик.

— Так, ничего. Небольшая ремарка.

— А ну поясни! Что за ремарка, да ещё в таком тоне? Тебя какая муха укусила Пчела?! — я, конечно, добивалась внимания, но не такого бурного.

— Огромная и жирная муха! Твое безразличие ее зовут!

— Че? — Ваня просто обалдел от такой скандалистки меня, да что там, я и сама от себя обалдела.

— Не чё, а что! Что слышал! — выговорила и полегчало, хотя и особо тяжко не было, и вообще, это мама все виновата, с елкой этой и меня завела.

— Олег! Это что такое?! — мама развела руками, хлопая ресницами.

— А что? Милые бранятся, только тешатся. Наша Ирочка нашего Ванечку, кажется, под каблук загоняет. — Олег Егорович рассмеялся.

— Папа ну ты-то! А ну пошли! — Ваня потащил меня в обратном направлении.

— Куда ты тащишь меня, я молока хотела попить. — слабо сопротивляясь, хотела скорей узнать, чего Ваня задумал.

— Укол добра тебе сделаю и на работу поеду, а потом вернусь в шесть вечера...нет в семь и еще пару поставлю.

— Что за укол еще? Я не хочу никаких уколов! — я еще не верила тому, что слышу от Вани, про какие-то уколы, а он на мое не хочу только завел меня в комнату напротив детской.

— Этот хочешь! — отпустил меня и тут же скинул пиджак и брюки с трусами спустил, остался только в рубашке.

Да, этот укол я хочу! Отвечать Ване только не стала, к чему? Когда за меня ответ держал халатик, полетевший в сторону, и еще довольная улыбка моя.

После горячего и страстного укола, Ваня вернул себе прежний солидный вид и хотел уйти нежно поцеловал меня, только дав понять, что не злиться на мою вредность и уничтожение его нервных клеток.

— Злючка ехидная! — выглянул из-за двери смеясь.

Я оделась и вернулась в детскую. Егор спал, на улице мела метель, и дел которых в последнее время было по горло, совсем не осталось. И как назло, не спалось даже. Взяла радионяню и хотела спуститься к маме, но в комнату зашел Ваня.

— Держи молоко, ты хотела. — я разомлела.

Надо же, запомнил, хотя даже я забыла про это молоко.

— Спасибо. Я очень вредная да? — стало стыдно за свое поведение, все-таки Ваня работает, а не развлекается.

— Даже если ты будешь в сто раз вредней, я все равно тебя буду любить! — чмокнул меня, а потом глянул на часы, брови его поползли вверх.

— Беги! Я буду ждать, даже если ты опоздаешь, обещаю не ворчать! — не была уверена, но пообещала, постараюсь сдержаться.

Свадьбу Иван закатил шикарную, и конечно же, наплевав на всех, в Роднике! Только меня спросил не против ли я, а я и не против. Согласилось под ворчание его друга Макса, который как раз гостил у нас со своей девушкой Леной, к счастью моему, такой же простой как я.

Конечно, многие отказались ехать в такую даль, но Ваня рассудил, что поедут самые настоящие друзья и близкие. Вот в Родник и смогли приехать все мои подруги, им было недалеко, до Москвы бы они точно не добрались. Правда, Ольг не поехала, но я к ее отказу отнеслась с пониманием. Трое детей и мужу некогда.

Свадьба получилась шумная, веселая, простая несмотря на большое количество серьезных гостей. Все веселились, а мы с Ваней сбежали, в наш триста первый.

Весна выдалось совсем отвратительной. Целыми днями лили дожди, да такие, что даже на веранду выйти желания не было никакого. Егор только недавно перестал капризничать сутками, став обладателем двух ярко белых молочных зубиков. Всем их с удовольствием демонстрировал широко улыбаясь. И у меня токсикоз отступил. Еще бы солнышка немного и было бы все замечательно.

— Пчелка. А у меня для тебя подарочек. — Ваня говорил со мной, но передвигался по полу гостиной на четвереньках в сторону Егора, веселя его, изображая собаку.

— Что за подарок? — вытянула ноги, создав Ване тем самым препятствие, Егор, не дождавшись папочку, пополз к нему сам.

— Вот, в кармане пиджака достань. — Ваня аля вильнул хвостом, звонко чмокнув подползшего сына в лоб.

— Пя-пя. — Егор встал, хватаясь за ворот Ваниного пиджака, и попытался укунить папу за нос.

— Это кто тут кусается? Отрастил два зубика и кусаться? Ах ты маленький троглодитик! — Ваня подхватил хохочущего ребенка, их грандиозные игрища каждый вечер не давали мне скучать.

— Ваня, это что? — пока он не начал играть с Егором в самолетик, успела выудить из кармана его пиджака подарок, но развернув плотный конверт, не поверила глазам.

— Это билеты. Мы летим на морееее. Вжих! — Ваня не только ответил, но и изобразил сей полет.

— Ты же... — я запнулась, ком встал в горле.

Какое море, какие билеты, когда я отлично знаю, что Ваня боится летать и для него эта поездка будет скорей страшным событием чем радостным.

— Что я же? Я успокоительное выпью. Не могу же я из-за своей фобии лишить тебя и детей моря и солнца? А одних я вас не отпущу. Так что решено, в пятницу вечером вылетаем. — безапелляционно заявил Иван.

— Нет, нет это слишком. Жила же я как-то без моря двадцать шесть лет и еще столько же проживу. — я отказалась наотрез, а как согласиться?

Ваня потерял из-за этого моря маму, нам может и будет с Егором хорошо, а ему лишние воспоминания и одно сплошное расстройство.

— А дети? Тем более лето обещают дождливое. Мы едем, черт летим мы! Только не говори, что ты плакать собралась! — потребовал Иван, когда я склонилась над этими билетами.

— Собралась... — всхлипнула я и разревелась.

Не для моего состояния такие подарочки принимать.

— Если я вручу Егора бабушке, он разрешится! — угрожающе предупредил меня Ваня, чтоб я перестала реветь.

— Вручи его тогда дедушке. Или вы меня списали уже? — в гостиную зашел Олег Егорович, а у Егора разницы не было, дед и отец вызывали у ребенка одинаково бурную реакцию.

— Не спишем мы тебя, еще от правнуков не отобьешься. — Ваня отдал Егорку деду и перебрался ко мне, утешать.

— Хочешь я расскажу тебе сказку? — спросил Ваня.

— Нет. Я хочу смотреть сериал про домохозяек и есть медовый торт, а ты должен чесать мне животик. Только равномерно, а не как в прошлый раз, ты только слева чесал, а правую сторону игнорировал. — обиженно говорить все это, выходило само собой.

— Пчелка моя! — Ваня с улыбкой потискал меня, прижимая к себе.

Уже в субботу утром мы оказались на пляже. Ваня сносно перенес перелет или делал хороший вид, чтоб я не нервничала, а Егор весь полет спал. Море — это чудесно, солнышко, пляж и счастливый Ваня учил Егора ходить по теплему песку.

Июль

А Ирка такая хорошенькая, а я локти кусал. Такое время упустил, ни дня не было, чтоб не пожалел хоть раз, что с Егором в животике ее не застал. Даже от ее капризов ловил кайф, она сплошной генератор щенячьей радости во мне и Егор от нее не отставал. От одного голосистого пя-пя получал столько радости, что, казалось, больше уже некуда.

И все спорилось. И дома хорошо и на работе энергии хоть отбавляй. Даже огород под окнами дома, который развела теща не бесил. Хотя, когда она впервые запросила ей теплицу поставить, у меня глаз задергался. У всех альпийские горки, пруды с карасями, а у нас тыква и помидоры!

— Ваня, иди Егора корми! — недолго мне моя маленькая пузатая командирша дала повозиться дома с документами.

Я хоть и старался работу домой не тащить, но иногда приходилось. Но раз Ирка зовет, я пойду. Пришел на кухню, Егор уже сидел в своем стульчике и стучал по стол стульчике и стучал по столешнице.

— Вот. — Ирка сунула мне тарелку, сразу по цвету понял, что это буду есть я, а не Егор.

— Почему ты его кормишь тем, что он ест, а я только тем, что он выплевывает? — спросил с возмущением, а то Егор уже понял, что папа ему всякую дрянь пихает.

— У меня токсикоз, а брокколи пахнет не очень. — тут же нашлась Пчелка, хотя токсикоз ее покинул еще весной и с тех пор ни разу ее не тошнило.

— Так, может, ему не давать то, что он все равно не ест и то, что пахнет не очень? — я сопротивлялся несмело, спорить с Ирккой было бесполезно, но и ходить зеленым тоже не было желания.

— Это полезно. — ехидно улыбаясь, и почёсывая огромный живот, заявила Ирка.

— Возможно, но если бы он это ел. А так для чего полезно? Для кожи моего лица? — да-да, стоило сунуть эту зеленую пюреху Егору в рот, он делал фонтанчик, сплевывая невкусную ему еду.

— Давай последний раз попробуешь, если и сегодня не поест, то не будем ему больше предлагать. — неожиданно согласилась Ирка.

— Ну давай. — сел напротив сына, он тут же насторожился, даже улыбаться не хочет.

Конечно, у ребенка уже стойкий рефлекс выработался, что папа напротив него на кухне, с тарелкой, это какая-то гадость в рот.

— Скажи аaaa! — протянул Егору пол-ложечки пюрехи, он нахмурился и отвернулся, а я и рад, может, хоть сегодня отмываться не придется от брокколи.

— Аaaa! — это уже Пчела протянула, я и не сразу сообразил, думал она Егору говорит, просит его, как и я, сказать а, но нет.

— Началось? — повернулся в сторону Пчелки, а она согнулась вдвое, с испугу пюреху в рот сунул, и тут же выплюнул.

Даже в стрессовой ситуации дрянь невероятная. Зато Егор развеселился.

— Анастасия Николаевна! — заорал сразу на весь дом, чтоб быстрее передать Егора и дуть в роддом.

— Я тут. Уже? — теща заглянула в окно кухни с улицы, опять на грядках копалась.

— На вас Егор, мы рожать. — подхватил Ирку под руку, она все молчала, дышала только

часто, как собачка, так на курсах учили.

— Я буду рожать од...на! — проскрипела Пчелка.

Мое желание присутствовать на родах ей совсем не нравилось, она была против хотя уже все было устроено, но, видимо, она на что-то надеялась.

— Одна-одна. Я за дверкой постою. — гуськом вывел ее из дома, успокаивая, врал ей, конечно.

С врачом договорился уже, что меня упакуют целиком и полностью в медицинское обмундирование и Ирка даже не поймет, что я присутствую.

— И входить не будешь! — Ирка выпрямилась, отпустило ее, и сама дошла до машины.

Как велено уложил ее на заднее сидение, уже через полчаса были в частной клинике, лучшее место для появления на свет, ближайшее к нашему поселку.

— Открытие полное, будем рожать. Так что скоро узнаете кто у вас будет. — обрадовал нас врач, заведующий родильным отделением после осмотра.

Да, ребенок-то у нас сюрприз оказался, так и не узнали ни на одном УЗИ мальчика ждем или девочку. Я почему-то хотел мальчика. Словно наверстаю упущенное с Егором. А Ирка мечтала о дочке.

— Ты знаешь, я, наверное, передумала. — вдруг сказала Пчелка, когда врач оставил нас вдвоем в палате.

— Что значит передумала? — как можно передумать, когда вот-вот родит уже, поздно вато передумала.

— Я хочу с тобой рожать, будешь держать меня за руку. — заявила Пчелка.

— Вот и правильно! — поцеловал Ирку, глазенки у нее, конечно, были перепуганные, хотя она во второй раз.

Я в первый и то не так нервничал. Хотя это я так думал.

Нервы начались тогда, когда Ирка начала по-настоящему рожать. Руку держать не получилось, Ирка держалась за специальные ручки, врачиха меня выставила у Иркиной головы, а медсестра сунула мне вонючую ватку, чтоб нюхал и в обморок не падал.

Все так быстро, я даже не понял ничего, вот только Ирка пару раз зажмурилась, по ее лбу скатились капельки пота, и ребенок расплакался. Разорался я б даже сказал. А когда мне предложили что-то там перерезать, ватка не помогла.

— Не могу я резать! — и даже не разобрал, кто у нас родился, сквозь черный туман в глазах, пробрался к выходу и аккуратно прилег на холодный кафельный пол.

Перенервничал.

Из небытия меня выдрал голос санитарки.

— Что ж вы такие слабачки? Вставай папаша! Твою красотку жену и красавца сына в палату повезли. Там на диванчике отойдешь.

— Сын да? — санитарка махнула на меня, словно я совсем пропащий, а я кое-как поднялся и по стеночке уже добирался до Иркиной палаты.

— Я думала ты сбежал. — Пчелка уже лежала в кровати и была такая довольная, улыбка до ушей, хоть завязочки пришей.

— Я и сбежал. — прокрался тихо к маленькой кроватке со свертком.

— Хочешь подержать? — тут же предложила Ирка, ловко беря маленького из кроватки.

— Я чет боюсь. — присел на край Иркиной кровати хотя напротив был диван и кресло, но так далеко с этим крохой в руках не рискну.

— Егора ты как крутишь всяко разно, к потолку подкидываешь и не боишься? — усмехнулась Ирка, вкладывая мне в руки сморщенного человечка.

Егор был симпатичней при нашей первой встрече, Ирке только этого говорить не стал, а то обидится еще. Люблю я его все равно не меньше, понял это сразу же, как только в руки получил.

— Сравнила. Егор большой, а этот вон какой крошечный, хрупкий, я еще не умею его держать. Как назовем? — Спросил ее, имена мы все равно не придумывали, откладывали до родов.

— Так, не будем нарушать традицию, в честь дедушки, Олегом. Да? — похоже, это только я имя детям не придумывал, а Пчелка сразу нашлась и гадать не стала.

— Да. — папа будет рад.

3 года спустя

Уже убежал на работу, когда на выходе из дома меня поймала Ирка.

— Ваня, я хотела поговорить. — заявила она.

И вот всегда так, не раньше и не позже. Обязательно когда я тороплюсь.

— Говори Пчёлка, я тебя внимательно слушаю. — лучше выслушать, лучше опоздать на встречу, чем отшить Пчелу до вечера, иначе покусает злючка.

— Кхм. Олег уже привык к садику, я хочу насчёт работы спросить. — Иркина пчелиная решительность куда-то испарилась, и она топталась сейчас на месте, явно нервничая.

— Работать хочешь? — не удивился, уточнил просто.

От Пчёлки я ожидал чего-то подобного. Просто задницей чуял, что не станет она дома сидеть, дай только волю и крылышками забякает тут же Пчелка-труженица.

— Хочу. Дома без детей совершенно нечем заняться, мама и тетя Катя все сами делают, а я уже тупею. — Ирка надула губы, явно ожидая моего отказа.

— Ну хорошо. Сегодня узнаю, куда мы можем тебя впихнуть. Не факт, правда, что сразу должность хорошая...

— Спасибо! Спасибо! — Пчёлка даже договорить не дала, запрыгнула от радости на шею.

— Поцеловать. — подставил ей щёку, но поцелован был в губы.

В машине по пути на работу пытался сообразить, почему согласился. У всех же жены нормальные по магазинам шопятся и на курорты летают, и мама моя была такой, правда, если б не гребанный курорт сейчас бы внуков нянчила. Нет! На курорты только разом, одних не пушу, да и за десяток полетов на море с детьми уже привык, трясет, конечно, но не до паники. А плюсы того, что Ирка будет работать сами лезли в голову один за другим как ответы на моё почему? Во-первых, путь от дома до работы и обратно будем проделывать вместе, смысла гонять две машины по одному маршруту нет и это добрых два часа с любимой. Во-вторых, в моём кабинете стоит чудный новый диван... От воображения как буду на нем Иркин отчёт проверять, сразу всё в брюках зашевелилось.

Да это просто суперотличная идея взять Пчёлку на работу! Жаль, что не мне она в голову первому пришла, Ирка была бы рада.

Сразу по приезду в офис первым делом решил этот вопрос. Ирка как раз удачно вписывалась со своими знаниями и опытом на место без пяти минут декретницы. И уже через неделю, облизываясь от удовольствия, вызвал Ирку в свой кабинет с отчетом.

Еле дождался пока неделя пройдет, пока Ирка в рабочий ритм вольется, наскребет информации на хоть какой-то захудаленький отчетик. Чтоб был повод заманить ее в свой кабинет по делу.

— Вызывали Иван Олегович? — Ирка так официально, заявила в мой кабинет с папочкой в руках.

Ой! Наивная!

— Проходите Ирина Николаевна. На диванчик присаживайтесь. — поддержал ее игру в коллег по работе, закрывая дверь на замок.

Ирка прищурилась, догадалась Пчела проницательная.

— Ваня, нет. — Пчела прикрылась папочкой, ну прям она ее спасет, тем более я секретаршу уже послал в магазин за тридевять земель отсюда, чтоб не мешалась, не смущала мою Пчелку.

— Да пчелка. — подтянул ее за ножку, диван то как раз под Иркин размер, как влитая легла.

Хорошо диванчик обновили.

Так хорошо, что через семь месяцев пришлось Ирке идти в декрет.

А еще через два месяца она мне красавицу дочь родила! Ну и, чтоб теще обидно не было, назвали это кареглазое чудо Настенькой.

В мамином сердце — свет Мироздания,

Огромная бездна чистейшей любви!

Папина ласка — его назидания,

Мудрость мужская в бурлящей крови!

И нет во всём мире нежнее рассвета

И окон, где были бы ярче огни!

Мама и папа — два лучика света

Нашего детства и первой зари!

События происходят спустя год после эпилога.

Ирина

Мальчишки были в саду, а Настю я накормила и оставила с мамой, сама плелась в сторону дома Ольги. На душе было так погано, и я знала, только она сможет мне помочь и расставит всё по полочкам.

Мимо как раз проезжал Глеб хотя день был рабочий и увидеть его в посёлке после обеда было нереально. Он притормозил, я тоже остановилась.

— Привет! Случилось чего? — спросил, опустив стекло.

— Привет! — я радостно помахала рукой, — Всё хорошо! — выдавила из себя улыбку, как давят из тубика с пастой остатки.

То есть с большим трудом.

— А чего смурная такая? — спросил Глеб, и есть же у него время на допросы блин!

— У Насти зубки, вот до Оли иду, чай попить, отдохнуть. — отмахнулась и даже сделала шаг в сторону, надеясь, что Глеб поедет по своим делам.

— А. Проходили. Кстати, мне рабочие мангал не сегодня-завтра доделают, как насчёт шашлыков? Давайте в воскресенье соберёмся?

— Давайте! — радостно согласилась я, совсем забыв, что в эту субботу абсолютно точно рухнет моя счастливая семейная жизнь, а в воскресенье и собираться будет не с кем.

Мы попрощались с Глебом, он поехал по своим делам, я поплелась к Оле.

Она такая же проницательная, как и Глеб. Сразу же поняла по одному моему лицу, что что-то не так, только в отличие от Глеба, её зубками не убедить, да я и не собиралась. Специально же к ней шла, чтоб поделиться горем своим.

— Рассказывай! Что у вас опять стряслось? Снова кружева кто подкинул? — Оля меня каждый раз подкалывала этими трусами, но сейчас было не смешно.

— Хуже Оля! Он совершенно точно изменяет мне! Вот смотри! — я выдала ей свой телефон, с открытой перепиской.

Привет, как дела?

Привет. Мы знакомы?

Да. Мы работали вместе.

И?

Можем хорошо провести время вместе.

— Это что? — спросила Оля, почитав вслух несколько сообщений из моей переписки с Ваней.

— Это — вот что! — я выхватила у неё телефон и промотала до последних сообщений.

Гостиница Метрополь, 13 числа в 20 часов.

— Я всё равно ничего не поняла.

— Что ты не поняла? Я решила его проверить, купила новый номер и вот! Он мне! То есть ей, этой незнакомке с работы, назначил свидание! А у него там на работе, знаешь, какой диванчик? Вот такой вот диванчик! — показала класс и разревелась с новой силой.

Оля округлила глаза, немного подумала, потом села, отставив чайник на плиту, так и не налив нам чай.

— А он не мог узнать, что это ты?

— Ну... Мог, наверное, но он не знает! Вот ты тут почитай! Это в тот же день было, а он бы не стал мне такое писать, зная, что это я!

Хочешь встретиться? Могу освободить вечер субботы.

— Да уж! Ну ты сама дура, конечно. Зачем ты это затеяла? Не слышала поговорки?

— Какой?! — я уже натурально разревелась, утирала одновременно слёзы и пыталась соображать, но в голову лезли только картинки, как я собираю детей и пакую чемоданы.

— Не буди лихо! Пока оно тихо! Всё, разворошила ты осиное гнездо, будет теперь у твоего Ванечки десяток Пчёлоч! — заявила Ольга.

— В осином гнезде осы, а не пчёлы...

— О боже! Ну ты и дура-а-а-а... — протянула Ольга и мне было совсем необидно, она была чертовски права.

— Оля что делать-то теперь? — в этом случае я действительно не понимала, что делать, словно слепой котёнок тыкалась в углы и не находила выхода.

Такого выхода, чтоб и самой не сдохнуть от горя и чтоб детям было хорошо.

— Что делать? Причёску, маникюр, макияж лёгкий и платье! Такое, чтоб у твоего Ванечки челюсть отвалилась, когда ты явишься к нему на свидание. — безапелляционно заявила Оля.

— Я?! Я на свидание?! Я не смогу! Ты с ума сошла?! Я дома-то едва держусь, чтоб яйца ему не выкрутить! Свидание!

— Ты не поняла. Ты только представь его рожу, когда в гостиницу Метрополь заявишься ты, а не таинственная незнакомка. Представила? — Олин воинственный вид и мне придал уверенности.

— Да! — уверенно заявила я и была готова к конкретным боевым действиям.

Вырву ему все его волосёнки на голове и не только там! Будет знать, как на других Пчёл засматриваться!

Иван

Нет я знал, конечно, что Ирка у меня затейница, но такой завлекалочки от неё не ожидал. Пчёлка выдумщица моя, решила разнообразить нашу личную жизнь. — именно так я и подумал, когда получил от неё первое сообщение, хот нет, это случилось после второго.

Да. Мы работали вместе.

Даже сомнений никаких у меня не было, что это Пчёлка мне пишет. Я как раз сидел в кабинете и после этого сообщения взгляд мой сам собой упал на наш с Иркой диванчик. Вспомнилось, как именно мы с ней работали вместе и какой прекрасный розовощёкий результат нашей плодотворной работы выдали мне в роддоме через девять месяцев.

Не думая долго, сразу заказал люкс в Метрополе. Ирка там точно не была, ей понравится, если мы не забудем хоть разок посмотреть в окно. Но думалось мне, что кровать два на два метра всё же победит вид на Красную площадь.

Всю неделю я томился в ожидании нашей встречи. Этакая ролевая игра, незнакомка и незнакомец, ведь дома Пчела вида не подавала. Даже поворчала, как обычно, когда сказал ей что надо будет в субботу уехать на сутки для работы. Я, и так глотал слюни, предвкушая жаркую ночь, ожидая Ирку возле гостиницы, а как только она появилась и вовсе захлебнулся.

Платье на ней было такое, такое...и не описать простыми словами, но вызывало во мне

оно те же чувства что платье с ласточками когда-то. Я его точно запомню и это платье, точнее, Ирка в этом платье вытеснит из моей памяти очередной маловажный момент. Я уже совершенно точно что-то забыл, а вот это платье буду помнить всегда. Эти локоны, яркую помаду...я, радостный пошёл ей навстречу, волоча тяжёлый букет её любимых разношёрстных цветов.

— Привет! — не вручая Пчеле букет, прижал её к себе, чтоб скорей поцеловать.

Она что-то замешкалась, не сразу на мой поцелуй ответила, но её небольшое сопротивление только раззадорило меня. Действительно, всё было словно в первый раз, новая волна и острота ощущений.

— Идём моя таинственная Незнакомка? — с трудом оторвался от пухлых Иркиных губ.

Это, конечно, не наш санаторий Родник, где мы теперь отдыхаем всей семьёй, но мне не терпелось уединиться с Пчелой в номере Метрополя.

— Идём... — всё так же неуверенно согласилась Ирка и как-то странно захихикала.

— Чего ты смеёшься Пчёлка моя? — стало любопытно, к тому же Ирка отводила от меня свои шоколадные глазщи.

— Да так ничего. — она наконец-то посмотрела на меня и счастливо заулыбалась, тут то я и понял, что к чему.

— Погоди-ка, так ты это, ты думала, что я не понял, что это ты? Так это проверка была?! — честно возмутился, признаться, не ожидал от Ирки такого недоверия, хотя...

После той истории с трусами в кармане пиджака, конечно, не удивительно.

— Нет! Что за ерунда! Просто волнительно так и необычно, и я не думала, что всё получится. Так мы идём? В нашей ситуации стоять вот так и выяснять отношения непозволительная роскошь, этим мы и дома можем заняться! — заявила Ирка, крепко обнимая меня.

— Ага. Так я тебе и поверил... — изловчился и шлёпнул Пчелу по её аппетитной попке ненавязчиво обтянутой бордовой тканью.

Она тихо ойкнула и ускорила шаг, по-хозяйски забрав у меня свои цветочки.

Я бы сейчас расхохотался знатно, но кровать два на два не давала покоя, и хотелось Ирку скорей разложить на этой кровати, получив её до утра в единоличное пользование.

А то дома не особо-то разгуляешься, а на работу из декрета она вернётся только через два года, так что и на работе нам не разгуляться. Да и диванчик в моём кабинете стоит зря, пылится, сосредоточиться мешает, навевая горячие воспоминания.

Мы дошли до номера с трудом, потому что целоваться начали заранее, а остановиться было сложно. Ира словно ошалела от такой свободы, кусалась и рубашку начала вытягивать из моих брюк ещё до того, как мы попали в номер. Избавились мы от одежды ещё на подходе к кровати, я даже платье Иркино разглядеть толком не успел. Подмял Ирку под себя, завалив её на кровать. Как я и думал, до вида не дошло.

— Классная. Давай домой такую же закажем? — кровать реально была огромная.

— Да у нас такая же. — оглядевшись, оценила Пчёлка.

— Нет у нас меньше. — я стоял на своём.

— Такая же, даже больше немного. — заявила Ирка.

— Дома проверим, если я прав с тебя массаж. — поспорить Ирка любит, и я надеялся выиграть спор.

— Если я права, едем в зоопарк. Завтра. Ой нет, завтра нас Волковы на шашлыки пригласили.

— Так, разговорчики, мы сюда спорить пришли? — утопил руку в Иркиных волосах, столько лет это делаю, а не приелось.

— Нет-нет. — Ира отрицательно замотала головой.

Я снова её поцеловал, шаря руками по голому телу, Ирка только сильнее прижималась ко мне, ластилась и млела. Прижал её к себе ещё крепче, упираясь в её живот своим окаменевшим от желания членом. Но не стал торопиться, был один нерешённый, терзающий меня вопрос.

— Прежде чем я продолжу, ответь, пожалуйста, на один вопрос.

Ира посмотрела на меня ошалевшими глазами, да ей явно было не до разговоров. Я и сам едва держался, но меня раздирало любопытство, да и оттягивать желанный процесс и томиться в его предвкушении, умножая возбуждение тем самым, было чертовски приятно.

— Ты действительно думала, что я могу тебе изменить?

Пчела не думала сразу отвечать, она прикрыла свои бессовестные карие глаза и прошептала едва слышное;

— Да. — при этом она закусила губу.

Ей-богу, если б ни этот момент, я бы ещё покачал права и повозмушался, но

сдерживаться сил не было никаких.

— А я, кстати, могу, но только с тобой. Незнакомка моя! — выпалил это одной фразой, что Ирка мне по яйцам дать коленкой не успела.

А то она может недослушав, сделать выводы.

Ира ничего на это не ответила, только попойкой подмахнула и поцеловала нежно. Я не стал больше медлить, вошёл в неё одновременно прикусывая и лаская языком её красные, опухшие от поцелуев губы. Внутри неё было влажно и горячо от желания, а наши языки неистово переплетались под стоны обоих. Всё происходящее сводило с ума и радовало безумным желанием обладать именно друг другом, а не кем-то другим. Ирка сжимала пальцами одной руки мою шею, другой рукой впивалась ногтями в моё плечо и стонала. В каждый мой толчок в неё с её губ срывался довольный стон. Каждый следующий всё громче предыдущего и так до тех пор, пока она не начала дрожать в оргазме. Разрываясь фейерверком на тысячи ярких звёзд, Ира выгнулась в моих руках, и я в несколько быстрых толчков кончил.

Полночи мы кувыркались на огромной кровати пока у нас были силы, а потом заснули в обнимку абсолютно счастливые.

Ирина

Мы с Олей сидели на террасе в плетёных креслах, наши мужья крутились возле нового мангала как возле новой игрушки, а заодно готовили мясо, дети резвились с мячом на лужайке в компании моей мамы и Ваниного отца, одна только Настя беззаботно спала в коляске.

— Ну вот, я же говорила, что он знал, что это ты. — прошептала Оля, послушав о моих субботних приключениях.

— Да. Но мы не стали с тобой рассматривать этот вариант. — я улыбнулась подруге, а мой телефон запиликал, оповещая о входящем сообщении.

Я удивилась, что с незнакомого номера, но, когда прочитала, рассмеялась.

Мы с вами работали вместе...

И следом ещё одно сообщение.

Ещё вы мне должны массаж, так что жду вас 20 числа на том же месте.

Взглянула на Ваню, но он как ни в чём не бывало занимался мясом, обсуждая с Глебом кованые детали мангала.

Конец